

Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер): жизнь и судьба в эпохе

Колонка редактора

С. Мазур. Общество SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS и исследование наследия архиепископа Иоанна (Поммера)

12 октября 2014 года исполнилось 80 лет со дня мученической смерти архиепископа Иоанна (Поммера) (1876–1934 гг.). Для коллектива редакционного совета альманаха это стало поводом для издания специального номера, посвященного этой дате. Это далеко не первый вклад в изучение наследия архиепископа Иоанна (Поммера). На протяжении 10 лет на страницах альманаха общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS доктором филологии Ю.Л. Сидяковым публикуются документы, в основном из фонда Латвийского государственного исторического архива (ЛГИА) 7131. Первая статья «Воспоминания архиепископа Иоанна» Ю.Л. Сидякова увидела свет в первом номере альманаха в декабре 2004 года. С 2008 по 2014 гг. Ю.Л. Сидяковым подготовлено четыре объемных тома документов. Последним томом 2014 года нами завершен издательский проект избранных источников из фонда 7131 ЛГИА.

Общество SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS провело несколько публичных чтений, посвященных истории православной церкви 20-х и 30-х гг. XX века, биографическим страницам жизни архиепископа Иоанна (Поммера). Так 10 мая 2008 года в Риге под председательством доктора истории, профессора А.В. Гаврилина и историка Б.А. Равдина прошел семинар на тему: «Русское зарубежье в 20-е – начале 30-х гг. XX века». 12 октября 2009 года в Доме конгрессов под председательством доктора филологии Ю.Л. Сидякова состоялись мемориальные Чтения, посвященные памяти архиепископа Иоанна (Поммера). 11 февраля 2011 года в «Русском центре» Балтийской Международной Академии под председательством Ю.Л. Сидякова состоялись очередные мемориальные Чтения памяти архиепископа Иоанна (Поммера). 25 мая 2013 года в Юрмальском городском музее С.А. Мазур провел беседу с посетителями Дней Русской культуры на тему:

«Архиепископ Иоанн (Поммер) и русская культура в 20-е и 30-е гг. XX века». 13 мая 2014 года в «Русском центре» Балтийской Международной Академии С.А. Мазур прочитал доклад о проблемах исследования протоколов следствия убийства архиепископа Иоанна (Поммера). И 5 декабря 2014 года при содействии Старообрядческого общества Латвии в помещении духовной семинарии состоялась дискуссия о значении изучения наследия архиепископа Иоанна (Поммера).

Однако с завершением издательского проекта по фонду 7131 работа по изучению наследия архиепископа Иоанна (Поммера) не завершена. Благодаря поддержке посольства Российской Федерации в Латвии стал возможным выпуск 38-го номера альманаха, в котором, с одной стороны, продолжается линия публикации исторических источников (Ю.Л. Сидяков – «Архиепископ Иоанн (Поммер) в газете «Слово»», также «Архиепископ Иоанн (Поммер) глазами современников»), с другой стороны, центральной темой становятся его биографические аспекты жизни в латвийский период времени (С.А. Мазур – «Летопись жизни архиепископа Иоанна (Поммера) в 1921–1922 гг.»).

Изучение биографии священномученика ставит перед исследователями несколько совершенно новых задач.

Главный вопрос биографии архиепископа Иоанна следующий: в чем суть его подвижничества, его жертвы, его священномученичества?

А ведь на эти вопросы ни одна современная книга ответов не дает, как, впрочем, и тексты 30-х гг. XX века. Возьмем, к примеру, опубликованное в журнале «Вера и жизнь» в 1935 году в 11-м номере (с. 241–243) слово, сказанное в Рижском кафедральном Соборе на торжественной панихиде по случаю первой годовщины со дня смерти протоиереем П. Балодисом «Смысл мученической кончины архиепископа Иоанна».

«Обратимся теперь к жизни нашего покойного архипастыря.

Всем нам известно, как величественно и спокойно наш покойный архипастырь с церковной и общественной кафедры доказывал правоту христианских истин и с каким бесстрашием обличал отступников и хулителей веры. Мы видели, как

противники его отступали, пораженные силою его слова. И как было устоять? Ведь, учение его было не его, а веками проверенное учение христианской церкви. Рассуждения его были не рассуждения простого человека, а человека талантливого и высокообразованного. Слово его было – слово превосходного оратора...” и т.д.

Что мы видим в слове о. П. Балодиса? Произвольные рассуждения. Нужно ли выдумывать речи за архиепископа, если его современники располагали конкретными фактами, позволявшими говорить о владыке как молитвеннике, исповеднике и защитнике православной церкви. Тем более речи архиепископа Иоанна обладают одним очень важным свойством – автобиографичностью. Они в какой-то мере являются свидетельствами и исповеданием пастыря перед своей паствой. Речь 20 сентября 1931 года в Рижском кафедральном соборе в связи с 10-летним юбилеем возглавления владыкою православной кафедры в Латвии тому подтверждение. По ней даже ничего не знающий о православии в Латвии читатель может судить об истории и положении церкви после Первой мировой войны, о вкладе владыки в восстановлении прав православия в Латвии, о смысле его политической борьбы и т.д.

Автобиографичность текстов архиепископа Иоанна допускает и обратную интерпретацию. Читая тексты, узнаешь об узловых моментах его мировосприятия.

Возьмем, к примеру, «Слово в Великий Пяток» (см. «Вера и жизнь» No 5, 1931 г., с. 65–71). Канва проповеди захватывает поведение почтенного человека – члена синедриона, богатого, «с весом у Пилата», о котором упоминают все евангелисты. Мы имеем в виду тайного ученика Христа – Иосифа Аримафейского.

Архиепископ Иоанн указывает, что «скрывать свою веру страха ради – дело малопочтенное». Далее: «страх человеческий – это сорная трава на духовной ниве, подлежащая искоренению»:

«Иосиф весьма много потерял оттого, что скрывал свою приверженность Христу. Он мог состоять в постоянном живом общении со Христом, как и прочие ученики Его, но не состоял. Он потерял все те наставления Христа, которые преподавал

Господь ученикам, оставаясь с ними без народа. Очень может быть, что нам не сообщено о нем ничего более именно потому, что он и не сделал ничего более. Он был не так силен, не так свят, не так полезен, как мог бы быть, если бы следовал Христу не только издали, таясь. О, если бы это послужило предостережением всем тем, кто и в наше время стесняются открыто исповедовать Христа. Что богатство и общественное положение и в настоящее время многих удерживает от исповедания Христа, это общеизвестно. Что и в настоящее время пытаются оправдать свою теплохладность ссылкой на свою врожденную сдержанность во всем, тоже общеизвестно. Но если бы все были таковыми, что случилось бы с истиною, с церковью, с верою?» (с. 67–68).

Архиепископом Иоанном его время воспринималось как более «злое и подлое», чем времена первохристианства. И «если Иосиф в Голгофских злодеяниях усмотрел достаточное побуждение для того, чтобы от тайного исповедания перейти к открытому, то наше время должно быть почитаемо призывающим нас к немолчному исповеданию, сопряженному с ярко выраженным протестом против возведения на Голгофу не только Бога, но и человека», (с. 70).

По проповеди об Иосифе Аримафейском можно судить об архиепископе Иоанне (Поммере) – исповеднике христовой веры. В общем-то, текст, в данном случае, проповедь, дополняет поступок, делает одно взаимозависимым от другого. Для того, чтобы судить о поступке, нужно обязательно найти соответствующий текст. Верно и обратное: прочитанный текст заставляет искать поступок как основание для комментария проповеди. Потеря или упущение одного из этих двух элементов обедняет картину жизни архиепископа Иоанна, делает ее более обыденной и однообразной...

В книге «Колокол на башне вечевой» М., 2005 г. игумен Феофан (Пожидаев) проходит мимо неразрывности слова и действия в жизни архиепископа Иоанна, акцентируя внимание на одном элементе, но упуская из виду другой. И при внешней привлекательности выводов о. Феофана (Пожидаева) теряется нить историчности в повествовании, требующая конкретности и

доказательности суждений. Конечно, образы многих святых в чем-то схожи друг с другом. Как средневековые жития святых сходятся в обязательном каноне, так и в биографиях священномучеников православной церкви Новейшего времени много общих черт. Однако в XX веке нарастает роль индивидуальности. Так и в жизни архиепископа Иоанна сочетались, на первый взгляд, абсолютно не совместимые виды деятельности. Глава православной церкви в Латвии – монах и, одновременно, депутат Сейма, исповедник и в то же время активный общественный деятель.

В этом очевидном разрыве слепое следование историками церкви за распространенными клише вовсе не обязательно должны привести к пониманию личности святого, мотивов его поступков, сути его исповеднического долга. Замеченная автором книги «Колокол на башне вечевой» чрезвычайная скромность жилища главы православной церкви, например, не натолкнула на мысль о том, что отношение к богатству для архиепископа Иоанна было краеугольным камнем его богословия и политической философии.

В главе «Архиепископ Иоанн в Латвии», несколько страниц (с. 58 – 61) автор посвящает вопросу об отношении Владыки к труду и богатству. Эти страницы включают несколько разрозненных описаний:

1) Архиепископ Иоанн все необходимое для епископского служения приобретает на собственные средства (с. 58).

2) Архиепископ Иоанн в подвале кафедрального собора.

Один из гостей владыки вспоминает: «Скучно живет наш владыка. Несколько кресел, стулья, шкафы с книгами, иконы. Над столом – большой портрет Патриарха Тихона. Кровать за перегородкой. В углу, у печи – груда поленьев... и сырость, и темнота в углах, и тусклый свет электрической лампочки как-то сразу угнетают» (с. 58–59).

3) Частная жизнь архиепископа Иоанна: «В частной жизни архиепископ был чрезвычайно прост... Чай и бедный монашеский ужин он готовил сам. Скромную трапезу свою он делил с гостями. Будучи очень скромным в личной жизни, Владыка не любил ходить в гости, но с великой радостью

посещал различные торжества благотворительных и общественных организаций» (с. 61).

4) Отношение к бедным и аскетизм –

«После Пасхальной заутрени по древнему обычаю архиепископ разговлялся с бедными. Здесь он чувствовал себя точно в родной семье. Он никогда не различал людей по социальному происхождению. Для него было все равно кто перед ним: министр, генерал, аристократ, крестьянин или рабочий. Во всех видел он образ Божий. Нередко владыку посещали только что вышедшие из заключения преступники. Владыка помогал им, кающимся, начать новую жизнь...

Владыка был строгим аскетом в жизни, утечи человеческие ему были чужды, но как тонко подмечал он все слабости и духовные недуги своих собеседников...» (с. 61).

Игумен Феофан (Пожидаев) отношение архиепископа Иоанна к труду и богатству сужает до описания следующих четырех моментов: архиепископ для епископского служения все необходимое покупает на свои средства; живет в подвале кафедрального собора; аскетичен в частной жизни; отношение его к людям не зависит от положения человека на социальной лестнице. При этом автор ссылается на сборник документов, составленный священником Я. Калныньшем.

Однако круг источников, которые можно использовать не только для описания образа жизни архиепископа, но и его отношения к богатству- бедности куда более обширен. Кроме описания жилища владыки в православном журнале «Вера и жизнь» (см. № 6, 1924 г., июнь – «В подвале у архиепископа», с. 2–5), это еще проповеди и статьи (см. «Вера и жизнь» № 1, 1927 «Труждающиеся и обремененные», с. 4–8.), статья «Противоядие» (см. «Вера и жизнь» 1928, № 4), публикации в газете «Сегодня» (см. очерк Петра Пильского «Архиепископ Иоанн», «Сегодня», 13 октября, суббота, 1934 год, № 283, с. 2), материалы уголовного дела (описания обстановки на архиерейской даче), комментарии к Священному Писанию (см. ЛГИА Ф. 7131, опись 1, дело 57, лист 89–92), а также ряд политических текстов о противниках православной церкви – социал-демократах...

Истоки

Игорь Суриков «Пшеница Божия»

(Мученичество и гонения на христиан в Римской империи)

Первые века истории христианской Церкви – это эпоха Церкви гонимой, Церкви мученической. От времен апостольских и вплоть до правления императора Константина христиане подвергались систематическим преследованиям, зачастую самым изощренным. Уже через несколько десятилетий после крестной смерти Спасителя, в правление Нерона, в Риме пылали «живые костры»: так казнили последователей Христовой веры. Не щадил их и один из следующих правителей, Домициан. Во II веке гонениями на христиан ознаменовались царствования Траяна, Марка Аврелия. В следующем столетии действия римских властей еще более ужесточились. Каждое новое гонение – при императорах Деции (Декии), Валериане и др. – становилось все продолжительнее, все безжалостнее. Всех своих предшественников превзошел в начале IV века Диоклетиан, вознамерившийся совершенно искоренить христианскую Церковь и обрушивший на нее весь могучий административно-репрессивный аппарат колоссального государства.

Конечно, все усилия гонителей оказались тщетными. Христианство победило и не могло не победить. Однако уместным представляется вопрос: в чем же причины такого отношения римских властелинов к молодой религии? Не удивительно, когда дикие, невежественные племена Африки и Азии убивали отправлявшихся к ним миссионеров. Не удивительно, когда в России XX века большевики, исходившие из грубоматериалистических представлений, примитивного атеизма, и поставившие своей целью покончить со всем культурным наследием прошлого (вспомним: «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля...»), ополчились и на Христа. Но парадоксом выглядит ситуация, когда, скажем, Марк Аврелий, «философ на троне», один из наиболее образованных и талантливых людей своего времени, по-своему глубоко

верующий, не чуждый самых возвышенных и спиритуалистических идей, отдавал распоряжения о расправе над христианами.

Римская империя, в которой явился, учил и был распят Христос (Палестина была одной из ее провинций), в которой христианство появилось и сделало свои первые шаги, являлась не только крупнейшей, самой сильной и богатой державой древности. Она представляла собой еще и центр тогдашней античной культуры, средоточие всего лучшего и худшего, что было в ней. По дожившей до наших дней поговорке, «все дороги вели в Рим», и по этим дорогам стекались в «Вечный город» художники, поэты, ученые... А также – не в последнюю очередь – проповедники самых различных верований.

К этим верованиям римские власти относились, как правило, весьма терпимо. Империя была государством не только многонациональным, но и «многоконфессиональным». Когда говорят, что христианству в его первые века противостояло язычество, – в этом есть некоторое упрощение. Не было какого-то единого, абстрактного «язычества» – был широкий спектр самых разнообразных религий. Господствующее, официальное положение занимала, конечно, собственно римская религия, предусматривавшая поклонение традиционным богам – Юпитеру, Марсу, Меркурию и т.д., – а также культ императоров, настоящую «квинтэссенцию государственности». Но с этой религиозной системой вполне мирно уживались другие: религия греков, уже почти полностью слившаяся с римской (Зевс был отождествлен с Юпитером, Посейдон – с Нептуном, и пр., и пр.), древняя религия египтян, экстатические обряды сирийцев и фригийцев, друидические верования галлов (кельтов), иудаизм... Десятки народов жили на территории Римской империи, и каждому позволялось почитание его «отечественных» божеств.

Почему же в этом мире лишь христианство было исключением? Почему именно оно столь яростно отвергалось, запрещалось, искоренялось? Причин здесь несколько, и важнейшие следует назвать. Прежде всего, христианство своим существованием отрицало важнейшие основы, на

которых зиждилась вся античная цивилизация. Не то, чтобы первые христиане призывали к ликвидации этих основ, напротив, они отнюдь не были революционерами, не боролись с существующим мирским порядком, следуя заповеди Христовой: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Тем не менее стареющий римско-языческий мир ощущал опасность, которой ему грозила новая религия и связанное с ней новое мировоззрение.

Вспомним известные слова апостола Павла из Послания к Галатам (3, 28): «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». В этих знаменательных словах – утверждение равенства всех людей, невзирая на пол, статус, этническое происхождение, перед лицом единого Бога. Вот этого-то не могла понять и принять языческая античность. Вся она построена была на системе внутрицивилизационных «перегородок». Между рабом и свободным не видели ничего общего, раб, по большому счету, вообще не считался человеком. Женщина воспринималась как существо заведомо низшее по отношению к мужчине, неравное ему.

Существовали непреодолимые грани и между народами, особенно на конфессиональном уровне. Каждая из религий, существовавших в Римской империи, обращалась к какому-то одному конкретному этносу. Римлянин поклоняется своим богам, египтянин – своим, сириец – своим... Религиозная проповедь и прозелитизм в таких условиях были почти немыслимы, религии существовали как бы в собственных отдельных нишах, в разных, непересекающихся пространствах, потому-то и мирно уживались друг с другом. Но вот появляется учение, обратившееся не к «эллинам» или «иудеям», а ко всем, ко всему человечеству. И обратиться в эту новую веру, естественно, можно было, только отказавшись от старых убеждений. Вот что казалось в христианстве странным и невиданным: его приверженцы не хотели и не могли признавать «правил игры», сложившихся в языческом античном мире.

Многоконфессиональный характер Римской империи, кстати говоря, порождал обстановку определенного религиозного

индифферентизма, безразличия к вопросам веры – особенно в среде образованных людей. Этому способствовал и общий характер языческих религий, ориентированных в первую очередь на скрупулезное исполнение обрядности, ритуала, но при этом оставлявших значительную свободу мысли по вопросу о том, что думать о собственных божествах. Язычество не имело ни своего «священного писания», ни догматов – древние мифы о деяниях богов и героев, конечно, нельзя назвать таковыми.

Глубоко символичны обращенные к Христу иронические слова Пилата: «Что есть истина?». В них так и виден глубоко укоренившийся скептицизм интеллигентного римлянина, его неверие в саму возможность какого-то объективного, абсолютного бытия. Точно так же прокуратор Иудеи мог бы спросить: «Что есть благо?» или «Что есть свобода?». Этими категориями античные языческие религии просто не пользовались. Совершай положенные обряды, подчиняйся от века установленному порядку вещей, а о том, как этот порядок соотносится с высшими духовными ценностями, просто не задумывайся (или думай, что хочешь) – таков их принцип. А вот в христианстве вопрос об истине был поставлен во главу угла. «Я есмь путь и *истина* и жизнь», – говорит Господь (Евангелие от Иоанна, 14, 6). Этим-то новая религия самым принципиальнейшим образом отличалась от всех «старых». Многочисленные языческие культы, существовавшие в Римской империи, очень легко и просто могли вступать в компромисс друг с другом – именно постольку, поскольку они были просто культами. Христианство же в первую очередь учение о том, *что есть истина*. И вот тут уже не могло быть никакого компромисса, а только самое решительное и убежденное отстаивание этой Истины – ценой мук, если нужно, то и ценой жизни.

Компромисс возможен в каком угодно вопросе, но не в вопросе об истине. Истина по самой своей сути, по определению – одна. Элементарный закон логики: из двух или нескольких противоречащих друг другу суждений об одном и том же предмете только одно будет истинным, все остальные –

ложными. Тем более это так, когда речь идет о Едином Боже. Не стоило бы забывать об этом некоторым чрезмерно ретивым приверженцам экуменизма, призывающим к компромиссу между конфессиями. Есть случаи, когда компромисс недопустим и просто немыслим – иначе рискуем утратить и саму истину.

Христиане первых веков это прекрасно понимали. Если их вера истинна, то язычество ложно: вопрос мог стоять только так. Люди античного мира, с их специфическим, релятивистским восприятием истины, могли признавать право на нее за различными верованиями. Интеллигентный римлянин рассуждал примерно так: «В религии египтян есть свое зерно истины, – конечно, относительной, и в религии персов; и в религии галлов, и всех прочих. А вообще-то они все говорят об одном, только разными языками и с разных точек зрения. Потому-то и вполне возможны заимствования из одной религии в другую: например, почему бы не принять в римский пантеон греческого Аполлона или фригийскую Кибелу? Абсолютной же истины все равно нет». Подход равно свойственный язычеству всех эпох, в том числе и современному неоязычеству, маскирующемуся под «общечеловеческие ценности».

Ничего не было более чуждого христианству, чем подобный образ мыслей. Какой-нибудь Марк Аврелий, просвещенный правитель Империи, вполне мог искренне удивляться: ну почему эти странные почитатели Христа отказываются от вещей, казалось бы, простейших? Совершить положенные обряды, почтить жертвами покойных императоров – для демонстрации своей лояльности существующему государственному порядку, – а потом верить себе, во что считают нужным! Любой язычник, не задумываясь, поступил бы именно так.

Для христиан же подобный разрыв между верой и действием был невозможен. Истину нужно не просто «признавать», ею нужно жить, соизмеряя с ней каждый свой поступок, каждый шаг. Об Истине нужно непрерывно свидетельствовать. Именно свидетельством о ней были многочисленные примеры мученичества первых христиан в

эпоху гонений. Не случайно на греческом языке – историческом языке раннего христианства, языке Нового Завета, первых молитв, первых богословских трудов – понятия «мученик» и «свидетель» выражаются одним и тем же словом (мартис). Избежать пыток и казни было так легко: стоило лишь сказать слова отречения от Христа. Но это означало – отречься от истины и от жизни вечной. А пострадать – сохранить ее: «Претерпевший же до конца спасется» (Евангелие от Матфея, 10:22). Не случайно так сильна была жажда мученичества-свидетельства в христианской среде первых веков. Со всей мощью звучит она в творениях одного из мужей апостольских Св. Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, привезенного в Рим и приговоренного к растерзанию зверями: «Я пшеница Божия, и измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым» (Послание к Римлянам, 4).

Эта пшеница, политая кровью, выросла обильными посевами. Римские власти намеревались уничтожить христианскую Церковь – но, сами о том не подозревая, только усиливали ее. Публичные казни христиан поставили созерцавших их язычников – рядовых жителей Рима и римских провинций – перед совершенно новым явлением, заставили задуматься: почему же эти странные люди столь мужественно и непоколебимо готовы ради своей веры переносить самые страшные муки? Так, стало быть, и вправду их вера истинна, коль скоро она укрепляет их? «Разве я пошел бы на пытки и смерть ради Юпитера или Марса?» – размышлял римлянин. Ответ, конечно, мог быть только отрицательным. Постепенно христианство, окруженное светлым ореолом мученичества, привлекало к себе все большее количество неофитов, уверовавших и обратившихся.

Историки древней Церкви давно уже обратили внимание на один знаменательный факт. Вначале преследования римскими властями христиан происходили при горячей поддержке населения. Чернь глумилась над казнимыми, призывала к все более жестоким расправам. А вот в III веке и тем более в начале IV-го (при Диоклетиане) положение коренным образом изменилось. В это время язычники уже не поддерживали

гонений, пытались как-то помогать христианам, прятали их в своих домах... А это значит – они уже были не вполне язычниками, оставались таковыми скорее по традиции, и им совсем недалеко было до решительного шага – вступления в лоно Церкви Христовой. И стоило измениться политике властей, стоило святому равноапостольному императору Константину торжественно провозгласить конец гонений и объявить христианство разрешенным, – тут же казавшееся столь могучим язычество стало немедленно рушиться, как колосс на глиняных ногах: внутренней прочности у него уже не было.

Вдумчивый читатель, конечно, обратит внимание на некоторые черты несомненного сходства с событиями недавнего прошлого в России. Те самые комсомолки, которые в 1930-х – 1950-х гг. ломали церкви и жгли иконы, несколько десятилетий спустя, уже пожилыми женщинами, пришли в храмы, искренне покаяться и стали воцерковленными, активно участвующими в приходской жизни. Так сила Господня проявлялась и проявляется и в годину бед и испытаний, ведя нас по пути Истины и Жизни.

Газеты «Сегодня» и «Сегодня вечером» в 1934 году об архиепископе Иоанне

«Сегодня вечером», № 235, суббота 13 октября 1934 г., с.

4

И. Калнынь – встречи с покойным архиепископом Иоанном

В конце 90-х годов архиепископ Иоанн как мирянин Иван Поммер, учился в рижской духовной семинарии.

Будущий архиепископ уже в свои семинарские годы выделялся среди своих товарищей, огромное большинство которых жило в интернате. У жизнерадостной молодежи было много свободного от учебных занятий времени. Однако семинаристы той эпохи не стремились к городским удовольствиям и редко без особой нужды оставляли стены учебного заведения. Молодежь много читала, занималась музыкой и пением. Любимым времяпровождением семинаристов были прогулки. Иоанн Поммер держался в стороне от своих товарищей, в город совсем не ходил, его часто можно было видеть с книгой в руках в глухом уголке коридора у окна. Товарищи уже свыклись с этим и не тревожили его без нужды.

Когда группа воспитанников, увлекавшихся пением и музыкой, в свободные вечера собиралась в каком-нибудь из классов и составляла то импровизированный хор, то струнный квартет, в которых участвовал и профессор П. Сакс, и покойный латвийский военный министр Я. Залит, Иван Поммер почти всегда оставлял уединение, и усевшись в стороне, безмолвно слушал своих товарищей. Иногда в субботние вечера, после богослужения, Залит собирал лучших певцов («Перконкоронцев») из всех классов в зал, где пелись, как церковные, так и светские песни на всех языках. В таких случаях Залит не забывал позвать и Ивана Поммера, который обладал хорошим голосом и был очень музыкальным.

Эти вечера и для всех остальных семинаристов были самыми лучшими в их скромной жизни. Учился Иван Поммер отлично. Самые строгие преподаватели семинарии относились к нему с большим уважением и любовью, не говоря уже о семинарском начальстве.

Во время очередных богослужений в семинарской домово́й церкви Иван Поммер скромно подходил к басам хора и становясь сзади их, участвовал в пении. Когда по очереди приходилось воспитанникам читать на богослужениях, Иван Поммер всегда читал с большой молитвенностью, и его голос очаровывал молящихся, как семинаристов, так и посторонних. Его уже в семинарии в шутку звали «монахом», в лучшем смысле сего слова... Окончил он духовную семинарию по первому разряду и поехал в Киевскую академию...

Спустя несколько лет по окончании семинарии, в 1903 году мне случайно пришлось встретить Ивана Поммера уже студентом академии, на его родине – в Лаздоне. Он сейчас же узнал меня, своего бывшего однокашника. Он сейчас же, приветливо улыбаясь, спросил, что я думаю предпринять дальше? В то время мне приходилось очень тяжело: из Лаздонской волости мне надо было получить бумагу, необходимую для поступления в рижский политехникум, но в волости был большой беспорядок – сбежал волостной писарь с волостными деньгами и уничтожил часть архива. Приехал на ревизию комиссар по крестьянским делам, которому, конечно, было не до меня.

Когда Иван Поммер узнал в чем дело, улыбка исчезла с его лица, и он задумался, но не надолго:

– Вот что, друг, ты, я вижу, всю ночь провел в дороге и не выспался. Иди к местному батюшке – он тебя примет. Я тоже остановился у него. А что будет дальше – мое дело!..

Через несколько часов Иван Поммер пришел к местному священнику, у которого я был радушно принят, как свой человек.

– Ну, что – отдохнул с пути? – с прежней доброй улыбкой спросил Иван Поммер.

Видя мое озабоченное лицо, он вынул из кармана нужную мне бумагу, и подал ее мне:

– Твое дело в порядке. Только тебе придется еще сходить в волость и расписаться в получении этой бумаги у комиссара по крестьянским делам. Я получил для тебя не дубликат документа из волости, а совершенно новый, который столь же

действителен, как и пропавший оригинал!.. Я уже звонил на станцию Мадон – через два часа уходит в Стукмани поезд...

Таким образом будущий архипастырь позаботился обо мне столь же отечески, как вообще он заботился о всех, кому нужна была помощь.

Местное население о нем отзывалось коротко:

– Он обо всех заботится... Мы рады, что из нашей среды вышел такой образованный, сердечный и любвеобильный человек...Когда он здесь у нас во время летних каникул, – нам всем хорошо!

Помощь будущего архиепископа Иоанна по отношению ко мне тем не кончилась: он позаботился, чтобы мне в дорогу была дана провизия, осведомился имею ли я достаточно денег для следования в Ригу, и сам меня проводил до поезда. Было видно, что все железнодорожные рабочие, занятые тогда постройкой линии Плявиняс – Алуksне, станционный персонал, инженеры и техники обращались с И. Поммером, как с близким и уважаемым человеком...

Ивана Поммера я в Риге встретил случайно через несколько лет. Я уже знал, что он принял монашество, пострижен в архимандриты и назначен ректором Литовской духовной семинарии, и что он пользуется большой популярностью на месте своего служения. Тогдашний Рижский и Митавский архиепископ Агафангел, защитил латышей-революционеров 1905–1906-го гг., вскоре после посещения императором Николаем в 1910 году был переведен в Гродненскую епархию. За ним был прислан салон-вагон для следования к новому месту служения. Вагон был подан к перрону теперь уже несуществующей станции Рига 2.

Архиепископа Агафангела провожала многотысячная толпа рижского населения всех вероисповеданий. Незадолго до прибытия архиепископа на вокзал из его салон-вагона вышел молодой статный монах в архимандритском облачении. Он посмотрел на многотысячную публику, которая при его появлении обнажила головы. Это был бывший Иоанн Поммер – архимандрит Иоанн! Он широким крестом осенил публику и

потом, заметив меня на перроне, где стояли только официальные лица, быстро подошел ко мне.

– Здравствуй, здравствуй! – обратился он ко мне с прежней ласковой улыбкой.

– Теперь я тебя уже, как духовное лицо, могу благословить и пожелать успехов на твоём жизненном пути.

Архимандрит Иоанн успел обо всем расспросить меня.

Вскоре прибыл на вокзал и архиепископ Агафангел, по пути благословляя тысячные массы провожающих. К нему подошел на встречу архимандрит Иоанн, и оба священнослужителя вошли в вагон-салон. Когда поезд отходил, оба священнослужителя благословляли провожающих.

...Ясное июльское солнечное утро 1921 года на станции Рига 1-я. Перрон ее полон народа, который в этот день ожидал приезда нового главы латвийской православной церкви – архиепископа Иоанна. Он прибыл из Москвы в салон-вагоне в сопровождении представителей дипломатического и железнодорожного мира. Это было радостное событие для православных рижан Латвии, намученных безглавием церкви. Архиепископ Иоанн шел просто среди приехавших в Ригу пассажиров, с ласковой улыбкой благословляя на пути к карете встречающих его. Кондуктора, смазчики, машинисты на время оставили свою работу и благоговейно снимали на пути прохождения православного владыки свои головные уборы.

– Первое служение новоизбранного главы латвийской церкви в кафедральном соборе... Оно собрало тысячи молящихся, православных и инославных. Уже первое это богослужение показало, что латвийская православная церковь в лице архиепископа Иоанна приобрело сильного волей духовного вождя – молитвенника, прекрасного оратора, слова которого проникают в душу и никогда не забываются. Архиепископ Иоанн не любил блестящего церемониала встречи прежних владык духовенством, и его богослужения совершались просто, без них. Зато владыка очень любил, чтобы духовенство почаще говорило народу слова назидания. Сам владыка говорил проповеди в последнее время вследствие болезни редко, но все они отличались большой глубиной и доходили до сердца

молящихся. В первое время, не имея больше собственных архиерейских покоев, архипастырь жил в подвальных помещениях кафедрального собора, где к нему в любое время всякий имел свободный доступ.

Жил он в своей частной жизни очень скромно, мало заботясь о себе, но больше обращая внимания на свою паству и неимущих. В городе часто можно было видеть могучую богатырскую фигуру архипастыря Иоанна, никем не сопровождаемого. Владыка отказывался от всех личных, свойственных архиереям прежнего времени, средств передвижения и пользовался, как простой гражданин, всеми теми средствами передвижения, которые существуют в городе для всех, – извозчиками, трамваями, автобусами. В последнее время владыка сильно недомогал. Вероятно, долгое проживание в сырых подвалах кафедрального собора неприспособленных для жилья, оказало свое влияние и сломило его крепкое, богатырское здоровье. Он сильно изменился, редко служил и все более уединялся в своем церковном имении у Киш-озера. Где и нашел свою мученическую кончину...

Газета "Сегодня" 13 октября 1934 год, No 283, с. 2

И. – Архиепископ Иоанн – церковный и политический деятель

Еще на прошлой неделе я говорил с архиепископом по телефону. Я просил его о статье для юбилейного номера «Сегодня». Архиепископ обещал, но сказал, что не может ее дать сейчас, ибо у него много другого дела. Мне было известно, что архиепископу нездоровится. Я его спросил, не этим ли вызвана задержка?

– Нет, – ответил архиепископ. Мое нездоровье – пустяки. Я просто простудился, а этой болезни подвержены мы все.

В течение последнего полугодия архиепископ действительно хворал. Но с присущей его организму крепостью, он не поддавался болезни. Помню, это еще было на парламенте, архиепископ мне как-то сказал:

– Вот врачи все меня оберегают... Того нельзя, этого нельзя... Но я что-то в них не особенно верю. Я не люблю врачей...

– Как же так?

– Бог держит всех нас в своих руках. – ответил тогда архиепископ, – и никакой врач нам не поможет, если этого не захочет Всевышний.

– У меня, – продолжал архиепископ, – нашли массу всяких болезней. Если бы я послушался врачей, то мне пришлось бы проделать очень длительный и серьезный курс лечения. Я, однако, не располагаю ни временем, ни терпением. У меня слишком много неотложных дел. В последнее время об архиепископе было мало слышно, но он очень много работал для укрепления православной церкви. Деятельность архиепископа Иоанна в этой области была краеугольным камнем задач его жизни. Я имел как-то возможность говорить с ним и о смерти. Он ее не боялся.

– Вот бы только, – сказал он в беседе, – еще бы более укрепить православную церковь. Я добился издания ее конституции и ей больше не грозят никакие опасности в правовом отношении. Теперь я могу спокойно умереть. Этот

разговор происходил года полтора тому назад и о смерти архиепископ говорил, конечно, как всякий верующий в загробную жизнь. Он не желал ее и был уверен, что еще долгие годы будет продолжать дело, к которому был призван и во главе которого поставлен.

Но уже тогда на архиепископа делались всякого рода покушения. Когда ему об этом упоминали, он улыбался.

– Воров я не боюсь, – говорил он, – ибо что они у меня возьмут? А потом... потом...

Архиепископ разводил своими могучими руками.

– Возьму их вот так, – характерным движением архиепископ как бы демонстрировал свою огромную физическую силу. – Возьму я их так и выставлю за двери. Верил архиепископ в свою силу. И не столько в свою физическую, сколько в силу моральную, в силу своего слова.

– Приходил, бывало ко мне, – рассказывал архиепископ, – молодец. Посмотришь – сорви – голова. Живу я здесь один. Осенний вечер. На улице льет дождь. Стучит в окно. Навевает грусть и тревогу. – Вы, – говорит он, – служитель церкви, помогите мне... – Я никому не отказывал в помощи, кто бы в ней не нуждался

Но я знал, я внутренним чутьем чувствовал, кто стоит передо мной. Если это был человек, действительно преследуемый судьбой, я ему по мере сил помогал. Иногда я с такими посетителями очень долго беседовал, и они уходили от меня с верой, они уходили оптимистами. Мы расставались друзьями.

Этих своих взглядов архиепископ придерживался последовательно. Его дом был открыт для всех. К нему можно было прийти без доклада. Он всегда выслушивал и не оставлял просителя без ответа. Но жест, которым архиепископ подчеркнул свою могучую силу, оставался только жестом. Как служитель церкви он никогда не поднимал руки. Помнится, это было на одном из заседаний парламента. Его оскорбили действием. Архиепископ Иоанн стоял на трибуне. В его позе было много величественного и смиренного.

– Неужели вы думаете, – сказал мне тогда архиепископ, – что я не мог сделать того же самого, что со мною сделали мои противники? Но я их унизил тогда своим молчанием, своим презрением. Как верующий человек, я себе говорил: «Пусть Господь простит вам, ибо не ведаете, что творите...»

Против левого крыла архиепископ всегда выступал самым резким образом. Он много перенес в большевистских тюрьмах и считал, что марксисты в конечном итоге бывают только одной марки. Он видел в них врагов церкви, которой он служил и отдавал свои силы. Но если его враг попадал в затруднительное положение, он ему помогал.

– Хороший человек, – говорил в таких случаях архиепископ, – только с плохими товарищами сошелся.

Свою церковь он ставил выше всего. Для нее он был готов нести все жертвы. Когда о нем распространяли личные сплетни, архиепископ смеялся. Когда же его обвиняли в нетерпимости, он возмущался.

– В Пензе, – говорил он, – моими лучшими друзьями были евреи. Я не делаю различия между вероисповеданиями. Я только руководюсь тем, хороший ли человек передо мною или дурной.

Я помню случай, когда архиепископ заступился за бывшего депутата, обычно выступавшего против него.

– Молодой он, – сказал тогда архиепископ, – горячий. Вот и поскользнулся... Надо же помочь. И помог.

Покойный был реальным политиком, который занимался политикой ради церкви.

Когда-нибудь, – говорил он, – я сам уйду из парламента. Но это произойдет после того, как православная церковь окончательно укрепитя, и ей больше никогда не будет грозить больше никакой опасности, откуда бы то, ни было.

Месяца три тому назад я был у архиепископа на даче. На той самой, на которой его теперь нашли убитым. Мы около часу гуляли по саду. Это было уже после 15 мая.

– Церковь, – тогда сказал архиепископ, – теперь не будет подвергаться преследованиям. Я теперь смогу отдохнуть. Смотрите как здесь хорошо, как здесь все дышит жизнью.

Человек, который не боялся смерти, говорил о жизни. Он хотел жить, хотел работать, хотел жить так долго, пока его не приберет к себе Тот, в которого он верил... Архиепископ знал, что у него много врагов, – и личных, и политических. Но о таком трагическом конце, он конечно, не думал.

Газета «Сегодня» 19 октября 1934 год No 289, с. 5.

А.Ф. – Встречи старообрядца с архиепископом Иоанном

Печальные страницы взаимоотношений господствовавшей в России православной церкви и старообрядчества, именовавшегося раскольническим, навсегда отошла в прошлое. Это прекрасно знал, понимал, учитывал архиепископ. В значительной степени именно его стараниями и доброй волей между православным населением Латвии и старообрядческим восстанавливались братские отношения, что было засвидетельствовано различным образом. Так, например, на выборах в последний и предпоследний Сейм архиепископ Иоанн возглавлял объединенный русский список в Земгале и Латгале, в котором чередовались православные и старообрядцы. Известна его поддержка и самое дружеское отношение к долголетнему начальнику русского отдела профессору И.Ф. Юпатову – старообрядцу.

Наконец, несколько лет тому назад в Даугавпилсе в русском народном домике произошла знаменательная встреча владыки со старообрядческими духовными наставниками, причем, по инициативе владыки. Он и председатель духовной старообрядческой комиссии братски облобызались. Все это, как и многое другое в области частных взаимоотношений отдельных лиц из старообрядчества с архиепископом Иоанном, способствовало развитию его популярности среди старообрядцев. Недаром на его проповеди в латгальских храмах десятками и сотнями являлись и старообрядцы.

Пишущему эти строки старообрядцу приходилось неоднократно встречаться с владыкой, и никогда он не отказывал в помощи, совете, поддержке. Вспоминаются отдельные встречи.

Зима. Архиепископ Иоанн в Риге, в кафедральном соборе. В темноте не легко обойдя собор, найти со стороны большую железом окованную дверь с двумя круглыми оконцами, ведущую в подвал собора. На звонок долго не открывают. Звоню сильнее.

За окнами зажигается свет. Сам владыка в теплой, на вате, рясе с скуфеейкой на голове, открывает двери. Его мощная фигура заполняет все пространство узкой лестницы, ведущей вниз. Узнав, приветливо улыбается. Тогда его лицо необыкновенно добрее. Морщинки лучиками разбегаются по всей стороне, глаза щурятся. Он сразу и безошибочно узнает вас, хотя бы и давно не видел или видел не часто.

Внизу, в подвальной комнате, в тускло-желтом свете немногочисленных электрических лампочек холодно, сыро. Стены устланы книжными полками. Тесно. Неуютно. Вы сидите в пальто и не чувствуете, что вам жарко. Владыка, слегка упирая на «о», мягкорокочущим басом, изредка вскидывая на слушателя взор, выразительный и быстроменяющийся от задумчивого до слегка насмешливого, иронического, от серьезного до ласкового, беседует с вами. Его определения точны и выразительны. О всех он говорит с благожелательством и, ненавидя марксистов, как врагов православия, к отдельным марксистам, как к личностям, готов отнестись со снисхождением, любовно прощая их заблуждения, стараясь объяснить влиянием разных причин.

Владыка на улице с портфелем в руках, в своем характерном черном наряде шагает в толпе по улице Бривибас, приветливо отвечая на поклоны бесчисленных встречных.

Любимые его средства передвижения – автобус, трамвай. В трамвай он садится обычно с пачкой газет всех направлений и длинную дорогу от дачи до города посвящает ознакомлению с тем, что пишут. Он в курсе событий, а благодаря обширной переписке, приходящей к нему из всех уголков Латвии и других стран, знает много сокровенного.

На его мызу за городом надо ехать в трамвае минут 20–25. Когда кончится трамвайный путь и побежит вдоль Видземское шоссе с почерневшей от времени триумфальной аркой, вам надо круто свернуть влево и, пройдя мимо нового еврейского кладбища, ровной каменной стеной граничащего с дорогой, войти в небольшой сосновый лесок, проезжая через который, дорога приведет вас к воротам архиерейской мызы. Вся дорога пустынна. Ни жилья, ни строения по дороге. Встречные очень

редки. По большей части это посетители мызы. Деревянные старенькие ворота. Калитка, не запирающаяся днем. Узкая дорожка к крыльцу дачи. Справа за заборчиком – огороды. Слева лужайка и молодой сад, только в самое последнее время огороженный высоким глухим забором. На входных дверях – визитная карточка подле электрического звонка.

На шум наших шагов выскакивает из конуры дворовая злая собака. О том, что она зла, свидетельствует и ее лай, и подпись об этом, предупреждающая прохожего. Но собака бежит по проволоке, и вы недостижимы. Чуть справа длинная избушка с небольшими оконцами, в ней живет сторож и монахини. Они редко показываются на лай. Звоните. К вашему удивлению, если вы в первый раз, откроет сам владыка. Через прихожую с вешалкой проведет вас прямо и налево в приемную, где за простым столом на простом стуле выслушает вас и сделает все, что нужно, чтобы помочь.

Последний раз я был у владыки в августе этого года. Меня поразила его седина, очень усилившаяся за последние годы. На вопрос о здоровье он пожаловался на малярию, приступы которой очень мучительны, а хина уже не действует на организм. С улыбкой рассказал о странном просителе, который был у него как-то и прямо в калошах ввалился в приемную.

– Извините владыка, что я прямо в калошах, но ботинки совершенно изодрались! Ну поговорили. Помог я ему. А когда ушел, вижу, что нет калош моих, стоявших в прихожей. Это он, когда я его пустил и пошел впереди, надел их, в них ко мне в приемную вошел, еще извинился и ушел, «позабыв» снять. Ловкий какой! Владыко незлобиво смеялся.

– Или вот еще один. Нанял комнату и сказал квартирной хозяйке, что за него будет платить владыка. А мне ни слова не сказал. Прошел месяц, хозяйка ко мне – платите! Я заплатил, но просил передать ему, чтобы впредь он хотя бы предупреждал меня заранее, когда снимает на мой счет комнату. Когда я уходил, после долгого разговора и содействия, мне владыкой великодушно предложенного и осуществленного, я невольно залюбовался его богатырской фигурой.

Газета «Сегодня» 13 октября 1934 год, № 283, с. 5.

Брат почившего архиепископа Антон Поммер рассказывает о своем брате

Проживающий в Риге брат трагически скончавшегося владыки Иоанна, Антон Андреевич Поммер, является учителем истории в 1-й Рижской городской гимназии. С покойным его связывало не только кровное родство, но и долгие годы дружбы и совместной жизни. Потрясенный горем и не находя слов для выражения возмущения поступком гнусных убийц своего брата, Антон Андреевич Поммер рассказал сотруднику «Сегодня» о многочисленной семье Поммеров, из которой вышел покойный владыка, попутно коснувшись жизни и личных качеств архиепископа Иоанна. Помимо близкого родства А. Поммер и его покойный брат были объединены в течение долгих лет и одним трудом: А. Поммер был личным секретарем покойного до 1925 года.

– Я виделся со своим братом очень часто, – рассказывал А. Поммер, – и еще накануне убийства я приехал к нему, чтобы навестить его и осведомиться об его житье-бытье. Весь вчерашний и предыдущий день, – продолжает свой рассказ А. Поммер, – меня мучило какое-то тяжелое предчувствие. Я не знал, что мне делать до тех пор, пока не решил съездить к брату. Это принятое мною решение и пребывание в течение двух часов у брата несколько смягчило душившее меня тяжелое предчувствие.

У брата было подавленное состояние. Мне показалось весьма знаменательным, что этот, очень сильный духом человек, вдруг начал говорить со мной о трудностях жизни и о злых людях на свете. Он объяснил мне, что на него очень тяжелое впечатление произвела весть об убийстве короля Александра.

Видно было, что его мысли заняты этим трагическим событием. Но его некоторая неудовлетворенность людьми и некоторыми обстоятельствами своей жизни, усилившаяся как раз в последнее время, не давали все же никаких оснований думать, чтобы мой брат мог бы как-нибудь изменить свое

отношение к людям и к своим обязанностям. Правда в последнее время усталость давала о себе знать, и он высказал как-то мысль о своем желании отойти от активного управления церковью и, отказавшись от сана архиепископа, дожить свой век в тишине и одиночестве.

Будучи по своему характеру человеком исключительной трудоспособности и волевой устремленности, покойный был пастырем-воителем. Он всегда и всюду боролся со всем грязным, нечистым и злым, в особенности осуждая бесчестные поступки по службе. К таким делам и к таким людям покойный испытывал отвращение. Родившись сыном простого крестьянина, он, благодаря своему труду, энергии и успешно совершенным ревизиям в духовных учреждениях России, скоро достиг высокого поста.

– Наша семья, – рассказывает А. Поммер, – является старинным латышским семейством в Прауренской волости, Мадонского уезда. Еще в начале прошлого века наш дед перешел в православие и его сын Андрей, т.е. наш отец, был большим ревнителем православного вероисповедания. За это ему и его отцу пришлось перенести гонения.

Помещик граф Сивер выселил моего деда со всем семейством в лес, где отец устроил хозяйство, в настоящее время принадлежащее брату Андрею. Условия нашей жизни, как новопоселенцев, не были блестящими. Но отец, качества которого унаследовал покойный владыка, был чрезвычайно работящим и строгим к себе и другим хозяином. Он живо интересовался просвещением и, принимая участие в движении народного пробуждения, старался дать своим сыновьям образование.

У Андрея Поммера было шесть детей.

Самая старшая дочь Анна, в настоящее время госпожа Турьян, проживает в провинции. Следующий шел Янис, будущий архиепископ, потом Андрей, проживающий сейчас в усадьбе отца и имеющий тоже шесть человек детей, потом шел Петр, скончавшийся в 1916 году в России, потом сестра Эде – теперь госпожа Наудинь – жена новохозяина в Лаздонской волости, и,

наконец, самый младший Антон, со слов которого пишется настоящий очерк.

– Недостаток средств не позволил всех детей отдать в гимназию. Поэтому пришлось на казенный счет учиться в духовной семинарии. Покойный при прохождении наук в семинарии, показывал блестящие успехи. Он живо интересовался также просвещением края и принимал также участие в поездках хора «Перкона» по Видземе и Курземе. Во время летних каникул мой брат очень усердно работал в хозяйстве отца, делая все сельскохозяйственные работы. Никогда, в течение всей своей жизни, он не прерывал связи со своими родными. После окончания духовной семинарии он работал некоторое время в качестве народного учителя в Лаздинях, Ляудоне и Лиепае. В 1900 году он поступил в киевскую духовную академию. И будучи студентом 4-го курса постригся в монахи.

– Я знаю, – рассказывает А. Поммер, – как его письмо из Киева с сообщением о принятии монашеского пострига, оставило сильное впечатление на всю нашу семью. Правда, нас это не особенно удивило, так как покойный брат всегда имел склонность к уединению, был замкнутым и не любил шумного и веселого общества. Наш же покойный отец гордился своим старшим сыном. Узнав тогда о постриге, он сказал:

– Мой сын образован и сам знает, что ему нужно делать.

Брат нашел в постриге свое призвание. Поднявшись на большую высоту и став материально обеспеченным человеком, покойный охотно помогал своим близким.

– Я должен сказать, – продолжает А. Поммер, что меня он сильно поддерживал в то время, когда я был воспитанником духовной семинарии, а впоследствии полностью содержал во время моих студенческих лет, которые я провел в Варшаве, проходя курс наук на историко-филологическом факультете варшавского университета. Но и других своих родных он поддерживал и материально и морально до самого последнего времени. Двери его дома всегда были открыты для всех. Для всех у него находился совет и помощь.

– Навещавшие его знают, что у покойного владыки всегда толпился народ, с утра до вечера к нему шли кто с прошением, кто со своими печальями, кто за помощью. Работая много лет вместе с ним, мне приходилось видеть, каким отзывчивым бывал архиепископ Иоанн. Он всех старался успокоить, особенно печальных веселою шуткою, бедным помогал.

– Для всей нашей семьи, – заканчивает А. Поммер свой рассказ, – кончина владыки Иоанна ничем невознаградимая потеря.

Надо ли говорить еще, насколько все потрясены его неожиданной смертью, пришедшей при столь ужасных обстоятельствах.

Стихотворение «К 21 октября 1934 года» (в обработке Юрия Касянича)

К 21 октября 1934 года

Ушел... Уж больше не вернется
Твой образ к нам, Владыка дорогой!
И вот теперь вся скорбь души проснется
Что ты не встанешь из земли сырой.
Тебя мы не увидим, не услышим,
«Бова силач», на кафедре святой...
Твой глас, что верой и любовью дышит,
И крест, наложенный твоей рукой.
В кончине страшной, мучимый страданием,
Когда во тьме сокрытою рукой
Ты был замучен, принял поруганья –
Обрел ты царство жизни вечной и святой!

(Стихотворение, написанное неизвестным автором, в обработке Юрия Касянича).

Исторические исследования

Сергей Цоя. Латвийская православная церковь в 20–30 годы XX века

(исторический очерк)

До 1917 года православные приходы Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний составляли единую Рижскую епархию [1] входившую в состав Русской православной церкви (далее – РПЦ). Практически все архиереи были русскими по национальности [2]. Положение епархии в начале XX века было благополучным, чему способствовала политика царской России. Начиная с 80-х годов XIX века Православная церковь в крае активно поддерживалась государством. Большинство и ныне действующих православных храмов было построено именно в кон. XIX – нач. XX веков. В руках церкви было много собственности. Росло также материальное обеспечение церковного клира [3].

Ситуация резко изменилась с падением старых российских порядков. Уже на Поместном Соборе РПЦ 1917–1918 годов было принято решение отделить от Рижской епархии эстонские приходы и из них создать самостоятельную Ревельскую (Таллиннскую) епархию [4].

После перевода в конце 1917 года на Рязанскую кафедру архиепископа Иоанна (Смирнова, 1844–1919) около года Рижской епархией, на временной основе, управлял епископ Ревельский Платон (Кульбуш, 1869–1919). Однако в начале 1919 года его зверски убили большевики. В итоге епархия осталась без правящего архиерея.

В 1920 году на территории бывших Курляндской, Лифляндской и ранее входившей в Витебскую губернию Латгалии (где православные приходы при царизме управлялись архиереями Витебскими и Полоцкими) закончились вестись боевые действия и фактически и юридически возникло новое государство – Латвийская республика. Произошедшие перемены сильно изменили условия, в которых Православной церкви теперь приходилось существовать.

Еще с древности принципом деления на поместные, автокефальные и автономные церкви, а те на епархии, были границы государств и провинций внутри них [5]. Ссылаясь на это положение, в ходе собрания представителей всех православных, приходов Латвии в феврале и августе 1920 года было решено, что Православная церковь, во вновь возникшей стране, будет самостоятельной и независимой в отношениях с государственной властью, а также в административных и хозяйственных вопросах, в иерархическом же отношении будет сохранять каноническую связь с РПЦ [6].

19 июля 1921 года святейший патриарх Московский и всея России Тихон (Белавин, 1865–1925) даровал Православной церкви Латвии самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, просветительских и церковно-гражданских [7]. Это и означало формирование вместо Рижской епархии – Латвийской православной церкви (далее – ЛПЦ).

Рамки исторического обзора автор считает нужным ограничить 1920 – 1940 годами: временем независимого Латвийского государства, почти что совпадающим с периодом между двумя Мировыми войнами.

Историю ЛПЦ в 20–30 годы XX века условно можно разделить на три этапа: 1920–1926 годы, борьба за признание в новом государстве; 1927– 1934 годы, время относительной стабильности; и 1935–1940 годы, Православная церковь под контролем властей. Именно по такому же принципу очерк делится на разделы.

Борьба за признание (1920–1926 годы)

По статистическим данным, в межвоенные годы в Латвии проживало ок. 170 тыс. православных. Что составляло немногим менее 10% от всего населения страны. Из них ок. 105 тыс. были русские, и ок. 55 тыс. латыши (из прочих – прим. 10 тыс. человек, большая часть были белорусы) [8]. В итоге, Православная церковь была третьей по количеству прихожан (после Евангелически-лютеранской и Римско-католической церквей) и, соответственно, одной из самых влиятельных религиозных организаций страны. Конечно, с течением времени,

количество православных менялось (прежде всего в сторону увеличения, из-за возвращения беженцев и естественного прироста населения), но эта динамика происходила медленно и существенно не влияла на общие показатели.

Государственное строительство происходило в достаточно сложных условиях. В начале 20-х годов народное хозяйство Латвии находилось в состоянии послевоенной разрухи. Так, по оценкам известного экономиста К. Балодиса (1864–1931), в Латвии на начало 20-х годов осталось лишь 20% от довоенного (1913 года) уровня промышленности и торговли [9]. Помимо этого, резко сократилось количество населения. Особенно сильно уменьшилось число городских жителей, падение которых в некоторых местах было в два и даже в три раза [10].

Сильно пострадала и Православная церковь. 12 храмов были разрушены в ходе боевых действий Первой мировой войны и войны за независимость. Некоторые приходы Латгалии лишились своих церквей, так как при проведении границы они остались на территории России. Вглубь России эвакуировали много имущества (икон, колоколов, книг) и вернуть назад его было не просто. Дореволюционная Рижская православная духовная семинария была эвакуирована в Нижний Новгород и там, в 1918 году, закрыта. Некоторые священники покинули территорию Латвии. В итоге, в 20-е годы, ЛПЦ остро не хватало священнослужителей и церковных принадлежностей.

Кроме того, по инициативе латвийских властей (относившихся к Православной церкви как к нежелательному пережитку от царской России), до 1926 года у ЛПЦ было отнято 28 храмов, здание Рижской Духовной семинарии и Духовного училища. Были ликвидированы домовые церкви в Рижском замке, некоторых учебных заведениях [11]. В июле 1925 года была снесена православная часовня во имя Св. Александра Невского, находившаяся в Риге у вокзала [12].

В феврале 1920 года православное духовенство решило пригласить в Латвию главой ЛПЦ этнического латыша – архиепископа Пензенского и Саранского Иоанна (Поммера, 1876–1934). Святейший патриарх Тихон поддержал это

прошение, и, по получению от латвийских властей разрешения на въезд, у ЛПЦ появился свой архипастырь.

Архиепископ Иоанн (Поммер) прибыл в Ригу 24 июля 1921 года. Но буквально накануне государство официально передало архиерейскую резиденцию Римско-католической церкви [13]. На обращение за защитой к главе правительства Латвии получили ответ, что «законы Латвии не знают ни Православной церкви, ни ее органов и организаций и не обязывают защищать Православную церковь» [14]. Тогда владыка Иоанн поселился в подвале Рижского кафедрального Христорождественского собора, что символизировало гонения со стороны государства на ЛПЦ [15]. Позднее архиепископ заметил: «Подлинно, сырое подвальное жилище главы Православной церкви является правдивым символом положения нашей церкви в нашей стране» [16].

Власти Латвийской республики долго препятствовали полному правовому признанию Православной церкви во вновь возникшем государстве. Вплоть до 1926 года у ЛПЦ не было всех прав юридического лица, что естественно мешало налаживанию нормальной церковной жизни. В такой ситуации ЛПЦ сложно было отстаивать свои интересы перед государством и недоброжелателями, которых было немало.

В тоже время, Управление по делам религии поддерживало с ЛПЦ официальные контакты, для преподавания Закона Божия в государственных школах создавались православные группы, церковь владела недвижимым имуществом, платила налоги, участвовала как сторона в судебных процессах и даже получала казенные субсидии.

Все это создавало достаточно странную двойственность: фактически компетентные инстанции признавали за ЛПЦ статус юридического лица, но по букве закона он отсутствовал. Архиепископ Иоанн данное положение характеризовал так: «Правительство нашим затруднениям как бы радовалось и нарочито затягивало устранение их, нас нарочито душило положением бесправия» [17].

30 октября 1923 года, на церковном Соборе, архиепископ Иоанн (Поммер) положение ЛПЦ определил как полнейшую

нищету. Кроме того, указал, что церковь окружена сплошной ненавистью и злобой [18].

Тем не менее жизнь постепенно налаживалась. Латвия выходила из состояния послевоенной разрухи. С приездом в Ригу архиепископа, постепенно на поправку пошли и дела ЛПЦ. С 1923 года церковь начала издавать духовный журнал «Вера и жизнь», ставший официальным православным изданием в стране. Стали вновь возобновлять работу некоторые приходы, богослужения в которых не проводилось со времен войны.

Как было отмечено выше, несмотря на отсутствие всех прав юридического лица, ЛПЦ, как и не гонимые властями Евангелически-лютеранская и Римско-католическая церкви, в иные годы от государства получала финансовую поддержку (объем финансирования определялся численностью паствы). Так в 1925 году правительство выделило ЛПЦ 45 000 латов, поэтому бюджет синода церкви в этом году составил 64517,50 латов (в 1924 году ЛПЦ гос. финансирования не получила и в распоряжении синода было только 17101,32 латов). Однако до тех пор, пока не было определено правовое положение ЛПЦ, синод не мог рассчитывать, что казенные дотации будут регулярными. Так на 1926 год синод планировал свой бюджет в размере 18400 латов, причем в смете полностью отсутствовала графа «государственные субсидии» [19].

Руководство ЛПЦ и архиепископ Иоанн (Поммер) придерживались консервативных взглядов на происходящее, считали себя хранителями опыта, традиций дореволюционной РПЦ. Об этом говорит, например, название доклада владыки Иоанна, произнесенного на Вселатвийском Соборе 1923 года: «Верность православных христиан Латвии Святой православной Восточно-кафолической церкви» [20].

К новым течениям в православии, в том числе к некоторым идеям русских религиозных философов, владыка относился скептически. Однако, долгое время, дабы не усугублять и так полную конфликтов церковную жизнь русского зарубежья, мирился с этим.

Некоторые современники и последующие историки считали архиепископа Иоанна (Поммера) русским шовинистом и

черносотенцем [21], кем он, будучи этническим латышом, конечно же, не был. А на обвинения в русофильстве владыка отвечал, что он защищает вселенское православие [22].

Архиепископ Иоанн ценил обе части своей паствы – русских и латышей, всегда относился и к тем, и другим с уважением. В этой связи стоит вспомнить, что свои проповеди перед прихожанами, речи, выступления на церковных Соборах владыка часто произносил двуязычно, говоря попеременно то на одном, то на другом языках, обеими из которых владел перфектно.

Для него естественной была некоторая идеализация дореволюционных российских порядков, хотя он прекрасно понимал и те изъяны в старой жизни, которые привели к 1917 году. В то же время, он категорически не принимал идей революционного, насильственного переустройства общества. Четко осознавая ложность революционных посылов, постоянно своей пастве указывал на это. Крах старых порядков воспринимал не иначе как катастрофу, приведшую к многочисленным жертвам и обрекшую многих людей на нищету. В каждом слове, в каждой статье и выступлении слышалась глубокая боль и озабоченность владыки за судьбы паствы и Православной церкви [23].

Отрицательно архиепископ Иоанн относился к церковным расколам, к дроблению церковной организации по национальному и территориальному принципам [24]. Строго он придерживался канонической верности материнской церкви – Московской патриархии.

8 октября 1926 года Кабинет министров Латвии принял «Правила о положении Православной церкви» [25], по тогдашней конституции имевших силу закона. Теперь правовое положение ЛПЦ был полностью закреплено и признано. Церковь получила гарантии предоставления регулярных государственных субсидий. Через судебные процедуры (иногда и без них) удалось назад получить некоторое имущество [26].

Время относительной стабильности (1927–1934 годы)

В 1923, 1926, 1929 годах были проведены Соборы ЛПЦ. Там происходили перевыборы членов синода, делались отчеты,

обсуждались насущные проблемы. Именно на церковном Соборе, осенью 1926 года было принято решение о возобновлении работы Рижской православной духовной семинарии. Ок. 8000 латов в год на ее работу выделялось из средств государственной субсидии [27].

Бессменным руководителем семинарии был прот. Иоанн Янсонс (1878–1954). Прием слушателей производился не каждый год, а лишь по окончании обучения предыдущего набора. Изначально учились два года, с 1930 года срок обучения был продлен до трех лет. Принимали по большей части абитуриентов со средним образованием, но брали и тех, кто им не обладал, но служил при церквях (псаломщиков, чтецов). В основе была программа дореволюционных российских семинарий (по большей части специальные богословские предметы необходимые для пастырской деятельности). За время работы (1926 – 1936 годы) семинария подготовила четыре выпуска учащихся: 1928, 1930, 1933 и 1936 годов [28]. Среди выпускников были такие в будущем известные священники как: Георгий Тайлов (1914–2014), Николай Трубецкой (1907–1978), Александр Киселев (1910–2001), Семён Варфоломеев (1904–1971). Трое из выпускников впоследствии стали епископами – Иоанн Гарклавс (1898–1982) в 1943 году был хиротонисан во епископа Рижского; Эммануил Есенский (1907–1996) в 1967 году во епископа Брисбенского, викария Австралийской епархии (в юрисдикции Русской православной церкви за границей); Иоанн Легкий (1907–1995) в 1990 году во епископа Буэнос-Айресского и Аргентино-Парагвайского [29].

Архиепископу Иоанну (Поммеру), практически с момента появления в Латвии, приходилось заниматься вопросом реэвакуации церковной собственности, оказавшейся в России в ходе событий Первой мировой войны. Но в первой половине 20-х годов удалось назад получить лишь ее небольшую часть.

В 1927 году открылась возможность решить эту проблему. Список имущества был передан в Советское посольство. Тогда же в командировку в Россию отправились прот. Н. Шалфеев (1863–1941) и член синода Я. Платерс (1877–?). Реэвакуация производилась за счет ЛПЦ. В итоге, осенью 1927 года из

различных российских городов было возвращено более 100 колоколов и 12 ящиков церковных принадлежностей (икон, подсвечников, облачения священников и др.). Приняли решение имущество возвращать церквям, во владении которых оно было раньше. Также с его помощью обеспечить те приходы, которым церковных принадлежностей не хватало. При этом наиболее ценное имущество передавалось центральным приходам, менее ценное – на окраины [30].

Некоторая стабилизация, связанная с легализацией церкви в новом Латвийском государстве, общий экономический подъем во второй половине 20-х годов позволили направить деньги на ремонт обветшавших храмов и на приведение в порядок находившихся в собственности церкви зданий. В частности, в эти годы был отремонтирован дом где располагался синод ЛПЦ (Рига, ул. Лиела Пилс, 14) [31]. На ремонт отдельных церквей из средств синода в это время тратилось ок. 8000 латов в год [32].

Под патронажем ЛПЦ было создано Латвийское православное общество трезвости, пропагандировался здоровый образ жизни. Архиепископ Иоанн и другие церковнослужители приняли активное участие в этом начинании [33].

В 20-е – нач. 30-х годов ЛПЦ проявляла достаточно большую активность в общественной, политической и культурной жизни страны. На одном из заседаний синода в нач. 20-х годов было сказано, что представители церкви не должны дистанцироваться от общественной и политической деятельности, которая является борьбой не только «за экономические, но также за культурные, духовные и религиозные интересы» [34]. Архиепископ Иоанн (Поммер) был всегда готов к диалогу с различными общественными организациями, был доступен любому жителю страны.

Владыка Иоанн трижды избирался депутатом Сейма (в 1925, 1928 и 1931 годах), возглавляя русские предвыборные объединения [35]. В Сейме проводил большую работу: выступал против политических крайностей левых депутатов, оказывал посильную помощь русским образовательным и культурным учреждениям и др. [36].

ЛПЦ и лично владыка Иоанн регулярно участвовали в праздновании «Дня русской культуры» [37]. Торжества в Латвии начинались с богослужений в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, проводимым, как правило, архиепископом Иоанном. Во время молебна в канун праздника (на Всенощном бдении) поминались все почившие деятели русской культуры, а во время богослужения в «День русской культуры» совершался молебен во здравие нынешних деятелей русской культуры. Праздник широко отмечался не только в Риге, но и в Даугавпилсе, Лиепае, Лудзе, Резекне. Богослужения совершались также в православных храмах этих городов [38].

Активная позиция архиепископа Иоанна, стремление помочь каждому выделала его как одного из самых видных православных церковнослужителей своего времени. Поэтому, по настоянию общественности, было решено осенью 1931 года (когда в Ригу после каникул вернется учащаяся молодежь, а не в июле, когда архиепископ реально прибыл в Латвию) отпраздновать десятилетний юбилей архипастырского служения Иоанна (Пом- мера) [39].

Праздник прошел торжественно. С речью о заслугах владыки Иоанна выступили начальник Русского отдела Министерства образования И.Ф. Юпатов (1865–1944), главный редактор газеты «Сегодня» М.И. Ганфман (1873–1934), представители русских учебных заведений, различные деятели [40].

Необходимо отметить, что в межвоенные годы общая ситуация в церковной и общественной жизни была сложной. Многочисленные конфликты раздирали русские организации как в Латвии, так и во всем русском послереволюционном зарубежье. В Европе эмигранты из России создали две находящиеся друг с другом в постоянном конфликте церковные организации: Западноевропейскую епархию Московской патриархии с центром в Париже, во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским, 1868–1946) и Русскую православную церковь за границей (изначально зарубежный Синод РПЦ), находившуюся в Югославии и возглавляемую митрополитом Антонием (Храповицким, 1863–1936). Православные церкви

Польши, Эстонии и Финляндии, ранее являвшиеся частью РПЦ, под давлением властей перешли в юрисдикцию Константинопольской патриархии [41]. Все это сказывалось и на состоянии ЛПЦ, порождая постоянную нервозность.

Со второй половины 20-х годов заметно активизировалось РСХД (Русское студенческое христианское движение), которое в Латвии носило название РСПЕ (Русское студенческое православное единение). Движение организовывало кружки по изучению православия, проводило на территории Латвии и Эстонии свои съезды. По приглашению РСПЕ в Латвию приезжали известные деятели русского зарубежья – Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, В.И. Ильин, Г.В. Флоровский и др. Все это происходило под патронажем митрополита Евлогия [42]. Вначале руководство ЛПЦ поддерживало деятельность РСПЕ, даже принимало участие в его мероприятиях. Однако в 1931 году Западноевропейская епархия перешла в юрисдикцию Константинопольской патриархии, а в конце 1931 года разгорелся конфликт между архиепископом Иоанном (Поммером) и одним из руководителей РСХД – А.И. Никитиным (1889–1949). В конфликт был вовлечен митрополит Евлогий, который пытался защищать Никитина. Консервативному руководству ЛПЦ не нравились некоторые идеи руководителей движения, которые они считали не имеющими ничего общего с православием. В результате произошел практически полный разрыв в отношениях между ЛПЦ и Западноевропейской епархией [43].

В 1933 году разгорелся скандал с растратой церковных средств. Под обвинение попали такой известный священник как настоятель Рижского кафедрального Христорождественского собора прот. К. Зайц (1869–1948), а также протодиакон К. Дорин (1878–1941?). Обоих отстранили от священнослужения. От тюремного заключения К. Зайца спасло лишь то, что недостающую крупную сумму денег внес один из прихожан храма [44].

В начале 30-х годов, с целью дискредитации и травли, враги архиепископа стали распространять о нем лживые слухи. Все вышесказанное наносило несомненный урон церкви и лично

Иоанну (Поммеру). Владыка, по свидетельствам современников, в 30-е годы выглядел совершенно измотанным [45].

В 1931 году в Европу из США пришел мировой экономический кризис. По Латвии экономические проблемы сильно ударили в 1932 году. Тогда государственные дотации ЛПЦ были сокращены на 25% (с 22 050 латов в 1931 году до 17 640 латов в 1932 году) [46]. Следующий год принес церкви новое сокращение государственного финансирования [47]. Кроме того, падала платежеспособность населения. Церковь вынуждена была экономить. Именно тогда возникло хроническое недофинансирование Духовной семинарии, у которой стали накапливаться долги [48]. Объем ремонтных работ в храмах в эти годы также пришлось сильно сократить [49].

Одним из результатов экономического кризиса стал государственный переворот 15 мая 1934 года: ликвидация в стране парламентской демократии и установления авторитарного режима Карлиса Улманиса (1877–1942). Все это сильно изменило условия деятельности ЛПЦ.

Вскоре после этого, в ночь с 11 на 12 октября 1934 года, глава Православной церкви архиепископ Иоанн (Поммер) принял мученическую смерть, он был убит на своей даче на окраине Риги. Злодеяние так и не было раскрыто. И сейчас существует множество различных версий произошедшего, но до сих пор точно нельзя сказать кто же совершил убийство.

Для православных Латвии убийство владыки стало сильнейшим потрясением. Можно сказать, что был потерян близкий друг, являвшийся мудрым наставником и защитником. В последний путь архиепископа провожали представители православных приходов, различных организаций, общественные деятели Латвии, обычные люди. Траурная колонна растянулась на несколько километров от Рижского кафедрального Христорождественского собора до Покровского кладбища. Синод ЛПЦ в эти трагические дни, получил большое количество писем и телеграмм с соболезнованиями [50].

Под контролем властей (1935–1940 годы)

После трагической смерти архиепископа Иоанна (Поммера), естественно, встал вопрос о его преемнике. Для проведения выборов необходимо было созвать Собор ЛПЦ.

В условиях установившейся в стране диктатуры Карлиса Улманиса, власти не могли без своей опеки оставить такую влиятельную на умы людей структуру, как Православную церковь. В силу этого, новый политический режим предпринял все усилия, чтобы во главе ЛПЦ поставить послушное себе руководство.

Наибольшей популярностью среди духовенства и мирян пользовался ректор семинарии прот. И. Янсонс. Однако он, как глава ЛПЦ, государственное руководство не устраивал. Поэтому, несмотря на то, что в приходах были проведены выборы делегатов, власти, под разными предлогами не разрешили летом 1935 года провести Вселатвийский Собор ЛПЦ [51]. Потом, под давлением государства, некоторые члены синода ЛПЦ «добровольно» ушли на покой, а назначенные им на смену лица проголосовали за переход в юрисдикцию Константинопольской патриархии.

Для того чтобы получить больше самостоятельности, а точнее практически не зависеть от более высокой церковной иерархии и полностью оказаться под контролем своего государства, в начале 1936 года от Константинопольского патриарха для Православной церкви в Латвии добились автономии. Тогда же была учреждена Латвийская православная митрополия. Также решили образовать два викариатства – Елгавское и Ерсикское. Далее планировалось под контролем властей провести церковный Собор и избрать удобного государству митрополита. Кроме того, был изменен устав, теперь все важные вопросы (выборы епископов, учреждение новых епархий и др.) церковь должна была решать только с согласия государства [52].

Некоторая задержка с осуществлением вышеуказанных планов произошла лишь из-за внезапной смерти 29 декабря 1935 года Константинопольского патриарха Фотия II (Маниатиса, 1874–1935). В итоге, после избрания нового патриарха в марте 1936 года был проведен Собор Православной церкви Латвии, на

котором избрали нового главу. Им стал Августин (Петерсон, 1873–1955). Иоанн Янсонс до выборов допущен не был.

29 марта 1936 года патриарший экзарх в Западной и Восточной Европе митрополит Германос (Стренопулос, 1872–1951) произвел хиротонию Августина (Петерсона) [53]. Позже, в сентябре 1936 года, во епископа Елгавского был хиротонисан Иаков (Карп, 1865–1943), а в 1938 году во епископа Ерсикского Александр (Витолс, 1876–1942) [54]. Местом пребывания последнего стал Даугавпилс.

В результате всех этих изменений Православная церковь была поставлена на службу господствующему в стране политическому режиму и зачастую стала действовать вопреки интересам своей паствы. Так митрополит Августин стал требовать, чтобы везде проводились богослужения и на латышском языке. А при храмах, где были только русские приходы, открывались и латышские. Стоит отметить, что в некоторых местах Латгалии, где проживало больше всего православных Латвии, латышей было мало или не было вовсе. Поэтому подобные службы иногда приходилось проводить практически без участия прихожан.

В 1936 году Рижская православная духовная семинария была закрыта, и на ее базе создан Православный богословский институт, преподавание там теперь велось только на латышском языке [55]. С 1937/38 учебного года, получив финансирование от государства, начало работу Православное отделение Теологического факультета Латвийского университета [56]. Данные перестановки были сделаны с целью организовать образование для будущих православных священников по-иному, чем это было ранее в дореволюционной России. К тому же к финансированию этих начинаний подключилось государство [57], и оно все подстраивало под уже имеющиеся подконтрольные структуры.

Кроме того, митрополит стал переводить церковь на новый календарный стиль. Объяснялось это практической необходимостью согласовать церковный календарь с гражданским, а также тем, что новый стиль якобы является более правильным с научной точки зрения [58].

Многое из этих нововведений вызывало протест у верующих и духовенства. В итоге, указанные требования церковного руководства массово не выполнялись. Люди голосовали ногами, отказываясь посещать по-новому календарному стилю богослужения на церковные праздники и др. [59].

Однако не стоит церковную жизнь второй половине 30-х годов изображать только в мрачных тонах. Латвийские власти стали больше помогать Православной церкви материально, что позволило преодолевать нужду и бедность. В 1937 году были проведены столь нужные ремонтные работы в Рижском кафедральном Христорождественском соборе [60]. В это время в пресвитеры были рукоположены многие в последствии известные православные церковнослужители (например, уже упомянутые И. Гарклавс, Н. Трубецкой, Г. Тайлов и др.). В целом происходил процесс смены поколений в церковном клире, и уже тогда на первые роли стали выступать священники, получившие образование в межвоенные годы. В таком виде Православная церковь просуществовала до ликвидации государственной независимости Латвии в 1940 году. Насильственное присоединение к СССР, потом война, привнесли много новых кардинальных перемен. Но описание этого уже не входит в рамки настоящего исторического очерка. В свою очередь, 20–30 годы XX века стали важным связующим звеном между различными эпохами. Несмотря на все перипетии и вызовы времени, православие на латвийской земле было, есть и будет!

Примечания:

1 Самостоятельная Рижская епархия была образована в 1850 году. Приходы Эстляндской губернии вошли в состав Рижской епархии в 1865 году.

2 См.: Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836–1936). Популярно – исторический очерк. Краслава: Изд. Сахарова С.П., 1937.

3 Подробнее см.: Гаврилин А.В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия, 1999.

4 Поммер А. Православие в Латвии. Исторический очерк. Рига: Тип. И. Люкстиня, 1931. С. 89–90.

5 Цыпин В. Каноническое право. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. С. 376–377.

6 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 30, д. 31, л. 5–9.

7 Поммер А. Православие в Латвии... С. 94.

8 Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā. Salnītis V. (sast.). I sējums, Rīga: Valsts statistikā pārvalde, 1936. 84.–86. lpp.

9 Balodis K. Latvijas nākotne pie labas un sliktas valdības. Liepāja: LSDSP Liepājas komitejas izdevums, 1920; На дис- путе об антисемитизме. «Сегодня», 16.12.24, No 286, с. 4.

10 См.: Apinis K. Latvijas pilsētu vēsture. Rīga: Izdeva Ā.Gulbis, 1931.

11 Гаврилин А.В. Утраченные в XX веке храмы Риги. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 5. Сб. ст. Гаврилин А.В. (ред.). Рига: Филокалия, 2006. С. 31.

12 Часовня была построена в 1889 году на пожертвования рижан в память о спасении царя Александра III во время катастрофы поезда в 1888 году. Символизировалась именно с этим царем, проводившим политику по русификации в крае. Конкретным предлогом для сноса стало то, что она якобы мешала движению транспорта. Никакие увещевания верующих, что часовня теперь только храм, а не символ царизма, ее не спасли. См.: Снос часовни. «Сегодня», 21.07.25, No 158, с. 1; Озолиньш К. Положение Латвийской православной церкви в 20-е годы XX века. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 2. Сб. ст. Гаврилин А.В. (ред.). Рига: Благовест, 1997, с. 28.

13 Гаврилин А.В. Утраченные в XX веке храмы... С. 33.

14 Поммер А. Православие в Латвии... С. 94.

15 Мало приспособленные для жизни подвальные помещения Рижского кафедрального Христорождественского собора оставались «архиерейской квартирой» вплоть до кончины архиепископа Иоанна. Единственно, в 1924 году, владыка там занял более просторное помещение, чем то, которое было в его распоряжении изначально. Д.В. Архиепископ – в подвал. «Сегодня», 26.07.21, No 166, с. 1; Кирилл Зайц. В

подвале у архиепископа. «Вера и жизнь», 1924, No 6, с. 2–7; Теодорович Т. Впечатления путешественника. «Вера и жизнь», 1937, No 2, с. 53.

16 Архиепископ Иоанн. Чем потешаются. «Вера и жизнь», 1927, No 2, с. 10.

17 Речь архиепископа Иоанна в сейме о несправедливостях по отношению к Православной церкви в Латвии. «Вера и жизнь», 1926, No 6, с. 6.

18 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 31, л. 62.

19 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 66, л. 99; д. 68, л. 25–26, 30, 135–136; Поммер А. Православие в Латвии... С. 101.

20 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 31, л. 28.

21 Balevics Z. Pareizticīgo baznīca Latvijā. Rīga: Avots, 1987. 65.–66.lpp.; Екабсон Э., Флейшман Л. Первый российский консул в независимой Латвии. В кн.: Avoti. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Ч. I. Белобровцева И., Меймаре А., Флейшман Л. (ред.). Standford: Slavic studies, 2012. С. 136.

22 См.: Н.И.Ш. Обновителям церкви. «Вера и жизнь». 1923, No 5/6, с. 30–31. 23 См., например: Архиепископ Иоанн. Годовщина кончины патриарха Тихона. «Вера и жизнь», 1926, No 5, с. 6–8; Он же. Заговор. «Вера и жизнь», 1928, No 7, с. 97–100; О Руси страждущей. Речь архиепископа Иоанна, произнесенная на открытии в Режице памятника воинам, павшим в мировую войну. «Вера и жизнь», 1927, No 11, с. 1–4; Память жертв лихолетья. (Речь архиепископа Иоанна перед всенародной панихидою по жертвам десятилетнего лихолетья в России, в Рижском кафедральном соборе, 6 ноября 1927 года). «Вера и жизнь», 1928, No 1, с. 4–10.

24 Так, например, российские эмигранты просили у синода разрешить открыть в Риге «эмигрантский» приход. Синод ЛПЦ на заседании 23 октября 1925 года отклонил эту просьбу. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 68, л. 113.

25 Noteikumi par pareizticīgās baznīcas stāvokli. Grām.: Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums. 1926.gads. Rīga: Kodifikācijas nodaļas izdevums. 413.–414.lpp.

26 Поммер А. Православие в Латвии... С. 101.

27 См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 1, л. 37–38, 65, 112, 122; д. 2, л. 56–57, 82.

28 Труфанов В. Из истории Рижской православной Духовной семинарии (1926–1936). В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. 2. Гаврилин А. В. (ред.). Рига: «Благовест», 1997. С. 5–12.

29 Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: «Алаборг», Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. С. 176; Гаврилин А.В. Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. М.: Издание Общества любителей церковной истории, 2013. С. 78. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.: Русский путь, YMCA-PRESS, 2007. С. 269–270.

30 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 70, л. 15, 20–21.

31 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 1191.

32 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 70, л. 96; д. 71, л. 43; д. 72, л. 72.

33 См. например: Сегодня в Риге. Вечер трезвости в Риж. духовной семинарии. «Сегодня», 15.02.31, No 46, с. 11.

34 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 31, л. 8.

35 См.: Цоя С.А. Русский институт университетских знаний и Латвийская православная церковь. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. IX. Гаврилин А.В. (ред.). Рига: Филокалия, 2011. С. 119–120, 124.

36 Так, в 1924 году, из-за отсутствия в Сейме тех, кто эффективно отстаивал интересы церкви, ЛПЦ от государства не получила ни сентима. Социал-демократы и другие левые депутаты отклонили государственные субсидии всем религиозным организациям в Латвии, дабы материально не поддерживать «консервативные силы». См.: Отклонены пособия церквям. «Сегодня», 29.02.24, No 50, с. 2; Пособия церквям отклонены. «Сегодня», 15.04.24, No 88, с. 3; Все церковные кредиты отклонены. «Сегодня», 06.06.24, No 127, с. 3.

37 В 1925 году Приходской совет Рижского кафедрального собора ЛПЦ был среди организаций (всего 23), принимавших участие в подготовке «Дня русской культуры». См.: День русской культуры. «Сегодня», 20.09.25, No 211, с. 1; Там же. «День русской культуры», с. 2; Комитет по устройству «Дня русской культуры». «Сегодня», 16.05.26, No 107, с. 8.

38 См.: День русской культуры. «Вечернее время». 21.09.25, No 452, с. 1; День русской культуры. «Сегодня», 17.05.26, No 107а, с. 5; День русской культуры. «Сегодня», 23.05.27, No 114а, с. 3– 4; День русской культуры. «Сегодня», 03.06.29, No 152, с. 4; Ганфман М.И. День русской культуры. «Сегодня», 14.05.33, No 133, с. 1; Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига: БРИ, 2000. С. 187.

39 Чествование архиепископа Иоанна переносится на 20 сентября. «Сегодня», 11.07.31, No 189, с. 6.

40 См.: Вчерашнее чествование архиепископа Иоанна. «Сегодня», 21.09.31, No 261, с. 4.

41 Основанием стала провозглашенная в 1922 году патриархом Мелетием IV (Метаксакисом, 1871–1935) доктрина о праве Константинопольской патриархии на исключительную юрисдикцию во всей православной диаспоре. Что означало распространение юрисдикции патриархии на епархии, приходы, монастыри и миссии, возникшие в других Поместных церквях в зарубежье. Цыпин В. Каноническое право... С. 382.

42 О деятельности РСХД в Латвии см.: Плюханов В. Б. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы и история Русского студенческого христианского движения. Париж: YMCA-Press, 1993.

43 Подробнее см.: Цоя С.А. Латвийская православная церковь и Свято-Сергиевский православный богословский институт в 20–30-х гг. XX века. «Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал», 2013, No 10(1). С. 36–40.

44 Священник Голиков Андрей, Фомин Сергей. Кровью убеленные: Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). М.: Паломник, 1999. С. 83, 133.

45 Гроссен Г. Жизнь в Риге. Воспоминания. «Даугава», 1994, No 3, с. 175–176.

46 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 139. В дальнейшем государство еще более сократило дотации ЛПЦ. В 1934–1936 годах государственная помощь церкви составляла всего около 10 000 латов в год. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 127.

47 Например, протоколы заседания синода ЛПЦ от 17 августа 1933 года свидетельствуют, что из-за нехватки средств в текущем бюджетном году была сокращена зарплата владыки Иоанна. ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 73, л. 98.

48 ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 2, л. 97; д. 30, л. 120.

49 Например, в 1934/35 бюджетном году синод ЛПЦ планировал выделить на ремонт церквей только 3060 латов, что почти втрое меньше, чем на эти цели тратилось ранее. ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 24.

50 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 279; У гроба покойного архиепископа Иоанна в кафедральном соборе. «Сегодня», 17.10.34, No 287, с. 8; Чин погребения архиепископа Иоанна. «Сегодня», 23.10.34, No 293, с. 4; Погребение архиепископа Иоанна. «Вера и жизнь», 1934, No 11, с. 267.

51 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 36.

52 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 338, л. 8–9.

53 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 13; Кулис А. К вопросу об автокефалии Латвийской православной церкви в 30-х годах XX века. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Гаврилин А.В. (ред.). Рига: Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1993. С. 65–74.

54 Гаврилин А.В. Под покровом... С. 85–86.

55 В 1936 году в число слушателей Православного богословского института было принято 34 человек (17 муж чин и 17 женщин). Курс обучения, однако, был всего два года. См.: Православный богословский институт в Риге. «Вера и жизнь», 1936, No 10, с. 225–227.

56 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 90–91, 102, 108; д. 76, л. 90–91, 93–94. 15 сентября 1937 года в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, по случаю открытия Православного отделения при Теологическом факультете ЛУ, было отслужено торжественное богослужение. В число студентов Православного отделения Теологического факультета

ЛУ было принято 14 человек. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 76, л. 165; Торжество православия. «Вера и жизнь», 1937, No 10, с. 311–313.

57 Работу Православного богословского института почти на семьдесят процентов финансировало государство. Например, в 1936/37 учебном году бюджет учебного заведения был 14500 латов, из них государственные субсидии составили 10000 латов. Руководство института обязано было согласовывать свой бюджет с Министерством образования. Согласно 3 пункту устава учебного заведения, институт был подчинен синоду ЛПЦ и Министерству образования. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 186, л. 20, 26, 35–36, 39.

58 О старом и новом стиле. «Вера и жизнь», 1936, No 8, с. 161–166 и «Вера и жизнь», 1936, No 9, с. 185–191.

59 Гаврилин А.В. Под покровом... С. 87–89.

60 См.: Комитет по ремонту Рижского кафедрального собора. «Вера и жизнь», 1936, No 12, с. 277–278; Комитет по ремонту Рижского кафедрального собора. «Вера и жизнь», 1937, No 2, с. 63–64; Комитет по ремонту Рижского кафедрального собора. «Вера и жизнь», 1937, No 6, с. 189–190; От хозяйственного Совета Рижского кафедрального собора. «Вера и жизнь», 1937, No 6, с. 191–192.

Академия искусств

Виктор Сушкевич Иоанн (Поммер) – Работа над образом

Магистр искусств, председатель секции скульпторов Латвии Виктор Сушкевич подготовил несколько эскизов к проекту бюста архиепископу Иоанну (Поммеру). Альманах на своих страницах представляет один из них.

Почему работа над созданием скульптурного образа арх. Иоанна (Поммера) представляется мне важной и значимой? Причин для такого выбора множество. Прежде всего, это масштаб личности архиепископа. Архиепископ является для меня современником, указывающим на моральные ориентиры в жизни. Важными мне представляются и чисто профессиональные мотивы. Думаю, что современная скульптура в нашем обществе переживает кризис, прежде всего, кризис идей, порождающий кризис понимания художественной формы, потерю эстетических критериев и профессиональных навыков. Для себя я вижу решение этой дилеммы в обращении к образам великих людей в прошлом, определивших маяки развития современного общества. В этой связи главной задачей становится необходимость раскрыть образ значимой исторической личности, ее возврат в современную культурно-историческую среду, восстановление причинно-следственной связи времени и культуры.

Архиепископ Иоанн (Поммер) глазами современников

Петр Пильский. Архиепископ Иоанн

Сегодня 13 октября (суббота) 1934 год, № 283, с. 2

Какой страшный конец, ничем не заслуженная расправа! Конечно, у него были враги, не все его любили, многие недооценивали, кое-кто со злорадством подчеркивал его недостатки, вокруг этого имени вилась клевета – обычная история, вечная судьба властных натур. Я знал его больше 12 лет. Первое знакомство произошло, когда я начал в «Сегодня» серию статей о патриархе Тихоне. Его мы оба высоко ценили, Иоанна прельщало и ласкало самое имя патриарха – Тихон. Он как бы производил его от неслышно – скромного слова «тихий». Сам Иоанн этого качества не признавал за собой, сугубой тихости в нем нельзя было признать и посторонним. Ее не было. По своей природе Иоанн был не молчаливым келейником, а страстным борцом. Это не значит, что он искал столкновений, войн, политических взрывов или шума в церковной ограде. Но пылкость, огонь и пафос звучали и в парламентских речах Иоанна, и в его полемических отповедях, и в его беседах. Их за эти годы у меня было много, – Иоанн всегда оставлял хорошее впечатление. Это был несомненно очень образованный человек, он неплохо знал русскую литературу, издавна вел знакомство с ее деятелями, – у нас были общие и близкие темы. Конечно, Иоанн был, прежде всего, церковник. Обрядности, преданию, даже букве закона он придавал большое и грозное значение. Модернизация христианства ему претила. В этом отношении он был непоколебимый старообрядец. Его неуступчивость здесь доходила иногда до фанатизма и подозрительности. Когда в Ригу приехал иеромонах Иоанн (князь Шаховской) и сделал визит архиепископу, то его не принял. Скептически смотрел Иоанн и на искания христианских философов. На журналы «Путь», «Новый Град» он глядел искоса, относился к ним с великим порицанием. Умный человек, в этом отрицании он готов был позволить себе самые крайние увлечения, приходил к торжественно-мрачным выводам. Иные статьи в этих журналах ему казались закулисной диктовкой большевиков, иные авторы

представали его воображению безбожными приспешниками затаенной коммунистической пропаганды. Тут в своих осуждениях Иоанн был беспощаден и неумолим. Боюсь, что эти строки вынесут у кого-нибудь представление о Иоанне как суровом фанатике, о непрощающем обличителе, и карающий меч в его руке засияет рядом с крестом, символом распятия и прощения. В действительности при всей своей внутренней страстности, Иоанн никогда не был одержим фанатизмом, никогда не болел ослеплением. Широкий в кости, он был широк и в своих взглядах. В личной жизни Иоанн отличался большой скромностью. Его не качали и не сотрясали обычные человеческие слабости или страсти. В этом отношении он не заслуживал ни от кого и никогда ни единого основательного упрека. Его убили на даче. Там произошла и моя встреча с ним, когда я приехал в последний раз в Ригу. Еще утром я зашел в собор, – быть может, застану епископа. Его не было. Вышедший мне навстречу молодой человек сказал: – На даче! – А когда Владыка принимает? Человек усмехнулся. Это вышло у него добро и снисходительно. Он махнул рукой – Всегда принимает... Когда приедете, тогда и примет. Вы знаете этот путь – по Бривибас улице, Виленскому шоссе, – молчаливая окраина, тихий пригород, похожий на дремлющую слободку, с редкими домами, жидкой растительностью по пылящей дороге у тощего луга. Вы проходите по леску. От шоссе до архиерейской дачи ровно 800 шагов. Это высчитал сам Иоанн. С этой цифрой не согласен был только его маленький племянник: он уверял, что здесь не 800, а 1200. В сером, выцветшем, низком заборе никогда не запирающаяся калитка. По короткой песчаной дорожке вы проходите к маленькому крылечку, а дверь вам открывает сам архиепископ. Приятно глядели спокойные и умные глаза. У Иоанна были прекрасные черные волосы, бодрая поступь, он производил впечатление мягкой, уверенной в себе и твердой силы.

Покои владыки не только скромны и просты, – они пустынно. Помню: деревянный стол, деревянная скамья, окна без занавесей, в комнатах стоит тишина, нарушаемая только звуками пилы и визгом рубанка. Иоанн столярничал. Там

сделанный им самим большой темно-красный улей, сколоченные его руками оконные рамы.

Этот труд для него не нов.

– Я вырос в крестьянстве, – рассказывал архиепископ, я знаю этот труд, приучен к нему с детства и никогда не бросал. Когда приезжал сюда, на родину, в Латвию, к отцу, я помогал ему с раннего утра. Уже епископом в 1913 году я посетил родное село, я хотя, по случае встречи, мы легли спать поздно, отец разбудил меня чуть свет. Спросонок я спросил его: «Почему так рано?» – А вот хочу с тобой пойти в поле, – посмотреть, – не отучился ли ты за это время от нашей работы».

Иоанн ничего не забыл, не разучился крестьянствовать, а любимым его трудом осталась, по-прежнему, косьба. Ему нравятся эти размашистые движения, эта здоровая гимнастика, ритмические взмахи, ему хорошо было чувствовать и сознавать, что сердце до сих пор не изменяет и он не утомляется даже многочасовой работой. Правда за отсутствием необходимости он уже не ладил и не строил ни бочек, ни телег, ни саней, но в молодости справлялся и с этой работой, мастерски, весело и легко. Это – его мир. На пашне, на лугу, в саду, на огороде он ощущал себя радостно и привольно, как в своем настоящем доме, в своей привычной стихии. С горячим интересом он любил говорить об этой жизни, ее тайнах, красоте и неожиданных, счастливых сюрпризах. Опытные знатоки птиц могли бы удивиться, что в архиерейской даче тогда завелась особенная порода уток, так называемых «древесных», в отличие от часто встречающихся «болотных». Улыбаясь, Иоанн говорил, что им совершен небольшой промах, и лишь музей должен был бы его упрекнуть за то, что он не щадил этот редкий образец, – достойный места в музее.

Насмешливо Иоанн улыбнулся еще раз, еще на один свой хозяйственный промах. Тогда в его огороде, раскинувшемся возле дачи, среди гряд картофеля и капусты, зрели помидоры, и от зашедшего к Иоанну специалиста по огородничеству он получил замечание: надо было подрезывать вторые стебли. Больше промахов не было. В остальном своем хозяйстве Иоанн

всегда был и остался заботливым, опытным засадителем и знатоком. Кто-то попробовал бросить ему слово упрека в том, что и он давно стал интеллигентом и чуть ли не белоручкой. Архиепископ не без гордости показал ему свои мозолистые руки:

– Если так, – давайте проверим: не хотите ли отправиться со мной в поле и посмотреть, – кто из нас работник, а кто белоручка? Случилось совершенно невероятное событие. В православной церкви это чуть ли не единственный случай. Убийство архиепископа Иоанна кажется неслыханным и неповторимым злодейством. Картина смерти Иоанна стоит в диком противоречии со всей окружающей обстановкой. В этом мирном житии, в этом тихом быту, в ровных трудовых днях, проходивших в зелени, под пение небесных птиц, бывали только хилые утехи, трогательные, неслышные радости, будто древнего пустынножительства. И высокий человек в черном одеянии, с седеющей бородой, авторитетный священнослужитель, известный далеко за пределами Латвии, восхищенно и умилительно умел рассказывать о сельском счастье. Вот в Иванов день – именины архиепископа – к его старому столетнему клену, в его сад вдруг прилетела туча пчел меда и воскодателей, красивый и заповедный символ, исшедший из мечтаний благодати и преданий святой старины. Вообще вокруг Иоанна все веяло стариной и древностью. Епископ показывал огромный могучий старый дуб – вместе с двумя другими его посадил Петр I, посетивший эти места, в благодарность за оказанное ему гостеприимство, оставивший по себе эту память. Царь посадил первый дуб за хозяйку, второй за хозяина и третий за него самого – Петра. Теперь остался один. Много здесь могло быть непонятно горожанину, – это маленькое с виду, это большое и глубокое счастье для тех, чьи души сроднены и сближены с землей, ее темной и ласковой тайной – с деревьями, цветами, пчелами и животными. Тотчас, как только вы войдете с улицы, вам бросается в глаза маленькая, дачная, тоже серенькая выцветшая церковь. Когда-то совершенно запущенная, она прибралась трудами Иоанна – ее подправили, вычистили, и ваши глаза должны были с серьезной

любопытностью оглядывать ее чуть-чуть тускловатый иконостас, тоже старинный. В нереставрированных ликах этих в вас глядела давняя елизаветинская эпоха. Были и подревней, – самая крайняя справа икона Святой Нерукотворной Троицы создана доелизаветинскими русскими живописцами. Запомнилась и беседа в самом соборе с проясненной глубизной, – тоже постройка не наших лет, – родом своего рождения она считает 1866-й. Эта жизнь, эта дача – на многоверстном Кишэзере. Здесь архиепископ с медленно движущейся лодки иногда удил рыбу, свершал свой улов, – очень малый, потому что выезжал не в часы клева. Это время было не для него: мешали люди. Многие и многие приходили сюда и за помощью, и за советом, с горестями и с радостью, шли к этой зеленой сени, на этот дремотный берег, к тихим водам озера, с доверенной исповедью сердца пред этим спокойным высоким человеком с черной волной волос и в черном одеянии. В Иоанне всегда жила глубокая вера в свою моральную правоту, в свою логичность, полную согласованность действий с учениями церкви и ее законами. Только обладая такими данными, идя этой дорогой, исповедуя эти принципы, Иоанн мог оставаться строго неуклонным и во всех других сторонах своей проповеди: и словом, и делом. Он был хранителем духа церкви, заступником и защитником ее прав. На этих путях он не знал уступок. Во всем понимании и чувствованиях вера и нравственность стояли у него в полной и недостижимой нерушимости. Ни бури века, не поветрия скептицизма, ни зараза революции не должны были и не смели поколебать вечных истин, и в этом вопросе у Иоанна не было никаких ни уступок, ни сделок, ни соглашений.

Наука, философия, и искусство, мораль, право, быт для Иоанна являлись только проповедными, только следствиями, – «все это всеми своими живыми, здоровыми соками обязано Христу». С живой и настороженной любопытностью Иоанн все время следил за враждебными церкви течениями. Тогда, в период наших первых встреч, его главным врагом стало обновленчество. Все же главную осаду церкви он видел не в открытых гонителях, а в ее разлагателях. Его волновали

нарушения реальных правил церкви, его тревожило уничтожение отдельных православных приходов. Тут архиепископу приходилось не только писать, но и выступать в Сейме, и с этой кафедры говорил и взывал не только слуга Божий, и слуга народа, не только хранитель духа веры, но и защитник реальных прав церкви и ее общественности.

В живой неутомимой и многообразной работе архиепископа Иоанна везде слышались и чувствовались ясность поставленных целей и неуклонный прямой путь, ведущий к их достижениям. В нем сочетались искренняя человечность, душевная мягкость с неукротимостью борца и принципиальной неуступчивостью общественного деятеля, сердечное постижение чужой души, прощающее примирение с человеческими заблуждениями, но также и полное совершенное неприятие компромисса. Совершенному преступлению никто не станет искать оправдание, но и объяснения тоже нет. Произошел непонятный, дикий и страшный акт мести, шедший на поводу несомненного безумия.

Сергей Семейников. Светлой памяти архиепископа Иоанна

Журнал «Вера и жизнь», No 11 1935 г., с. 243–254.

Архиепископ Иоанн, в миру Иван Андреевич Поммер, был сыном крестьянина латыша; родился он 6-го января 1876 года в православной семье Лаздонского прихода, в Цесисском уезде. Когда ему было 7 лет он поступил в народно-приходскую школу. От природы блестяще одаренный крестьянский мальчик делает блестящую карьеру. Он первым поступает в Рижское духовное училище, где учение бесплатно. Первым он кончает училище и переходит в Рижскую духовную Семинарию, которую кончает в 1897 году. Прежде чем поступить в Академию, он работает, как народный учитель, в течение трех лет, в различных уголках родной земли среди детей латышского народа, где знакомится с народной жизнью, с нуждами народа. В короткие свободные часы зимой и во время летнего отдыха он готовится к тяжелому экзамену в духовную Академию. Он поступает в тогда знаменитую Киевскую духовную Академию. Здесь серьезный юноша-учитель обращает на себя внимание профессоров не только своими способностями, но и суровой, аскетической жизнью. Уже на 2-м курсе в Академии он отказывается от радостей мирской жизни и принимает монашество, а немного спустя удостоивается и священного сана иеромонаха.

После окончания Академии о. Иоанн возвращается к педагогической деятельности.

В течение нескольких лет он был сначала преподавателем, а затем инспектором, и наконец, ректором в нескольких духовных Семинариях. В 1911 году молодой архимандрит Иоанн был рукоположен во епископа. Епископское служение он проходил в епархиях Минской, Херсонской, Приазовской, Тверской и Пензенской.

Обладая выдающимся талантом, простой крестьянский сын латыша сделал в России такую духовную карьеру, о какой не могли мечтать и сами русские. Но никогда архиепископ не забывал, откуда он вышел, где его родина. Он всегда мечтал

возвратиться в Латвию. И вот, в 1921 году Латвийская Православная Церковь избирает Владыку Иоанна на пост архиепископа Рижского и всея Латвии. Священный Синод и Высший Церковный Совет с благословения Патриарха Тихона, назначили Иоанна на Рижскую кафедру. Архиепископ Иоанн застал свою епархию в тяжелом положении, со следами ран и ужасов мировой войны и революции. Большое количество приходов было без пастырей, храмы запущены, часть имущества Православной Церкви отнята. Однако с течением времени архиепископ Иоанн своими силами и средствами в суверенной Латвии восстановил и возвеличил Православную Церковь. Как выдающийся оратор и видный общественный деятель архиепископ Иоанн, пользуясь полным доверием православного русского населения Латвии, был избран депутатом Латвийского Сейма и здесь стал известным всему миру как безбоязненный обличитель безбожников и защитник обездоленных судьбою, без различия их национальности и даже религий.

Казалось, что еще не один десяток лет продолжится его церковно-общественное служение в Латвии. Но Господь судил иначе.

Только теперь все больше и больше чувствуется, что нет с нами нашего дорогого Владыки и страшно обидно и больно оттого, что не уберегли нашего единственного верного защитника веры и правды. Один бог знает, для чего нужна эта жертва. Знаем только то, что здесь на земле, не увидим больше доброго образа Владыки, не услышим его добрый, мягкий, в душу проникающий голос и не погладит он своей мягкой рукой ни одной детской головки. Мы, молодое поколение, должны быть счастливы, что выросли под благословением Владыки ныне мученика, и никогда не должны забывать того, что он для всех нас, и старых, и малых, сделал, чему он нас учил.

Не всем из нас в будущем предстоит сладкое житие, а тем, кому жизнь не улыбнется, кому придется много от нее терпеть, пусть будет утешением те, хотя бы немногие воспоминания, заветы и бесконечно добрый взгляд Владыки. От одного воспоминания одинокой душе станет теплее, и понесет она свой

крест без ропота, как нес его Владыка. Жалею, что я был еще маленьким, когда Владыка Иоанн приехал в Ригу. Встречал я его на вокзале на руках у своей матери и помню только ясный, чудный день и море людских голов перед вокзалом, а потом все это перемешалось, и я быстрым порядком очутился в соборе и к моей великой радости, сподобился стать первым причастником у Владыки. А затем воспоминания все проясняются. Помню, как-то раз, давно, пошел на Пасху с мамой в собор. Служил Владыка. Подходим под благословение. Стою я перед ним такой маленький, еле от полу видать, сложив свои руки для благословения, и жду. Вдруг этот могучий архиепископ нагнулся, взял меня под локти и как перышко поднял над толпой высоко в воздух и, сказав: «Ты, кажется, *мущина*. Похристосуемся!» До сих пор так ясно это вижу и никогда не забуду.

Простой в обыденной жизни, он и во время служения Богу был прост, а между тем, какую торжественностью отличались его службы. Теперь зайдешь в собор, как-то темно, пусто, а тогда от его присутствия становилось светлее, его ясные, отдельные возгласы доходили до глубины души, создавая молитвенное настроение. Теперь закроешь глаза и так ясно видишь его стоящим на архиерейском возвышении с воздетыми руками – со свечами и слышишь его голос: «Слава Тебе, показавшему нам свет»! А какой торжественностью отличались великопостные службы, пассии, чтение 12-ти евангелий, вынос плащаницы, а затем погребение. Как чудно было в светлую заутреню, когда он, в сопровождении многочисленного духовенства, радостный возвращался с крестного хода в собор и первый мощно и торжественно восклицал: «Христос Воскресе!» Все это было... Многих поражала скромность Владыки – защитника Православия. В скромной монашеской келье в соборном погребке многие воочию убеждались, что существует на земле уголок, где, в лице Владыки, горит светлым пламенем лампада Святой Православной Церкви. Красноречивые проповеди Владыки были верхом совершенства. Они поражали своею простотой и ясностью. Он всю душу влагал в проповеди, обличая врагов Церкви

Христовой, проповедуя правду Божью. Запомнилась его речь, сказанная на Рождество на тему: «Труждающиеся и обремененные». В ней он обличал ложное отношение марксистов к трудящемуся крестьянству. Я привожу самый конец речи: «Один высокий, могучий прибыл в родное Мордовское село и повел речь к землякам: «Товарищи! Раньше всем твердили: все Божье – земляца Божья, лошадка Божья, коровка Божья, курочка Божья, а я вам говорю: все ваше – земляца ваша, лошади ваши, коровки ваши, курочки ваши...» Поймав насмешливую улыбку старика, сановник обратился к нему: «Иль я не так говорю?» – «Так говоришь, но не договариваешь. Землица-то наша, а пшеничка с ней будет не наша, а ваша, коровка-то наша, а молочко ее будет не наше, а ваше, курочка-то наша, а яички ее будут не наши, а ваши. Пока земляца была Божья, пшеничка была наша, коровка была Божья, а молочком лакомились мы...» Так как мысль старика была ясна, его арестовали, не дослушав до конца. Всегда добродушный – с врагами Церкви Христовой Владыка был непримирим. Он говорил: «Люди – звери (большевики) своими гонениями веры заслужили, чтобы их причислить и к ним относиться, как к величайшим злодеям и извергам, Бога не боящихся и людей не стыдящихся, признать их заслуживающими кару и от Бога, и от человечества». Владыка не боялся ни угроз, ни выступлений в левой печати. Как-то он сказал: «что касается меня, то не только газетною травлею, доносами и угрозами, но и прямым наличием возможности той или иной расправы со мной, меня не испугать. Я исполняю свой архиерейский и депутатский долг и буду исполнять, не взирая ни на озлобленный лай, ни на оскаленные зубы». По национальности латыш, Владыка любил Россию и глубоко страдал, видя ее распятой и опоганенной. В 1931 году на устроенном чествовании архиепископа Иоанна, по случаю 10-летия пребывания его на кафедре Православной Церкви в Латвии, тысячи сердец горячо желали ему многих лет, причисляли его к лику светочей, борцов за истину Христову, своей жизнью и вдохновенным словом вливающего мужество и твердость в более стойких и поддерживающего малодушных и

слабых, склонных к упадку духа и уступке врагу. На заслуженную хвалу Владыка, скромно уклоняясь от всех приписываемых ему в речах выступавших ораторов заслуг, формулировал свое отношение к чествованию словами: «Не нам, не нам, а имени Твоему слава!».

Вера православная была для Владыки выше всего, и он мученической кровью запечатлел верность своему святительскому долгу. О, если бы он мог теперь говорить, как много ужасного мы узнали бы. Воскресенье 14 октября 1934 года. Тысячи людей сплошной стеной стоят у дачной архиерейской церкви, ожидая выноса тела Владыки. Тысячи народа заняли все пригорки леса. Кончилась Литургия. В чистом осеннем воздухе тихо льется молитва «Святый Боже», в дверях на руках духовенства показывается темный дубовый гроб. Головы всех обнажены, глаза, затуманенные слезами, устремлены на то, что осталось от Владыки. К тихому пению молитвы присоединяются стоны и рыдания многочисленных его почитателей. Мерно колышется гроб, поставленный на дороге, покрытый мантией, удаляясь все дальше и дальше от тихой обители, в которой почивший так много перестрадал, воспривавши мученический венец. Останки Владыки Иоанна ныне покоятся на покровском кладбище, куда беспрестанно стекаются люди, чтобы выплакать, хотя бы на могиле Владыки, свое наболевшее сердце... Да, выше всех стоял архиепископ Иоанн. Многие очень многие его ценили и любили, но многие его ненавидели и презирали. Но он всю свою жизнь стоял непоколебим, с небывалой силой и стойкостью на страже защиты Православной Церкви, как могучий дуб и как ни гнули его, он не погнулся, пока вражьи силы не сломали его. Не даром светлейший патриарх Тихон, посылая Владыку в Ригу, называл его «мужем борьбы». Владыка любил правду, говорил ее прямо в глаза, какова бы она ни была, и проповедовал ее. Он был «искателем правды». За правду Божью он и пострадал в своей тихой обители. Бывал и я не раз там у него. Помню, когда учился я еще в монастырской школе, каждую весну мы устраивали экскурсию к Владыке на дачу. Так чудно тогда было. Всегда выходил нас встречать сам Владыка. Для каждого у него

находилось доброе слово, улыбка, знак внимания. Как гостеприимный хозяин. Он водил нас по саду, показывал хозяйство. И все это делалось с любовью и заботой. Показывал лодку, в которой в свободное время ездил удить рыбу на Киш озере, луг, где сам косил и сушил сено, пчел в ульях, им самих сделанных и т.п. А мы, окружив его со всех сторон, гурьбой гуляли по лесу, по горкам, затем, взявшись за руки в цепь, бегали с ним с горы на гору. Только на этих экскурсиях я и видал, как Владыка вместе с нами смеялся. Затем брались мы за руки – на одной стороне все мы, на другой Владыка один. Всю силу мы напрягали, чтобы его перетянуть, и все-таки, как мы ни пыхтели, – он стоял непоколебим и только усмехался. Он был тогда с нами таким простым, хорошим, что мы все чувствовали себя, как дома, даже лучше.

Набегавшись, садились мы где-нибудь на горку у озера, и он, обращаясь ко всем, говорил: «Ну, а теперь споем, детки!» Пели мы много, а он или слушал, или же тихонько подпевал. Очень любил он, когда пели «В темном лесе»... Иногда засиживались мы долго, до сумерек, иногда с его помощью мы зажигали костер и продолжали петь у костра, пока он находил, что мы проголодались и что пора идти в дом. У себя дома он нас кормил, а потом рассаживались поудобнее, а он или присоединял радио, или просто так сидели в сумерках, слушая его тихую речь, пока пора было уходить. А уходить так не хотелось.

В последний раз я был у Владыки с сестрой на Иванов день. Как сейчас помню, был чудный июньский день. Вся природа ликовала в полном расцвете своем. В ясном небе заливались жаворонки и даже деревья как-то радостно шелестели своими молодыми ярко-зелеными листочками. В такой день, ясный и солнечный, подошли мы к даче архиепископа Иоанна. Уже издали видна была сквозь вершины каштанов крыша дома, а подойдя ближе, увидели мы на зеленой, залитой солнцем поляне, старый окрашенный в серый цвет дом. Высокая дверь была увита дубовыми листьями.

Подойдя ближе, слышали мы голоса и, наконец, увидели Владыку. Он стоял у дуба с несколькими посетителями. Такой

высокий в скуфье и белом подряснике. Черные с серебром волосы прилегали мягкой волной у старой островерхой скуфьи. Около него была собака – верный его сторож. Когда мы его поздравили, он так ласково сказал: «Спасибо, спасибо, деточки, что пришли!» В тот день Владыка долго гулял по саду. Он показывал ветхий флигелек, что стоит над Киш озером. Сквозь ельник и березняк видна озерная даль, а у самых крылец, что над озером, высится могучий великан дуб. Я никогда не видал таких великанов. Тяжкая, кряжистая громада ствола разбросала ветки высоко в небе. А те держат темный, тихо шумящий шатер дубовых листьев. У этого громадного дуба, которого не обхватить и вчетвером, притулилась бедная скамейка, где в тишине отдыхал, вероятно, Владыка, один над озерною далью. В тот день он стоял тоже у дуба и рассказывал о Петре Великом, который, по преданиям, очень любил сажать дубы. И точно, куда бы он не наезжал в Таганрог ли, в Ригу, в Киев, стоят и доныне его дубы. И этот дуб тоже посажен Петром Великим. Посадил он всего три, но второй – не такой великан. У него дупло сгнило, и Владыка сам заложил его кирпичом и скрепил железом, и дуб выздоровел. Третий Петровский во время войны на дрова взорвали солдаты, которые там стояли. Затем Владыка показал церковь, построенную в 1840 году во имя св. Иоанна Предтечи Господня. Тогда же он еще сказал, что эта серая церковь с белыми по фронтому колонками скоро будет снова открыта для служения. Он ее собственноручно починял, что мог. Но служить самому в ней ему не пришлось. Видели мы также каштаны, посаженные в 6-х годах архиепископом Рижским Платоном, а в последствии митрополитом Киевским Платоном. Каштаны эти посажены им перед домом и с тех пор они шелестят, как два брата великана. У забора деревянные кресты на двух солдатских могилах и проржавелый крест на могиле иеромонаха Иоанна, который здесь жил и умер. Слушал я тогда рассказы Владыки, и кажется, точно бродишь в глухой обители, у забытых могил, у бедного храма, под дубами и каштанами в чистой тишине и одиночестве – в дыхании обительском... Но жил в этой пустыньке только один – архиепископ всея Латвии Иоанн. Пригласил Владыка всех в дом на пирог. Простая

комната, голые белые стены, в углу выцветший аналой и образ Иоанна Крестителя Петровских времен. Посредине большой стол, уставленный цветами. Шумит самовар, звенят стаканы, ложки, и мирно беседует Владыка, говорит, как всегда, живо и быстро, внимательно выслушивая каждого, кто бы с ним ни говорил, смотря на говорящего своими бархатистыми, внимательными, глубокими и умными глазами. Его верный пес тут же под столом. Владыка его любил и рассказывал случаи, когда верный Неро выручал его из беды. Наступил, наконец, вечер и пора было идти домой. Владыка проводил всех до калитки и вместе со своим верным сторожем, по привычке заложил руки в косые карманы подрясника, не спеша и величаво, той своей богатырской поступью, которую знали мы все, пошел к дому. Оглянулся я еще раз, но он уже стоял над ульем, чуть склонив голову на бок. И наблюдал за жизнью пчел. Да, он так любил жизнь и вместе с тем не боялся ее потерять. И вот прошел год, как нет больше нашего Владыки, святителя, архиепископа Иоанна.

Он умер не от старости или болезни. Но умер ужасной смертью мученика, своим последним вздохом вдыхая тот дым и огонь, в котором он был сожжен. Потух тот свет, который освещал нас всех, не бьется больше то сердце, которое всех нас любило и за нас страдало; не улыбаются больше те глаза, которые были так добры, успокаивающе, милы, ободряюще, и не поднимется больше та рука, благословение которой мы чувствовали так живо, когда прикладывались к ней, не только из уважения к высокому святительскому сану, но и от всего сердца с детской любовью... Преступными руками он вырван из нашей среды. Мы, люди, никогда не умеем оценить вовремя то милосердие Божье, которое нам дано. Только холодной зимою мы начинаем ценить летнее солнце и тепло; только седой старец, опираясь на посох, понимает, как красива была юность; только больной умеет ценить здоровье; только тогда, когда русские вынуждены оставить родину и скитаться на чужбине, только тогда они по-настоящему чувствуют, как мила родина.

Точно также происходит теперь. Только после страшной смерти архиепископа Иоанна, мы поняли, как дорог, как нужен,

как необходим он нам был и как много в лице его мы потеряли. Когда утром 12 октября 1934 года придя в гимназию я услышал, что владыка замучен, я не поверил, так как ум отказывался понять случившееся, сердце отказывалось верить. Никак не мог дождаться, когда смогу поехать на архиерейскую дачу и лично своими глазами убедиться, что это так. Наконец, на другой день, в субботу, после уроков поехал я на дачу. Вылез из трамвая и по уже знакомой дороге направился к дому Владыки. Тот же парк, та же церковка, вот и дом. Сердце сжалось, заныло, вспомнилось недавнее прошлое, когда жив был хозяин этого дома. Который сам выходил встречать каждого, и невольно покатились по щекам горячие слезы. Пусто и мрачно. Обгорелые стропила дома сказали больше всего о случившемся. Всюду полиция. Подхожу к двери – она выломана, но на ней еще блестит дощечка с надписью: «Архиепископ Иоанн». Вхожу в прихожую, в ней на скамейке стоят еще нетронутые чаши с яблоками, собранными Владыкой. Вхожу в комнату, тот же стол и скамья, голые стены, никакого убранства, но и тут осколки стекол и щепы, напоминающие о злодеянии. Вот и еще комната, в которой на столе стоит пустой дубовый гроб. Туда еще не пускают, так как мирянам не полагается видеть облачение священнослужителей. Все мы, собравшиеся, вышли на двор и стали с зажженными свечами в руках. В те минуты больше, чем когда бы то ни было, хотелось, чтобы все это был только сон, но... вдруг донеслось до слуха пение погребального канона, то несли обгорелые останки Владыки с верхнего этажа, где было совершено злодеяние... Печальные звуки редкого напева, несущиеся с вышины, казались будто с неба. Звук, сначала приглушенный, становился все яснее и яснее. Невольно поднялась рука для крестного знамени, сомнения быть не могло. Кончилось облачение. Нас впустили. Дрожащим голосом произносит священник первые слова панихиды, и, рыдая, поют панихиду по Владыке священнослужители. Стою и я, не могу оторвать глаз от гроба, в котором лежит тот, кто мог еще жить. Тихо поют «вечную память», все до одного стоят на коленях. Слышны стоны, всхлипывания. Кончилась панихида, и под пение «Помощник и

Покровитель» священнослужители подняли открытый гроб на руки, и печальное шествие направилось в церковь. Печально светит осеннее солнышко над дачей архиепископа Иоанна и над окружающим ее лесом. Сосны хмуро молчат, только лиственные деревья парка, убранные в чудный осенний наряд, печально шелестят своими, золотом оттененными листочками. Хмуро молчат величавый Петровский дуб и Платоновские каштаны – свидетели стольких событий, вплоть до последнего. Владыка так любил молодое поколение и так верил в него, и поэтому от каждого из нас зависит, чтобы его высокие идеи и заветы жили вечно и служили всем путеводною звездой. Будем верить, как и он верил, что «не в силе Бог, а в правде» и что в конце концов правда все же восторжествует. Окончу призывом Владыки: «Вперед за истину, правду и Господа». Вечная память Тебе, дорогой, замученный Владыка Иоанн!

Письма соболезнования синоду Латвийской православной церкви

в связи с убийством архиепископа Иоанна (Поммера)

Высочайшему Православному Синоду. Выказываю глубокое сочувствие за уважаемого, всегда готового помочь, добросердечного епископа Поммера, который внезапно ушел от нас, пал жертвой от руки злого, беспощадного человека. С его уходом в Божьем мире потеряли дорогого, пылкого защитника Латвийского государства, что является огромной потерей для латвийского общества и государства.

Вечная ему память и пусть земля будет пухом.

12. 10. 1934 г. Максис Лемкинс. Националист без маски.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Но 206. Л. 3. *Перевод с латышского языка. Письмо написано на бланке со словами Божьей милостью.*

Синоду Латвийской православной церкви С чувством отвращения от ужасного преступления, жертвой которого стал архиепископ Иоанн, выражаю Синоду Латвийской православной церкви глубочайшее сочувствие из-за мученической смерти главы церкви.

А. Кисис, Алуksне.

ЛГИА. Ф. 7469, Оп. 1. Но 206. Л. 5. *Перевод с латышского языка. Письмо написано на официальном бланке директор Алуksнеской Мукснеской гимназии Синоду ЛПЦ 14 октября 1934 года. А. Кисис – директор Мукснеской гимназии г. Алуksне, ул. Янкална 38.*

Синоду Латвийской Православной Церкви. Рига, Маза Пилс ул. 11

С глубоким волнением, с болезненной и невосполнимой потерей, которая постигла Латвийскую Православную Церковь, в связи со смертью архиепископа Иоанна, павшего жертвой ужасного преступления, высказываем Вам свое сердечное и искреннее сочувствие в огромной беде. Вице-директор школьного департамента. 13 октября 1934 года.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 6. Перевод с латышского языка.

Смиренный Дионисий

Божией милостью Митрополит Варшавский и всея Польши, Почаевския Свято-Успенские лавры священно-архимандрит, всечестному духовенству и боголюбивым – чадам осиротевшей православной церкви латвийской посылает мир. Во Христе любовь и благословение.

«Вы Тело Христово, а порознь – члены. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»

(1 Коринф. 12, 27–26).

Глубокой печалью преисполнило наше сердце известие о безвременной, трагической смерти Предстоятеля богохранимой православной Церкви Латвийской Приснопамятного Высокопреосвященного Архиепископа Иоанна. Божественному провидению, в неисповедимых путях Его, угодно было, чтобы Ваш Святитель, столь мудро ведущий по бурным волнам житейского моря врученный ему Десницей Всевышнего церковный корабль, – страданием и кровью, подобно Святым мученикам, венчался. Велико Ваше горе, возлюбленные во Христе Братие и Чада, велико испытание, ниспосланное Вам в удел. Вы потеряли Архипастыря и Отца, Кормчего и Главу, всю жизнь свою жертвенно, с великой пользой, трудившегося на Ниве Христовой во славу Создателя и во благо верующих. И воистину Он, Приснопамятный Архиепископ Иоанн, был тем преемником Апостольского служения, который в грозный час исхода от земли, произносит неменящими устами: «Время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится венец правды, который даст мне господь Судия» (2Тим. 46–8).

Сокрушайтесь же, Братия и Чада, и обильными слезами утешайте вашу боль и тоску. Внемлите Апостолу, гласом любви и милосердия взывающему: «Плачьте и рыдайте о бедствиях Ваших, находящихся на вас» (Иаков 5,1). Сие постигшее Вас бедствие особенно близко нам, ибо и нас Господь посетил, одиннадцать лет тому назад, великою скорбью, отозвал к себе

Первого Митрополита Православной Церкви в Польше Высокопреосвященного Георгия, восприявшего также мученическую кончину. Посему Мы сугубо разделяем Ваше горе и плачем вместе с Вами.

Но Благовестник Христов, поучающий, что по мере умножения в нас страданий, умножается и во Христе утешение наше, восклицает: «Благословен Бог и Отец Господа Нашего Иисуса Христа, отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей» (2 Коринф. 1. 3). Молитвами и слезами облегчая наболевшие сердца свои, усердно просите, возлюбленные Братия и Чада, Вседержителя, дабы он успокоил в селениях праведных Вашего Благодетельного Святителя, дабы по его предстательству ниспослал мир, отраду и утешение осиротевшей церкви Латвийской, дабы Он, Господь Милосердия и Щедрот, возжег на священной Церкви латвийской новый яркий светильник – поставил Вам Архипастыря, который был бы достойным преемником блаженной памяти Высокопреосвященного Архиепископа Иоанна.

Вместе с сим неослабно укрепляйте себя в вере и благочестии и возрастайте духовно, следуя Апостольскому наставлению: «Страждущие по воле Божией. Да предадут Ему, как верному Создателю, души свои» (1 Петра. 4. 19). Делегируя на торжества погребения приснопамятного Высокопреосвященнейшего Архиепископа Иоанна, в качестве представителя Святой Автокефальной православной церкви в Польше, Архимандрита Феофана, поручаю ему быть выразителем наших чувств и соболезнований.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и общение Святого Духа со всеми Вами. Аминь (2 Коринф. 13. 13).

Дано в Столичном Граде Варшаве, в Православном Митрополичьем Доме, в лето от Рождества Христова 1934, месяца октября в 18 день.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. No 206. Л. 7–8

Телеграмма Синоду ЛПЦ – 13.10.1934. Члены корпорации «Рутения» и ее общества филистров глубоко потрясены трагической смертью главы Латвийской православной церкви и

преданного друга русского студенчества, в частности, и выражают Синоду глубокое соболезнование по поводу постигшей его и всех нас незаменимой утрате.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 9.

Выражаем членам Латвийского Православного синода и всей Латвийской

Православной церкви свое соболезнование в скорби по случаю мученической смерти Архиепископа Иоанна.

13. 09. 1934. Общество русских студентов Латвийского университета.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 11.

В Латвийский Православный Синод Литовский Православный Епархиальный Совет, глубоко потрясенный трагической преждевременной кончиной достойного Архипастыря Православной Церкви Высокопреосвященного Иоанна, Архиепископа Рижского и Всея Латвии, выражает сердечное соболезнование Синоду и всему православному населению Латвии в скорбные дни незаменимой утраты любимого Архипастыря, самоотверженного окормителя и вдохновенного защитника интересов Православной Церкви.

Да будет Ему вечный покой и память со святыми! Председатель Епархиального Совета Протоиерей Иоанн Корчинский. Литовский православный Епархиальный Совет 1934 г. 13 октября

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 17.

Письмо от лютеранского архиепископа Т. Гринберга синоду Латвийской православной Церкви.

В связи с трагической смертью архиепископа Иоанна выражаю синоду православной церкви свое глубокое сочувствие. Латвийская православная церковь потеряла своего вождя и пастуха, потеряли бесстрашного, смелого и глубоко верующего главу церкви, потеряли так много, что потерю трудно будет восполнить. Верю, что Великий Господь (прим. дословно – помещик жизни) жизни поведет своих слуг в свое царство и цвет его с короной жизни.

Но Латвийской православной церкви желаю и об этом прошу у Бога, чтобы он помог найти дорогому ушедшему от нас

достойного последователя.

С глубокой скорбью и сочувствием. Архиепископ Т. Гринберг. 14 октября 1934 года.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 18. Перевод с латышского языка.

Рига, 12 октября 1934 года Глубокоуважаемый Синод Латвийской православной церкви.

С глубокой скорбью из-за смерти архиепископа Латвийской православной церкви Иоанна прошу принять мое сердечное сочувствие в огромном испытании, которое постигло нашу православную церковь и которое больно коснулось чувств и сердца также всего остального народа.

Пусть останется светлая память у нас всех о светлом и нестигаемом образе умершего.

К. Ульманис, министр-президент.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 19. Перевод с латышского языка.

Двинское Русское Национальное Объединение в Латвии 17 октября 1931 года

В православный синод Латвии.

Даугавпилсское Русское Национальное Объединение выражает свое глубокое соболезнование по случаю мученической кончины любимого Архипастыря – Архиепископа Иоанна и молимся об упокоении Его души.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 94.

1934 год 12 октября

Синоду Латвийской православной церкви

Сердце глубоко ранено безжалостным преступлением, которое под покровом ночи бесчеловечно похитили жизнь Его Высокопреосвященства архиепископа Иоанна. Выражаю Латвийской православной церкви и ее членам свое сочувствие и скорбь за потерю главы церкви в его мученической смерти.

А. Квиесис, президент государства.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 20. Перевод с латышского языка.

13 октября 1934 года

Латвийское объединение верующих с глубокой скорбью в память своего уважаемого президента, Архиепископа Иоанна, который в эти дни мученической смертью отошел к Господу. Свидетельствуем православной церкви сердечное сочувствие в огромной утрате, которые для нее приготовили преступные руки. Мы будем с вами просить Бога за душу вашего Владыки. Мы вместе с вами скорбим о безвременной кончине нашего уважаемого Президента, потому что его уход из мира – невозместимая потеря для всех верующих людей в их общей деятельности. Присоединяясь к всеобщему негодованию из-за бесчеловечного преступления, предаем Богу право страшного суда. Остается надежда, что синод Латвийской православной церкви продолжит поддерживать устремления христианского объединения, которое до сих пор так успешно осуществлял наш любимый президент – архиепископ Иоанн.

Биргелис, президент Латвийского объединения верующих.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 21. Перевод с латышского языка.

Епископская методистская церковь в Латвии.
Суперинтендант Фрицис Тимберг. 13 октября 1934 года.

В Латвийский православный синод

Епископская методистская церковь выражает православной церкви всеглубочайшее сочувствие в связи трагической мученической смертью Вашего главы церкви архиепископа Иоанна, которая преждевременно наступила из-за преступных злодейских рук. Наша церковь глубоко скорбит в печали вместе с православной церковью и сочувствует вместе с вами в горькой печали, которая так глубоко ранила в сердце церкви Ваших верующих людей. Мы будем молиться вместе с Вами всемогущему Богу, чтобы он в своей милосердии и бесконечной жалости дал своим преданным слугам после Голгофских страданий легкого мирного сна.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 23. Перевод с латышского языка.

Синоду православной церкви в Латвии. 15 октября 1934 года.

От имени Центрального Комитета по делам старообрядцев Латвии и от своего выражаю глубокое соболезнование по случаю безвременной и мученической кончины главы православной церкви в Латвии архиепископа Иоанна.

Заместитель председателя Центрального Комитета по делам старообрядцев Латвии.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 24.

15 октября 1934 года. Высокоуважаемому синоду Латвийской православной церкви.

Скорбная весть, которая кровавыми слезами облетела Латвию о трагической мученической смерти любимого, незабываемого латвийского владыки архиепископа Иоанна ранила также сердца членов прихода православной церкви Эргли, которые в сердечной молитве просят Бога о Его душе. Чувствуя тяжелую, глубокую скорбь из-за смерти своего любимого мученика Архиепископа Иоанна, приносим свое сердечное сочувствие синоду Латвийской православной церкви, как Его исполнительного органа.

С глубокой скорбью священник прихода православной церкви Эргли.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 30. Перевод с латышского языка.

Синоду Латвийской православной церкви

С глубоким негодованием и душевной болью Цесисский православный приход принял печальную весть о мученической смерти своего сердечно любимого архиепископа Иоанна, с глубоким благоговением высказываем свою печаль и смиренно просим присоединиться к общей печали латвийских православных. Испрашивая Высочайшего Бога мира душе архиепископа Иоанна.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 31. Перевод с латышского языка.

15 октября 1934 г. Синоду Латвийской православной церкви

Совет Цесисского православного прихода на своем заседании 14 октября сего года вставанием почтил память Высокопреосвященного владыки архиепископа Иоанна и после обращения протоиерея жертвовать на увековечение памяти и

после этого решения послать Синоду письмо с соболезнованиями, приложенное на отдельных листах.

Протоиерей Цесисского православного прихода Андрей Виеглайс.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Но 206. Л. 32. Перевод с латышского языка.

Рига, 16 октября 1934 года. Синоду Латвийской православной церкви.

Высказываю свое глубочайшее сочувствие в связи с событием мученической смерти Архиепископа Иоанна. Так же наши немецкие приходы глубоко потрясены ужасным преступлением, жертвой которого стал уважаемый владыка. Пусть же Господь, который так милостив, благословит через ушедшую жизнь и труд, свое пасомое стадо и укрепит его в этих трудных бедах. Пусть же всесторонне те добрые семена, которые посеял дорогой архиепископ дадут много порядочных плодов и вечную жизнь.

Доктор теологии П.Х. Полхау, епископ немецкой общины Латвийской лютеранской церкви.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1, Но 206. Л. 33. Перевод с латышского языка.

Рижская Гребенщиковская Старообрядческая община, 17 октября 1934 года.

Синоду Латвийской православной Церкви

По случаю трагической кончины архиепископа Иоанна Совет Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины выражает свое глубокое сочувствие и искреннее соболезнование осиротевшей Церкви православной, потерявшей своего архипастыря – неутомимого и самоотверженного защитника религиозных и национальных нужд русского населения Латвии.

11 подписей: И. Юпатов, И. Заволоко, П. Масляков и др.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Но 206. Л. 40.

20 октября 1934 года

Синоду Латвийской православной церкви

Лаздонский православный приход и Совет военного благочиния, собравшись вместе 17 октября сего года, с глубокой скорбью, которую невозможно выразить в своем возмущении

потерей, что принесла ужасная весть о неслыханном преступлении, жертвой которого пал в этом году 12 октября наш возлюбленный и незаменимый архипастырь, сокрушается.

Его Высокопреосвященство, Преосвященнейший Архиепископ Иоанн, родной приход и также благочиние выражает синоду Латвийской православной церкви глубочайшее сочувствие и просит Небесного Отца за мученически умершего.

Председатель Совета Лаздонского православного прихода протоиерей К. Платер – подпись.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 70. Перевод с латышского языка.

20 октября 1934 года

Синоду Латвийской православной церкви

Возмущены ужасным преступлением, совершенным над глубокочтимым архиепископом всея Латвии Иоанном, русские люди, объединенные в Режицком благотворительном и Просветительном Обществе имени А.С. Пушкина, выражают синоду Латвийской православной церкви свое глубокое соболезнование по поводу потери стойкого борца за православие, ревнителя и поборника за православную церковь. Режицкое Благотворительное и Просветительское Общество им. А.С. Пушкина глубоко убеждено, что образ архиепископа Иоанна будет навсегда запечатлен в душе русских людей всей Латвии и его благородная деятельность послужит залогом дальнейшего укрепления православной церкви в Латвии.

Режица, 18 октября 1934 года.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 206. Л. 82.

Ю. Сидяков. Архиепископ Иоанн на страницах газеты “Слово”

(составитель Ю. Сидяков)

От составителя

Выступления архиепископа Иоанна в печати до настоящего времени еще не были собраны и на русском языке не издавались [I]. Лишь небольшая их часть вошла в приложение к книге игумена Феофана (Пожидаева) «Архиепископ Иоанн (Поммер)» (Рига, 2000) [II]. Пробел этот в какой-то мере и призвана заполнить настоящая публикация, в которой собраны все материалы, прямо или косвенно передающие высказывания Владыки, появлявшиеся на страницах газеты «Слово». Далее предполагается также переиздание соответствующих материалов из газеты «Сегодня», а также и из журнала «Вера и жизнь».

«Слово» – по своему значению вторая из Рижских печатавшихся на русском языке газет после «Сегодня». Выходила она с 1925 по 1929 год, издавалась акционерным обществом «Саламандра». Газета по замыслу издателей должна была противостоять «Сегодня» как издание, непосредственно выражавшее позицию и интересы русского национального меньшинства Латвии [III] (редакция «Сегодня» претендовала на отражение более широкого спектра мнений). В связи с этим в «Слове» много внимания уделялось деятельности Православной Церкви.

Довольно широкое участие в «Слове» принимал и архиепископ Иоанн. Начиная с середины 1926 и до закрытия газеты в 1929 г., на ее страницах (включая речи в Сейме, а также беседы корреспондентов и краткие изложения его выступлений) была помещена 41 связанная с именем Владыки публикация. В газете «Сегодня» за тот же период времени подобных же материалов было помещено всего лишь 25. Данный факт свидетельствует как о большем внимании, проявлявшемся редакцией «Слова» к личности архиепископа Иоанна, так и о предпочтении этой газеты самим Владыкой, которому ее общественная позиция, определенно, была много ближе, нежели позиция газеты «Сегодня» (о чем речь пойдет еще в будущем). В связи с этим именно с публикаций

архиепископа Иоанна в «Слове» мы и начинаем переиздание его выступлений в прессе.

В «Слове» печатались специальные статьи Владыки, посвященные духовным темам – в частности, открывавшие специальные рождественские и пасхальные номера; однако в значительно большем количестве здесь помещались его политические выступления, часто весьма резкие по своему тону. В качестве примера можно упомянуть статью «Политика громления» (1926. № 193), направленную против притеснений Православной Церкви, которыми в Латвии была отмечена первая половина – середина 1920-х годов. Помимо латвийской церковной и политической ситуации, в своих выступлениях архиепископ Иоанн обращался также к вопросам свободы совести и правового положения Церкви в советской России. В 1927 году в № 666 была напечатана его пространная речь в Сейме, произнесенная в связи с заключением латвийско-советского торгового договора, противником которого он являлся. Следствием проведения этого договора в жизнь архиепископ Иоанн видел постепенное экономическое и политическое подчинение Латвии советской России и дальнейшее распространение коммунистической заразы.

Подробно освещалась в газете «Слово» и история, возникшая в связи с отслуженной архиепископом Иоанном всенародной панихидой по жертвам коммунистического террора в 10-летний юбилей большевистского переворота в России. По окончании панихиды Владыкой была произнесена резкая антисоветская речь, вызвавшая ноту протеста советского полпредства. Значительная часть выступлений архиепископа Иоанна в Сейме, опубликованных в «Слове», были посвящена обличению социал-демократов – наиболее враждебной, с точки зрения Владыки, интересам Церкви и русского национального меньшинства силе. Публикации архиепископа Иоанна в «Слове» дают яркое представление о нем и как о церковном ораторе, и как о политическом деятеле.

Примечания

I На латышском языке значительная часть выступлений архиепископа Иоанна в печати была помещена в

подготовленном о. Янисом Калниньшем двухтомном издании: «Rīgas un visas Latvijas Arhibīskaps Jānis (Pommers): Svētrunas, raksti un uzstāšanās» (Rīga, 1993). Сюда вошли публикации как изначально напечатанные на латышском языке, так и переводы с русского. Однако представлены были подобные материалы далеко не полностью – печатным источником подборки почти исключительно послужил лишь журнал «Вера и жизнь» и его латышский вариант «Ticība un dzīve», включены были в это издание и некоторые архивные документы.

II Впоследствии книга эта под несколько иным названием была переиздана в России: Феофан (Пожидаев), иг. Колокол на башне вечевой: Житие и труды священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). М., 2005.

III Ранее подобная же программа была положена в основу просуществовавших недолгое время газет «Маяк» и «Вечернее время».

Выступления архиепископа Иоанна на страницах газеты «Слово»

Архиепископ Иоанн об аресте митрополита Петра.

Беседа для «Слово»

В беседе с нашим сотрудником по поводу ареста местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра Крутицкого архиепископ Иоанн сказал следующее: – Телеграмма эта требует проверки, так как бывали случаи, что телеграфные агентства сообщали случаи, несоответствующие действительности. Самый повод ареста митрополита Петра представляется странным с точки зрения советских законов. И закон, и уклад жизни СССР ставит власть вне всяких религиозных споров. Арест же за непризнание живоцерковников как бы связывает власть, выражаясь вульгарно, с платформой «живцов»[1], которые, хотя и состоят слугами большевизма, но, все-таки нельзя отрицать, являются и церковниками. Это так с точки зрения здравого смысла, но не все в СССР делается по здравому смыслу. Митрополит Петр в бытность свою московским викарием был арестован за «кражу дров», причем эта «кража» состояла в том, что митрополит топил в своей келье печку своими дровами, которые по декретам считались советскими. В стране, где возможно невозможное, возможно, конечно, что атеистическая власть арестовала митрополита за непризнание догматов и канонов «живой церкви». Если арест и состоялся, он митрополита не смутит, так как это человек, закаленный в борьбе за церковную правду. Ученик и преемник Патриарха Тихона потщится не посрамить заветов своего учителя. Святительский престиж митрополита Петра после этого ареста и в СССР, и вне ее только выиграет. Отныне в устах народа он будет по праву именоваться исповедником.

1926. № 46. С. 1.

Правда о Православной Церкви в Советской России.

Специальная беседа «Слова» с архиепископом Иоанном.

В связи с арестом митрополита Петра в Сов. России и вновь обозначившимся походом большевицкой власти против

церкви православной, наш сотрудник имел беседу с Высокопреосвященным архиепископом Иоанном.

«Факт ареста митрополита Петра, местоблюстителя патриаршего престола, – сказал Владыка, – сам по себе глубоко прискорбен. Жаль человека, жаль архипастыря Церкви, жаль Церкви, живущей в таких условиях, что ни за что, ни про что может быть унижен и обижен высший ее представитель, жаль народа бесправного, который не имеет способов отстоять себя и своих.

Однако, этот арест не дает оснований серьезно опасаться за Православную Церковь в России. Судьбы ее не зависят от отдельных лиц, как бы высоко ни было их положение. Последние восемь лет как нельзя более укрепили нас в таком убеждении. Власть, объявившая себя атеистической, с первых же дней своего существования повела и ведет ожесточенную борьбу с верующими.

Одним из самых излюбленных приемов в этой борьбе является ослабление иерархических кругов церкви. Иерархов церкви истребляют, всячески унижают, томят по тюрьмам и ссылкам, стремятся внести в среду их дезорганизацию и даже деморализацию, стремятся всячески дискредитировать их в глазах русского народа и всего мира.

Число казненных иерархов весьма велико, еще больше число заточенных и сосланных, нет ни одного не потерпевшего унижений и оскорблений, не мало число сбитых с канонического пути и даже с пути морали.

Каковы последствия этого похода?

Здравомыслящий народ в массе своей, как был, так и остается не только верующим, но и православным. Конечно, есть слабые души, поддавшиеся искушению, есть отпавшие от веры и родной Церкви и даже ставшие врагами Церкви, но если сравнить число их с общей многомиллионной массой, сохранившей верность вере отцов, то приходится констатировать, что поход доселе неудачен.

А если принять во внимание то обстоятельство, что верные Церкви массы стали более активны в вере, что гонения на церковную иерархию и веру пробудили в массах сознание

необходимости стоять за веру как неприкосновенную народную святыню, что можно с уверенностью сказать, что гонения на церковь и иерархию дали результат в общем совершенно противоположный тому, какого ждали гонители.

Даже по отношению к иерархии поставленной цели большевики не достигли. Правда, имена некоторых иерархов на Руси ныне произносятся с омерзением, их клеймят самыми позорными кличками, но это относится именно к тем иерархам, которые или творят, или творили угодное большевикам.

Замученных же иерархов массы чтут как священномучеников. На могилы их, если таковые известны, совершаются паломничества, несмотря на запреты, запрещения и репрессии.

Имена томящихся в тюрьмах и ссылках произносятся с благоговением как имена живых исповедников веры. От скудости или даже от нищеты своей верующие посылают им в тюрьмы и ссылки усердные приношения. С риском для жизни к местам ссылки отправляются ходоки, чтобы провести своих пастырей.

Грозных наркомов и чекистов осаждают делегации от рабочих и крестьян с ходатайствами за заключенных архипастырей и пастырей.

Мы знаем случаи, когда верующие добровольно садились в Чека в качестве заложников-смертников и поручителей за своих духовных отцов или выручали ни в чем неповинных пастырей, или умирали вместе с ними в качестве жертв бессудия и произвола.

Вырванных из тюрем и ссылок пастырей народ встречает с восторгом и назло власти обращает вновь вступление их в должность во всенародное торжество. В этих случаях, конечно, торжество уже не является чисто религиозным торжеством; народ торжествует победу над произволом и неправдою власти. На тех мужественных вождей духовных, которые сильны сохранить твердость в вере среди ужасов ГПУ и Чека, народ смотрит не только как на борцов за религиозную идею, но и как на борцов за попираемые и попранные права народа.

В глазах масс они не только религиозные герои, но и герои национальные. При наличии таких обстоятельств и таких настроений арест нареченного главы Православной Российской Церкви, местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра, несомненно, будет способствовать поднятию в массах религиозного церковного сознания и даст лишний повод русскому народу осознать свои исполненные горечи и озлобления отношения к предрержащей власти.

Так как местоблюститель патриаршего престола есть величина всероссийская, то эти неблагоприятные для власти настроения, несомненно, прокатятся по всей Руси, вопреки желанию власти каждый православный почувствует себя беспричинно оскорбленным православным и каждый русский беспричинно оскорбленным русским.

Для идеи патриаршества, нареченным носителем которой является в настоящее время митрополит Петр, эти настроения и обстоятельства, конечно, только благоприятны.

При мирном течении жизни народ к объединяющим его идейным центрам относится инертно, пассивно. Факты подобно аресту местоблюстителя патриаршего престола будят в народе дремлющее сознание, располагают к активности, если не в действиях, то в помышлениях и настроениях.

Самое имя митрополита Петра, доселе мало популярное в широких кругах, во многих вызывавшее опасения и сомнения, отныне может стать популярным и в религиозных и в национальных кругах Руси, при благоприятных условиях оно может стать национально-церковным знаменем для миллионов людей, мыслящих и чувствующих себя на Руси православными и русскими.

Церковной дезорганизации с арестом митрополита – местоблюстителя патриарха – опасаться не приходится: налично иерархией предусмотрена не только возможность ареста, но и все худшее, а верующие массы во время арестов патриарха Тихона показали, что они более устойчивы в своих верованиях, чем предполагают противники.

Попытки дискредитировать местоблюстителя дадут тот же результат, как и попытки дискредитировать патриарха Тихона.

Если даже допустить наихудшую из возможностей, что большевикам удалось бы поколебать твердость митрополита Петра и вынудить у него какие-нибудь мероприятия, угодные большевикам, но противоречащие интересам канонов и догматов православной церкви, то иерархия и массы сумеют разобраться в деле, как сумели разобраться в актах, вынужденных или ложно приписанных патриарху Тихону.

Если даже допустить невозможное, что истязатели сумели бы добиться у заключенного митрополита каких-нибудь отречений от того, от чего он не смеет отречься, то и этот случай предусмотрен, и с полной уверенностью можно сказать, что святое место, им ныне занимаемое, не останется пусто, и дело Господне не останется без строителей и делателей. О такой невозможной возможности мы упомянули потому, что в кругах врагов о ней заговорили, как о возможной.

Да знают они, что для Церкви Божией и такие невероятные возможности не страшны.

1926. No 52. С. 2.

Архиепископ Иоанн в защиту духовных нужд русского населения

Вчера состоялось заседание думы Культурного фонда. Главный центр внимания был сосредоточен на вопросе об отпуске сумм на удовлетворение культурных нужд меньшинств. Из прений, которые порой носили острый характер, выяснилось отношение большинства к меньшинствам. После первого оратора депутата Бурмейстера (социал-демократа) выступил архиепископ Иоанн, который в красивой и мощной речи указал, что до сих пор на культурные нужды населения русской национальности ничего не давалось, а если кое-что и отпускалось, то было весьма незначительным. Русское население вправе требовать от Культурного фонда пособия пропорционально его численности.

Русская фракция просит только об удовлетворении самых главных культурных нужд русского населения, составляющего 12 процентов всех жителей государства.

Русская фракция предлагает культурному фонду ассигновать всего 40 000 лат, которые распределяются след.

образом: 10 000 лат на внешкольное образование, 10 000 на школьные библиотеки, 5000 – на народные библиотеки. 6000 – на нар. театры, 7000 – учебные пособия и 2000 – детские приюты.

Эта сумма (40 000 лат) составляет всего 4 процента и, конечно, далеко не та, на которую имеет право русское население по своей численности.

Далее архиепископ Иоанн заявил, что по поручению польской фракции он предлагает по тем же соображениям ассигновать на культурные нужды польского населения 20 000 лат.

Масса русского и польского населения находится в культурном отношении в весьма неблагоприятном положении. Преобладает беднота, и поэтому удовлетворение просьбы русской и польской национальности – акт справедливости.

После оратора Каупиньша, защищавшего необходимость пособия спорту, выступил депутат Нурок, который указал, что предусмотренные всего 4000 лат на культурные нужды меньшинствам, являются насмешкой над меньшинствами. Меньшинствам надо дать возможность развить и укрепить свои собственные культурные достижения. В заключение депутат Нурок внес от имени еврейской и немецкой фракций предложение ассигновать на культ. нужды этих меньшинств по 40 000 лат.

Социал-демократ Деккенс выступил за защиту пособий спорту и за увеличение средств фонда. Депутат Деккенс по поводу требований меньшинств пугает Сейм фразой, что де меньшинства, быть может, предложат народу с общим Сеймом основать еще один особый меньшинственный Сейм.

Доктор П. Калниньш заявил, что предложение меньшинств новое и, если принять его, то весь бюджет должен быть возвращен в малую думу для согласования.

Депутат Трасун считает, что положение русского населения хуже положения латышей. Против процентуального отчисления для меньшинств и министр-президент Ульманис. Меньшинства должны получить все, что им следует, но форма, которую меньшинства предлагают, неприемлема.

Латыши могут на весь мир гордиться тем, что у них меньшинства пользуются равноправием. Затем еще говорили депутаты Нурок и Дубин, которые отметили нужды еврейских масс и возражали противникам отпуска меньшинствам требуемых ими сумм. На этом заседание за поздним временем закрылось. Следующее заседание – завтра.

1926. No 113. С. 3.

Герой верности

К годовщине кончины святейшего Патриарха Тихона.

О личности святейшего Патриарха Тихона, о его жизни и смерти так много говорено и писано, как ни о ком из деятелей великого русского народа и церкви. Тем не менее, по каждому удобному поводу представители русской прессы всех направлений вновь и вновь возвращаются к его имени. Ясно, это незабываемое имя стало настолько дорого, что потребность вспоминать его не только не иссякает, но возрастает, что в частом воспоминании о великом светильнике церкви души черплют отраду, утешение и ободрение в переживаемое тяжелое время.

Это и понятно. В наше тяжелое и злое время люди изверились в человеке. Не на ком остановиться, не на кого положиться. Не стало тех цельных, монолитных натур, которые сильны остаться сами собою при всех превратностях судеб. Святейший Тихон в этом отношении составляет исключение. Менялись обстоятельства жизни; до поразительности, до неузнаваемости менялись люди, но он по своему духовному существу при всех превратностях судьбы сумел остаться верен себе и тем святым церковным и национальным заветам, которые составляли душу души его. Он глубоко верил в святость и непреложность тех религиозных и церковных начал, на служение которым отдал себя во дни ранней юности и верен остался им до гробовой доски. В этой абсолютной верности мы усматриваем главную красоту его выдающейся личности.

Во всех положениях жизни окружающие его видели и знали, что такое Тихон, твердо и определенно знали, что Тихон таким же будет и завтра, и послезавтра, и до конца дней своих. Единомышленники знали, что на Тихона можно положиться, что

он ни единой йоты из священного символа, из священных канонов, из традиционного уклада не предаст, что Тихон – это воплощенное «правило веры», что не предаст он и ни единого из своих единомышленников. На него всегда можно было положиться как на несокрушимую «каменную стену» и полагались – и в великом, и в малом и ближние, и дальние – полагалась вся православная Русь.

Ныне после его блаженной кончины высшая похвала для него в том, что он никого не обманул, кто положился на него. Эту неизменную верность Тихона, эту монолитную цельность его характера глубоко уважали даже ярые противники его. Если в первое время его патриаршествования враги не делали особенно ярых наскоков на него, то главным образом потому, что наперед знали: «с Тихоном ничего не поделаешь: Тихона с позиции не собьешь».

И тогда, когда Тихона стали волочить по судам и темницам, враги знали, что Тихон не свершит ни предательства, ни измены. Но враги думали создать видимость измены и предательства: от его имени стали выпускать документы не его авторства. Но народ, знавший своего Тихона как непоколебимого героя верности, грубым подлогам не поверил. Самая последняя попытка опорочить Тихона в глазах верующих была особенно коварна: на свет Божий появилось завещание Тихона, ниспровергающее всего Тихона[2]. Однако печальная судьба этого завещания показала, что и к мертвому герою верности клевета не пристает. Никто из знавших подлинного верного Тихона, завещанию не поверил, ибо всем было ясно, что монолитный, во всем всегда верный Тихон такого завещания написать не мог.

Сегодня, в годовщину блаженной кончины святейшего патриарха Тихона, мы позволяем себе отметить эту монолитность его христианского характера, эту его святую христианскую верность всегда и во всем не только для того, чтобы хвалу воздать почившему, но и для того, чтобы наша современность училась у него.

1926. № 117. С. 3

Речь архиеп. Иоанна к епископу Бери

Вчера во время всенощной в кафедральном соборе архиепископ Иоанн обратился к епископу Бари со следующей речью: – Искренняя во Христе дружба между церквами Англиканской и Православной явление давнишнее. На протяжении всего прошлого столетия проявления ее мы видим и в Англии и всюду, где существует православие. Одним из постоянных и официальных показателей ее было и есть Общество сближения церквей Англиканской и Православной. В состав этого общества всегда входили и входят виднейшие представители обеих дружественных церквей. И в Англии, и в странах православных эта святая дружба подчеркивалась многократно и ярко. Но особенно ценными мы считаем те проявления святой дружбы во Христе, которые даны Англиканскою церковью в последнее время, когда Православной церкви суждены безмерные испытания, унижения и страдания.

В эту тяжелую пору многие друзья Православной церкви отошли от нее. Некоторые стали даже в ряды врагов Православной церкви и пользуются ее стесненными обстоятельствами для увеличения своего благополучия за ее счет. Лишь Англиканская церковь осталась верным и бескорыстным другом Православной церкви и в лихолетье.

На прошлогоднем Лондонском всемирном конгрессе во услышание всего мира Англиканская церковь в ее целом подтвердила православным неизменность своей святой дружбы. Но и дотоле и по сем со всех концов вселенной мы слышали и слышим из уст представителей Англиканской церкви то же самое.

Мы пользуемся настоящим случаем, чтобы свидетельствовать Вашему Преосвященству, что в лице Вас мы, православные, всегда видели и видим одного из видных и горячо убежденных провозвестников начал этой священной дружбы двух родственных церквей. Вашему Преосвященству, конечно, ведомо, как благотворно для Православной церкви было Ваше прошлое благовестническое путешествие по православным землям. Мы христиански уповаем, что и

нынешнее Ваше путешествие Господь благословит не менее обильными и благими плодами.

Вы по смирению своему, может быть, и не подозреваете, что значение Ваших благовестнических путешествий по православным странам уже тем велико для Православной церкви, что своим дружеским общением с нами, православными, Вы свидетельствуете пред лицом всего мира, что страждущая Православная церковь не всеми друзьями брошена и забыта, что великая Англиканская церковь имеет христианское мужество и в страждущем и униженном друге признавать своего друга. Для нас в этом факте величайшее утешение и моральная поддержка.

Кто не знает и не понимает церкви? Имея такого друга, можно не сокрушаться о потере многих друзей.

Сегодня, когда мы вновь имеем высокую честь видеть в лице Вашем среди нас представителя неизменно дружественной к нам великой Англиканской церкви, мы приносим великой Англиканской церкви, ее маститому Главе архиепископу Кентерберийскому и Вам глубочайшую благодарность за святое христианское расположение к нам и просим засвидетельствовать Англиканской церкви и маститому Главе ее, что мы во всем объеме сознаем священную ценность этой дружбы во Христе и со своей стороны приложим все силы и все тщание, чтобы быть всегда достойными священной дружбы нашего великого друга во Христе.

1926. No 151. С. 3.

Архиепископ – в защиту Православной Церкви

Вчера член Сейма архиепископ Иоанн выступил с большой речью о несправедливостях по отношению к Православной Церкви в Латвии.

После речи Мильберга, выступавшего в защиту волостной охраны от нападков социал- демократов, и речей социал-демократов, нападавших на министерство внутренних дел, на кафедру поднимается архиепископ Иоанн и произносит с присущим ему ораторским талантом горячую речь, которая произвела на слушателей необыкновенно сильное впечатление.

Оратор указывает цель произнесения речи – он как представитель конфессионального меньшинства должен говорить при обсуждении сметы министерства внутренних дел потому, что судьбы его религиозного меньшинства постоянно связываются с министерством внутренних дел, которое обычно дает тон всей политике кабинета в отношении к представляемому им конфессиональному меньшинству.

Прежде всего оратор констатирует, что настоящее правительство не является худшим из бывших правительств, но и «настоящее правительство и настоящий бюджет в отношении нас таковы, что мы не можем сказать, что бюджет и правительство нас удовлетворяют».

Далее архиепископ говорит, что юридическое и фактическое положение, в какое поставлены православные и Православная Церковь как конфессиональная организация не может быть названо не только нормальным, но должно быть названо вопиюще ненормальным и правительством не предпринято никаких реальных шагов для устранения ненормальностей.

Оратор указывает, что все просьбы к прошлому кабинету о предоставлении православной церкви в Латвии тех же юридических прав, какие уже предоставлены другим церквям, остались гласом вопиющего в пустыне. «То, что всем дано, нам не дано и не дается». Получалось такое впечатление, что правительство как бы радовалось нашим затруднениям и нарочито затягивало устранение их.

Во главе этого удушения нас бесправием всегда шло министерство внутренних дел, а с его камертона пели и прочие министерства и даже то высокое учреждение, которое по идее своей должно быть руководителем в области законности, а на деле обратилось в политический флюгер, служащий политическим ветрам данного момента.

Православную веру в Латвии исповедуют 167,5 тысяч полноправных граждан Латвии. Разумная государственность должна бы внушать законам государственного корабля, что с таким количеством граждан нельзя не считаться, что их нельзя низводить на положение бесправных и удушаемых, ибо как

никак это количество составляет почти 10 процентов всех живых сил Латвии.

Между тем здания Православной Церкви реквизированы вопреки правам и воле православной церкви. Богатейшие, громадной ценности библиотеки сих заведений исчезли без ведома церкви неведомо куда[3]. Живые преподавательские силы разгромлены. А для лютеранской церкви на государственные средства содержится богословский факультет при университете. Для католиков на государственные средства куплено и оборудовано среднее пастырское учебное заведение. Высшее богословское образование католики получают на государственные средства за границей. Только у православных отнято, что у них было, и ничего вместо отнятого не дается.

Мы, православные, получаем впечатление, что нас удушают не только бесправием, но и насильственно создаваемое духовною тьмою, невозможностью пополнить пастырские кадры надлежаще подготовленными пастырями.

В Православной Церкви особою формою религиозной жизни является жизнь монашеская, монастырская. И в новообразовавшихся государствах невозбранно существуют православные монастыри. В пределах Латвии был единственный мужской монастырь – Алексеевский. Он удушен. Здания и святыни его реквизированы.

В целом ряде случаев у нас реквизированы наши храмы, построенные на средства православных. Некоторые из них, как например, рижский Алексеевский храм и рижский Петропавловский храм, бывший наш кафедральный собор и усыпальница православных архиереев, переданы инославным, а некоторые обращены для чисто светского употребления: например, в одном помещается музей, в одном устроен гимнастический зал, в одном – концертный зал и тому подобное.

Один обращен попросту в кучу мусора, обшивка с другого употреблена на построение памятника героям освободительной войны, священные предметы из некоторых храмов помещены в места развлечения.

Перечисленных фактов вполне достаточно для того, чтобы составить представление о той политике, которую практиковали

правительства Латвии по отношению к Православной Церкви. Это – политика гонений и удушения.

Государственный деятель, наиболее потрудившийся над удушением православной церкви и увенчавший свою государственную карьеру обращением одного православного храма в кучу мусора, в официальных разговорах с нами по вопросам православной церкви любил повторять миф о тяготении православной церкви к «востоку», о нежелании ее порвать свою зависимость от «востока», о нашем якобы неуважении к суверенной Латвии. Многие верили этим его утверждениям, но он сам не мог не знать их вздорности.

Отношение православной церкви к латышскому народу, его правам и интересам всегда было неизменно благожелательно. Когда латыш был подавлен и в национальном, и в экономическом, и в политическом отношении, когда его как бесправного раба не только третировали, но и в буквальном смысле истязали, православная церковь стала указывать этому народу пути и национального, и экономического, и политического раскрепощения, стала открыто на защиту обиженных и оскорбленных латышей.

В освободительную войну православные, как латыши, так и русские, сражались за свободу Латвии. Среди вождей освободительного движения были православный министр военный и православный генерал Апин.

Среди врагов независимости Латвии, среди предателей нет ни одного православного имени.

Более того. Среди длинного списка самых ярых врагов суверенной Латвии нет ни одного православного имени. Все эти Стучки[4], Лацисы[5], Данюшевские[6] и прочие, и прочие – не православные. Даже такие убежденные противники православной церкви и гонители ее, как покойный Мейеровиц[7], и живые Кливе и Ульманис[8] не могут указать ни одного факта нелояльности православных и Православной Церкви.

Для удушения православной церкви нет абсолютно никаких: ни национальных, ни политических и вообще никаких разумных оснований, и приемы удушения, применяемые к нам, являются

вопиюще несправедливостью, позорною для демократической Латвии, близорукою и тупою злобою зарвавшихся саврасов политических. И здесь в Сейме мы проявили такую высокую степень политической лояльности, которая не видна лишь людям политически слепым.

Невзирая на все это, мы и сегодня, перечислив учиненные нам систематически и длительно обиды, будем голосовать за бюджет и правительство, ибо повторяю: нынешнее плохое правительство и нынешний неудовлетворительный бюджет все-таки не есть самый худший по сравнению с бывшими и возможными в будущем.

В середине речи архиепископ Иоанн делает заслуживающее внимания заявление в ответ на замечание с места левого социал-демократа Радзыньша. Архиепископ Иоанн говорит, что он вынужден жить в погребке потому, что его лишили его постоянного дома.

Архиепископ не может требовать теперь для себя новое здание в то время, как его собратья живут еще в старых окопах и блиндажах.

Архиепископ покинет свой погреб тогда, когда материальное благосостояние государства окончательно укрепитя и страна будет в состоянии предоставить главе Латвийской Православной Церкви подобающую квартиру.

Министр внутренних дел А. Лайминьш в своей речи отпарировал нападки социал-демократов Он говорит и в защиту отрядов сельской охраны и полиции. «Вообще, заключает министр, все предъявленные ведомству внутренних дел обвинения уже выяснены в бюджетной комиссии, а год тому назад и в пленуме».

Речью министра заканчиваются прения.

1926. No 155. С. 3

Архиепископ Иоанн в защиту Православной Церкви

Утреннее заседание Сейма.

Сильные нападки на Христианскую Церковь социал-демократа Руденса [8-а] и Декенса, особенно последнего, вызвали сильный отпор со стороны архиепископа Иоанна. Архиеп. произнес вчера большую речь, которая продолжалась

11/2 часа. Эта яркая речь, крайне интересная как по содержанию, так и по форме, заслуживает быть особо отмеченной. Она, безусловно, войдет в историю Латвийской Православной Церкви, достойно отстаивающей свое право на существование против похода социал-демократов, которые в своей ненависти к церкви не брезгают искажением сущности православия в деле пробуждения латышского национального самосознания.

В начале своей речи архиепископ Иоанн излагает вкратце историю движения латышей в православие: «Нам говорят, будто не православие, а гернгутерство[9] положило начало пробуждению латышского самосознания», – говорит архиепископ. Но это не так. Оратор указывает, что один из вождей гернгутеров (особая ветвь протестантизма в Прибалтике, сыгравшая просветительную роль среди латышей) Давид Балод убедился, что только на почве православия возможно осуществление национально- религиозных стремлений латышей и перешел с группой единомышленников в православие. Посвященный в сан священника-миссионера, он стал звать латышей в православие, так как такое христианское исповедание дает им полную свободу национально-религиозного самоопределения. Успех был громадный и латыши тысячами устремились в православие. Факт этот для латышского самосознания имеет громадное значение. Латыши на деле увидели, что они имеют право и возможность не только сознавать себя латышами, но организовываться на чисто национальных началах. Противники пробуждения латышского национального самосознания забили тревогу. Они наводнили Петербург доносами, изображая латышское национально-религиозное движение в качестве бунта против местных привилегированных классов. Была назначена строгая следственная экспедиция для расследования действий Балода и епископа Иринарха, но комиссия ничего предосудительного в действиях их не нашла. Все же епископ Иринарх был насильственно выдворен из Риги. Преемник его епископ Филарет пошел по новому движению дальше: он проводил в

жизнь правило, что просвещение латышских масс и в школе, и в церкви должно быть передано латышам же. Было приступлено к устройству духовных и учительских семинарий. Противники нового движения удалили из Риги и епископа Филарета. Его преемник, архиепископ Платон, поддержанный русской интеллигенцией и правящей общественностью (в прессе: Самарин, Хомяков, Достоевский, Аксаков и др.), продолжал работу, и движение восторжествовало. Эти факты свидетельствуют, что Православная Церковь уже в пору пробуждения латышского самосознания была верным другом латышского народа.

Далее оратор описывает ужасные 1906 и 1907 годы карательных экспедиций. И тут архиепископ Агафангел принимал все меры к избавлению латышей от суровых кар.

Затем оратор опровергает утверждение социал-демократов, пытающихся дискредитировать Православную Церковь, что Православная Церковь – русская Церковь. Они, не зная ни догматов, ни канонов Церкви, не понимают, что она носит вселенский характер и выработана до русских.

Православная Церковь насаждает всегда и всюду только дух Христа. Неправильно утверждение социал-демократов, что Рижская духовная семинария имела тенденцию к обрусению латышей. Но когда в настоящее время в учебных заведениях Латвии не только латышам, но и русским, и немцам, и евреям лекции читаются на государственном языке, в этом они не усматривают признаков латификации, это – разумная государственность. Но и Россия имела же в свое время право на «разумную государственность», – говорит архиепископ.

Социал-демократы возмущаются, что от поступающих в духовную семинарию требовалось принятие православия (обрусение латышей), но ныне они считают нормальным, что в содержимую государством католическую семинарию принимают только католиков, и в этом не усматривают ни стремления к окатоличению, ни стремления к ополячению.

Русские помогали Православной Церкви вести сынов латышей к просвещению (стипендии студентам-латышам и прочее). Почти все латыши-интеллигенты старших поколений и

множество младшего поколения (и национальные деятели) только благодаря русским стипендиям имели возможность получить образование, значит целью этой деятельности было не обрусение, а просвещение латышей. Далее оратор переходит к обрисованию положения аналогичной деятельности в Латвии. Православная духовная семинария придушена. Здание ее реквизировано. Библиотека исчезла. Средств на возобновление ее не получаем. Достаточно быть православным, а тем более русским, чтобы не иметь надежды на стипендии.

Утверждение социал-демократов, что православные тяготеют к «востоку» – недобросовестное измышление. Доказательство – архиепископ после избрания на пост архиепископа Рижского и всея Латвии первым делом на точном основании канонов вошел в сношения с Московским Патриархом и получил постановление Высшего церк. совета и священного Синода о предоставлении Латвийской Православной Церкви полной канонической самостоятельности и независимости (6 июля 1921 г.).

Архиепископ опровергает все выпады декларации социал-демократов против главы Православной Церкви. Латвийскую границу он переехал в качестве полноправного гражданина и суверенного главы суверенной Латвийской Православной Церкви. Архиепископ знал, что положение Православной Церкви в Латвии не лучше, если не хуже, чем в СССР. Всюду гонения. Вершители судеб Латвии, не без давления социал-демократов в гонениях на Православную Церковь пошли дальше, чем советская власть. Ни одна церковь в СССР не была обращена в кучу мусора, что имело неоднократно место в Латвии, где находится всего 130 церквей.

В Латвии переданы иноверцам наиболее чтимые святые храмы, чего в СССР не было (в епархии архиепископа). Юридическое положение Православной Церкви в СССР более определено, чем в Латвии. В СССР гонения идут на убыль, а в Латвии, благодаря влиянию социал-демократов, – в гору. Генерал социал-демократов с кафедры Сейма требовал сношения с лица земли кафедрального собора в то время, как даже в мозгу Ленина в период тяжелой болезни его, не

зарождалась мысль о сношении древнейшего собора, где короновались когда-то русские цари. Напротив, он распорядился реставрировать Успенский собор.

«Крест, сооружаемый Декеном и его товарищами не легче того, который соорудил Ленин с товарищами», – говорит архиепископ Иоанн. Далее оратор категорически опровергает утверждение социал-демократов о том, что будто бы Православная Церковь и ее глава требуют дворцы.

В заключение оратор задается вопросом: откуда эта бешеная вражда ко всему русскому и чего хотят достигнуть культивированием ее?

Русские граждане Латвии поводов для такой вражды не дают. Они сражались за Латвию. Они абсолютно лояльны к Латвии. Они даже отдавали голоса за ненавидящих их социал-демократов. Декларация социал-демократов вредна для репутации Латвийской республики.

«Эта преувеличенная вражда к бывшему русскому народу и самому народу, эта ярко антирелигиозная политика, которую социал-демократы стремятся навязать Латвийской республике, эти яркие факты гонения на веру, которые проведены уже в жизнь Латвии, могут породить в культурных странах мира яркое впечатление, что наша самая большая и самая влиятельная политическая партия находится в теснейшем родстве с тем мировоззрением, против которого ныне борется весь культурный мир. Эта опасность дискредитирования Латвии тем более велика, что наши социал-демократы во многих случаях, как мы видели, идут гораздо дальше, чем наши соседи с востока».

Затем оратор заявляет, что выразитель настроений социал-демократов с кафедры превзошел всех советских ярких противников религии (Ленина, Луначарского, Троцкого и др.). Никто из них не выступал против Церкви с фактами сочиненными, с цитатами и мыслями извращенными. Указав на речь Декена, который требовал «хирургического ножа», а когда-то он говорил: «я буду держаться Христа до конца своей жизни», оратор кончает речь следующим обращением:

«Сограждане! Мне кажется, настало время не только пред лицом своих сограждан, но и пред лицом всего культурного

мира заявить решительно и открыто, что большевицкие стремления наших социал-демократов не являются стремлениями Латвии. Если мы промедлим, если будем робки и нерешительны, мы скоро услышим из уст представителей культурных народов: господ, советская граница в Зилупе для вас излишня».

1926. No 166. С. 2.

Архиепископ Иоанн о социал-демократах

Специальная беседа «Слова»

В беседе с нашим сотрудником по поводу выступления арх. против нападок соц.-демократов в Сейме. архиепископ Иоанн сказал следующее:

– И в Учредительном Собрании, и в первом Сейме, и в Сейме втором мы многократно наблюдали ярко-враждебные выпады отдельных социал-демократов против Православной Церкви и в связи с этими выпадами злобные выпады против русских. Напомним здесь, например, те выпады, которые делались против Православной Церкви и русских в связи с вопросом об отобрании Алексеевской церкви, об отобрании архиерейского дома, о разрушении привокзальной часовни. Многие выпады господ Декенса, Дукурса, Скуенека, Штерна, Линдин и других – незабываемы.

Но социал-демократы фракции всегда норовили всем этого рода выпадам придать характер частных мнений отдельных лиц, за которые фракция в ее целом не ответственна. Мы отчетливо чувствовали в социал-демократах непримиримых врагов всего православного и всего русского, но официально фракции в их целом оставались как-то в стороне. С самого начала нынешнего Сейма в социал-демократических фракциях Сейма почувствовалось новое течение. Стал чувствоваться организованный поход социалистов и против Православной Церкви и против всего русского. Даже в тех случаях, когда националистически мыслящие латышские партии вели примирительную политику, в социал-демократах мы чувствовали непримиримых врагов. Они, по-видимому, радикально изменили свою тактику. Ныне они отдельных своих представителей, например, Бумейстера, выпускают на трибуну

в качестве друга русских, а общим фронтом идут против всего русского. Этот общий враждебный фронт сказался уже при организации сеймовских комиссий. Русские крестьянские массы были существенно заинтересованы иметь своего представителя в центральной землеустроительной комиссии и русская фракция, поддержанная другими меньшинственными фракциями, выдвинула в качестве своего представителя в эту комиссию избранника русских земских организаций Л.В. Шполянского[10]. Социал-демократы не сочли нужным поддержать эту кандидатуру. Она провалилась.

Аналогичная картина имела место при выборах в малую думу культурного фонда. В бюджетной комиссии, при обсуждении вопроса о русских ремесленных и земледельческих школах из уст видного представителя социал-демократической фракции пришлось услышать саркастическое заявление, что таковые школы надлежит основывать там, где преобладают русские количественно, то есть... в России... Если иногда социал-демократы и выступали здесь за русских, то по большей части не с целью оказать им действительную услугу, а с целью ущемить латышские националистические группы, или с целью произвести агитационную демонстрацию, на что, как известно, наши социалисты неподражаемые мастера. Однако надо думать, что последнее беспримерное и по злобе, и по бесцеремонности выражений, официальное выступление господина Декена раскроет глаза не только всем русским, но и всем православным латышам на истинное отношение социал-демократов и к Православной Церкви и к русским.

Мой ответ, данный в Сейме социал-демократам, конечно, не заключает в себе всего того, что надлежало сказать социал-демократам, а народу про социал-демократов. Ныне я лишь ответил на их декларацию по церковным делам и то еще не сполна; о многом мне пока пришлось умолчать отчасти потому, что я по своему сану не считал возможным и удобным касаться некоторых существенных язв нашей социал-демократии, а отчасти потому, что для настоящего раза я считал достаточным и то, что я сказал. Для полемизирования с социал-демократами по поводу их самых последних выпадов против меня и

Православной Церкви я пока не поднимался на трибуну, с одной стороны потому, что их представитель лишь повторил пока прежние свои выпады, уже достаточно мною разобранные, и приемы его были точным повторением прежних приемов. Трафаретному уверению господина Декена о лояльности социал-демократов по отношению к русским, конечно, ни один более или менее сознательный гражданин не может поверить, ибо мы уже достаточно наслышались из уст социал-демократов всевозможных поношений всего русского.

Мы слышали из уст социал-демократов, как они священнейшую из святынь русского народа и печатно и устно обзывали «сапогом русских самодержцев», мы слышали, как всю русскую культуру, всемирно признанную и чтимую, презрительно обзывали азиатчиной, мы слышали призывы стереть с лица земли не только все русское, но даже все отдаленно напоминающее что бы то ни было русское, мы видели, что в этой интернациональной ненависти ко всему русскому господа социал-демократы превзошли даже квалифицированнейших из интернационалистов Ленина и Троцкого. Когда наши социал-демократы говорят о своей любви и лояльности к русским, то, очевидно, они понимают каких-то особенных русских, в которых ничего специфически русского нет, в которых все специфически русское вытравлено. Где живут такие нерусские русские мы все отлично знаем и нимало не сомневаемся, что они любы и дороги нашим социал-демократам, для которых денационализация является одним из коренных принципов не только по отношению к русским, но и по отношению к латышам и ко всем народам. Их идеал, как и их гимн, называется «интернационал».

В этом отношении наших социал-демократов зоилы сравнивают с принадлежностью обуви Ленина, усвоившей все запахи Ленина, но эта обувная принадлежность сама по себе есть только пахучая обувная принадлежность, и пока в ней нет живой ноги, соответствующей по смелости поступи ноге Ленина, она есть и пребудет только обувною принадлежностью. Людей, хотя бы даже приблизительно подходящих к мерке Ленина, среди наших социал-демократов нет. Я лично эту притчу зоилов

считаю такую же злобною, как сравнение русской Церкви с сапогом самодержцев. Как известно, и Ленин, и его преемники всегда очень пренебрежительно относились и относятся к нашей социал-демократии и ценили, и ценят ее едва ли не ниже портянок. Они понимали и понимают, что надуться запахами Ленина недостаточно для того, чтобы сравняться с Лениным.

1926. No 167. С. 2.

Политика громления.

Несмотря на то, что вся культурная часть человечества безусловно осуждает громил и громление как явления аморальные, неразумные, грубые, чуждые элементарнейшего сознания права и благопристойности, громилы и громления не переводятся. Даже в самых культурных правовых государствах время от времени лица, именуемые хулиганами и громилами, дают знать о себе актами громления. Подлинно культурные правовые государства ведут против явлений громления и хулиганства энергичную беспощадную борьбу. Те государственные аппараты, которые или не борются с актами громления и хулиганства или, что еще хуже, сами косвенно или прямо причастны к актам громления, международным сознанием квалифицируются как аппараты безнадёжные, отпетые, международно-опасные, подлежащие, международному надзору и опеке. История знает примеры, когда международное культурное сознание побуждало культурные правовые государства учинять сообща опеку и надзор даже над старыми и великими народами и государствами, дававшими простор громилам, громлению или делавшими из громлений своего рода политическую систему. Культурное международное сознание квалифицирует очаги громления или как результат политического недоразвития, или как продукт одряхления и вырождения, и в том и другом случае эти позорные очаги считаются подлежащими строгой изоляции и бдительному надзору. Вот почему мы всегда с глубочайшей тревогою воспринимаем вести о случаях громления на дорогой нам территории молодой Латвии; мы серьезнейшим образом боимся за международную репутацию молодой Латвии, мы в позорных громлениях усматриваем основание для опасения за

почетную судьбу ее. Только слепой не видит, что акты громления на территории Латвии стали принимать нежелательные размеры, имеют тенденцию стать периодическими и систематическими. Как только парламент Латвии разъезжается на каникулы, повременные издания начинают пестреть вестями об актах громления.

Излюбленными объектами громления у нас пока являются еврейство и Православная Церковь. С евреями пока дело ограничивается сепаратными избиениями отдельных лиц еврейской наружности на улицах, бульварах, Бастионной горке и битием еврейских стекол. Это громление пока носит характер более или менее частного предприятия. Открытых призывов к громлению евреев пока мы не слышим. Почти вся пресса осуждает это явление как нетерпимое дикое хулиганство. Законы республики осуждают эти акты и грозят за них карой. Хотя большинство виновных доселе ускользают от руки правосудия, остаются необнаруженными «неизвестными молодыми людьми», все-таки здесь возможно смутное упование, что под давлением общественности это осуждаемое общественностью безобразие, если не прекратится, то сократится. Совершенно иначе обстоит дело с громлением Православной Церкви в Латвии. Это печальнейшее явление, систематически ударяющее по самым священным интересам десяти процентов всего населения Латвии, становится все более и более похоже на политическую систему громления, на признанный параграф политической программы, на предмет открытого провозглашения и с самых высоких трибун и в печати. Открыто и с парламентской трибуны, и в печати провозглашенные нашей социал-демократией хирургический нож и диктаторская метла, как орудия борьбы с Церковью, по отношению к Православной Церкви уже применяются во всей суровости. Для примера приведем здесь из множества, хотя бы некоторые факты. Без всяких поводов со стороны православных и Православной Церкви разгромлены принадлежавшие Церкви духовно-учебные заведения. Здания реквизированы; библиотеки, учебные пособия, все их специфическое приспособление для духовно-воспитательных целей и храмы их

ликвидированы. И все это несмотря на то, что ни практика, ни законы Латвии не исключают существования специальных духовно-учебных заведений, что таковые учебные заведения у других конфессий Латвии существуют не без поддержки государства. Удар нанесен только православному исповеданию, только у него отнята возможность готовить для себя просвещенных пастырей и пастырство его лишено притока свежих сил на место выбывающих. Без всяких поводов со стороны православных у них отняты ими воздвигнутые и им принадлежавшие чтимейшие храмы, например, в городе Риге Алексеевский и Петропавловский бывший собор и усыпальница православных архиереев), их внутреннее священное устройство разгромлено, а самые здания переданы инославным. Ряд храмов по разгрому их внутреннего священного устройства приспособлен для целей, ничего общего не имеющих с религией. Принадлежавшая Православной Церкви, на ее средства оборудованная резиденция православных архипастырей накануне въезда в Латвию православного архипастыря по разгрому ее специфического внутреннего устройства передана инославным. Единственный в Латвии православный монастырь отнят и передан инославным, православные иноки обречены на бесприютность. Ряд православных храмов сметен с лица земли без всякого повода к тому со стороны православных.

В прошлые парламентские каникулы, невзирая на протесты православных, в самом центре столицы Латвии взрывами динамита сметена с лица земли православная предвокзальная часовня, которую чтили не только православные. Десакрированное место ее сначала служило местом стоянки извозчиков и такси, а ныне на привокзальной площади возведена деревянная балаганного типа постройка, красноречиво говорящая православному сознанию, что не потому снесена с площади часовня, что будто бы она стесняла привокзальное движение. Все эти и подобные факты ясно говорят православному сознанию, что против нас ведется систематический поход, для которого мы не дали ни в прошлом, ни в настоящем никаких поводов, что какие-то силы хотят нас

известии в Латвии приемами, весьма напоминающими гонение и громление. Наши попытки обрести защиту наших священных прав в подлежащих учреждениях Латвии безуспешны. Хотя мы официально не объявлены вне закона, фактически ничто нас не защищает от экспериментов, подобных перечисленным. Мы начинаем приходить к сознанию, что мы своего рода обреченные на разгромление, что защиты для нас нет. Ряд статей в влиятельных повременных изданиях, ряд речей с высоких трибун нарочито укрепляют в нас это сознание. После ряда пережитых нами разгромов мы с глубочайшей горечью слышали призывы к новым разгромам, причем призывавших никто не останавливал. Первый год нынешнего парламента как будто давал основание надеяться, что наши гонители смягчились. Пока работал нынешний парламент, мы не подвергались новым разгромам. Правда, в конце парламентского года из рядов нашей социал-демократии раздались и с парламентской трибуны и в печати новые яростные призывы к произведению хирургических операций в области Церкви и к сметению с лица земли главной центральной святыни православной, но парламентское большинство было, по-видимому, не на стороне этих призывов.

Наступившие парламентские каникулы поспешили разбить это наше доброе упование. Одновременно с очередными каникулярными вестями о громлении евреев в разных местах, о битии еврейских стекол, мы получили недобрую весть о суровейшем разгромлении православной приходской общины в Страупе. Православный страупинский храм вместе с причтовыми помещениями, погостною землею передается какому-то новохозяину. Нам ведомо, что согласно законам Латвийской республики инославные приходские общины, ранее совершенно не владевшие землей, получают из государственной фондовой земли наделы мерою до 12 гектаров. В согласии с этим порядком страупинская приходская община имела право на прирез из фондовой земли участка гектаров в десять. Но ей не только не прирезали, но и те 6 пурных мест, которые ею в свое время были куплены у тогдашнего собственника барона Мейендорфа за 600 рублей

золотом и в 1870 году 12 мая зафиксированы на установленном плане венденским присяжным землемером, у нее отняты, несмотря на то, что в течение более пяти земских давностей церковь бесспорно владела этими 6 пурными местами земли. Нам ведомо, что для инославных религиозных общин возводились и возводятся и храмы и другие постройки за счет сумм, ассигнованных государством, но у страупинской приходской общины отняты храм и причтовые помещения, построенные в 1870 году на 9329 руб. церковных денег и состоявшие в течение более 5 земских давностей в бесспорном владении Православной Церкви. Все это оставлено без внимания. Священнейшие духовные интересы целой православной приходской общины и, как нам кажется, бесспорные права ее, принесены в жертву материальным интересам частного лица.

Сейчас пред нами красноречивые последствия описанного страупинского дела. Крайне бедные страупинские прихожане не имеют средств для приобретения нового участка земли и возведения на нем новых построек для храма и причтовых помещений. Отныне страупинской приходской общине негде собираться для молитвы и назидания словом Божиим, негде крестить своих новорожденных, негде венчать браки, негде отпевать умерших, страупинскому пастырю негде жить. Страупинская православная приходская община обречена на религиозный голод и медленное страдальческое религиозно-духовное умирание.

Так как соответствующая высшая государственная инстанция по страупинскому делу уже высказала свое мнение, так сказать, скрепила это дело своим штемпелем, то не остается уже никаких надежд на перерешение этого многознаменательного дела. Хирургическая операция, рекомендованная с парламентской трибуны нашею социал-демократией над страупинскою православною приходскою общиною внешне вполне удалась. В тех политических кругах, которые ставят своею целью постепенный, но полный разгром православия в Латвии, эта операция разгрома православной приходской общины будет встречена с обычным злорадным

ликованием, с каким встречали они и прежде бывшие разгромы православных организаций и учреждений. Как при случаях громлений евреев, так и в данном случае, и во всех других подобных случаях, громящие нас – православных силы пребудут в тени неизвестности.

Но самый факт нещадного и незаконного громления нас налицо и очевиден для всех не слепых. Если безнаказанные погромы и разгромы влияют на международную репутацию и судьбу великих и старых народов и государств, то тем более для молодой и небольшой Латвии для ее репутации и судеб этого порядка факт не безразличный. Я – латыш по рождению и верный сын суверенной Латвии – без ужаса не могу и подумать о том, какую международную репутацию и будущность готовят своей стране и своему народу те политики, которые более 15 процентов (православных и евреев) населения Латвии обрекают на существование под знаком периодического и систематического громления. Горькую, незабываемую горечь сеют они не только в сердцах более 15 процентов своих сограждан, но и во многих и многих миллионах сердец их единоверцев. Ни один подлинно культурный человек, ни один подлинно культурный народ не может одобрить политику громления. Громимых удары громления сплачивают и закаляют. Что в среду громящих приемы громления вносят губительное моральное разложение, свидетелями этого мы были минувшею весною, когда «свои» стали громить «своих же». Будущее и, может быть, недалекое будущее еще и еще покажет всю полноту и внутри и во вне порождаемого политикою потаканья громилам и громлению.

Пока еще не поздно здравомыслящая часть латвийских политиков и вершителей судеб Латвии должна бы предпринять решительные шаги к предотвращению разлагающих и позорящих актов громления, ибо где позволяют безнаказанно сеять ветер, там могут дожить до печальной необходимости пожинать бурю.

1926. No 193. С. 2.

Лжемитрополит в Латгалии и громление православия

Мы уже писали об ужасах громления сужденных Православной Церкви в Латвии, мы дали длинный ряд фактов громления. Сегодня опять обстоятельства вынуждают нас вернуться к этой печальной теме. Громление продолжается. Мы, православные, не успели еще опомниться после знаменательного разгрома страупинского православного латышского прихода, где наперекор закону и практике республики, приходской храм, погостная земля и причтовые помещения, полностью оплаченные в свое время церковными деньгами и состоявшие в бесспорном владении прихода более пятидесяти лет, были присуждены во владение частному лицу, и целой приходской общине негде стало молиться, слушать слово Божие, крестить своих новорожденных, венчать браки, отпевать умерших, целая приходская община была обречена на религиозный голод и медленное страдальческое умирание. Когда Латвийский Сенат санкционировал это присуждение, нам казалось, что над страупинским приходом произнесен смертный приговор в окончательной и неизменной форме.

Некоторые легковверные люди утешали православных. Говорили: дело еще поправимо. Ищите судом восстановления прав страупинского прихода. Если суд признает права страупинского прихода на владение священным его достоянием, тогда уже никакая сила не отнимет его у прихода.

Многим такое утешение казалось основательным. Многим уже мерещился спасительный судебный приговор, гарантирующий неприкосновенность священного достояния прихода. Забывалось то, что ни у страупинского прихода, ни у центральной церковной власти нет средств на дорогостоящее ведение судебного процесса, что надежда на успешный исход процесса сильно подрывается дважды повторенным по сему делу решением Сената. Оптимисты твердили: в Латвии есть еще суд, и нет силы против законного судебного приговора. Сегодня мы получили официальное извещение от настоятеля православного латышского прихода, коренным образом разрушающее эту веру оптимистов. Еще несколько лет тому назад появились претенденты на священное достояние Липновского прихода. Возник судебный процесс. Латгальский

окружной суд 4 февраля 1924 года решил дело в пользу Липновского прихода. Судебный приговор вошел в законную силу. 4 мая 1924 года, во исполнение судебного приговора, Липновский приход вновь вступил во владение своею собственностью и стал владеть и распоряжаться ею, как своею собственностью, славя Суд и веруя в силу судебного приговора. Но вот в сем 1926 году Латвийские землеустроительные учреждения, не взирая на судебный приговор, не взирая на статью 893 законов ? гражданских ? процессов ?, присудили эту же собственность Липновского прихода тем же претендентам, претензии которых отверг Латгальский окружной суд, приговором от 4 февраля 1924 года Торжествующий претендент на церковное достояние уже предъявил требование о сдаче ему присужденного землеустроительными учреждениями имущества. Липновские прихожане в отчаянии. Липновскому ли приходу, одному из беднейших во всей Латгалии, и ныне ставшему еще бедней, затевать дорогостоящую тяжбу с богатым претендентом на священное достояние прихода и властными административными землеустроительными учреждениями. После кошмарного для православного сознания страупинского дела липновцам ли рассчитывать на выигрыш дела в Сенате? Липновское же дело способно повергнуть в полное отчаяние страупинцев: что толку, если суд и вынесет приговор о возвращении страупинцам их священного достояния, когда какое-нибудь властное административное учреждение может так же, как и в Липне, и не считаться с судебным приговором?

Эти два дела, взаимно восполняя друг друга, буквально терроризируют сознание православн., убивают в них остатки энергии к самозащите. Они повергают нас в полное отчаяние; создают у нас настроение и убеждение, что православным организациям фактически не дано возможности отстоять свои элементарнейшие и священнейшие права на владение своим храмом, своим церковным погостом и церковными постройками.

Если доселе почти все силы громления били по преимуществу православных русских, два последних разгрома касаются чисто латышских православных приходов.

Ожесточение борьбы с православием, очевидно, вошло в новую фазу, когда пощады решено не давать никому. Невольно вспоминается крылатое слово ныне уже покойного политического деятеля[11], который мечтал о всеобъемлющем противоправославном фронте, истребляющем на своем пути все православное: и священные храмы, и организации, и учреждения – все, что отдаленно напоминает православие.

Этот деятель откровенно мечтал привлечь к работе на этом фронте всех и все в Латвии и в течение недолгого срока смести с лица нашей земли православие с такою же решительностью, как сметена была с предвокзальной площади чтимая православная часовня. Этих своих мечтаний почивший не скрывал даже от главы Православной Церкви, явившегося к нему с протестом против насилия и по др. делам. Внезапная трагическая, вызвавшая в народе чисто мистические толкования, смерть этого деятеля прервала паутину его мечтаний. Некоторое время казалось, что мечтания его о сокрушительном всеобъемлющем противоправославном фронте умерли вместе с ним. Мы вздохнули свободней. Однако парламентские речи, статьи периодических изданий и события последних месяцев заставляют нас думать, что нашлись у почившего идейные наследники, вновь налаживающие всесокрушающий и всеобъемлющий противоправославный фронт. Вновь стали раздаваться дикие призывы к сношению наших святынь, к «хирургическому» истреблению церковных организаций, вновь открыто стали говорить о «выщипывании» православных бород, вновь начались разгромы православных церковных организаций и их имущества. Словом, мы, православные, вновь почувствовали, что пресловутый всесокрушающий всех и всеобъемлющий противоправославный фронт действует опять. Нас опять силятся сокрушить не только ударами совне, но и внесением дезорганизации и разложения в нашу среду. Мы с парламентской трибуны отметили факт упорного и противозаконного поддерживания во главе православной приходской организации лица, вредного православию, отвергнутого и приходом, и центральной

церковною властью. На этих днях огласился факт еще более разительный.

Всем известно, с какою поразительною суровостью относятся у нас к так называемым эмигрантам. Даже люди с мировыми литературными, научными и артистическими именами для того, чтобы проникнуть в Латвию, должны выполнить массу формальностей и внести залог в обеспечение своевременного выезда. Но вот, неведомо какими путями, вне формальностей, без залога, проник в Латвию эмигрант с неведомым, но, говорят, очень сомнительным прошлым и даже настоящим. При наличии у нас сурового антиправославного фронта этот эмигрант, не имеющий никакого духовного сана и заявивший себя рядом поступков, безусловно, нетерпимых в Православной Церкви, вдруг самозвано и самочинно начинает именовать себя «митрополитом Агафангелом». В Риге, где подлинного митрополита Агафангела, ныне занимающего среди русской иерархии первое после патриарха место, прекрасно знают, самозванный «митрополит Агафангел», конечно, не мог пойти в оборот. Он направился, полагаем, не случайно в Латгалию, где митрополита Агафангела знают лишь понаслышке. На днях его видели в Двинске и в окрестностях Двинска. Он не только именуется себя «митрополитом Агафангелом», но предъявляет уже и документы с именем митрополита Агафангела. Уже прислано из Латгалии несколько запросов. Недоумевающие православные спрашивают: действительно ли это митрополит Агафангел? И если это подлинный митрополит Агафангел, для какой цели он прибыл в Латвию? Почему путешествие свое по Латгалии совершает в образе грязного оборванного бродяги? Действительно ли он принял на себя подвиг юродства, и как относиться к его странным политическим и церковным вещаниям? Если же это не подлинный, а самозванный митрополит Агафангел, то допустимо ли, чтобы он профанировал своим самозванством и поведением и речами, высокочтимый в среде православных сан митрополита и достопочитаемое имя высокого святителя, оставившего по себе наилучшую память в Латвии.[12] Ссылаясь на весьма хитроумно скомбинированный комплект документов

местного происхождения, самозванец дискредитирует православие и православных, делая их посмешищем среди иноверных, так сказать, не без ведома выдавших ему документы. В пределах одной соседней страны этого рода прием антирелигиозной пропаганды явление обычное. Но в нашем антиправославном фронте до такого приема унизились, кажется, впервые.

Что мы можем ответить запрашивающим?

Что сказать огорченным, оскорбленным, униженным, обиженным православным? При нынешних обстоятельствах на деятелей и действия пресловутого противоправославного фронта управы нет. Единственное, что нам остается – немолчно и, возможно, громко вопить о творимых нам неправдах в надежде широкою гласностью воздействовать на общественную совесть. Мы наперед знаем, что наши отчаянные вопли по всему противоправославному фронту вызовут лишь злорадный хохот, и мы из рядов этого фронта услышим новые и новые призывы: «истощайте, истощайте их до основания» (Пс. 136, 7). Но, тем не менее, пред лицом всего культурного мира, пред лицом суда истории и суда Божия мы должны смело и открыто исповедовать, что с неправдою мы никогда не мирились, не миримся и никогда не будем мириться. Мы алчем и жаждем правды! Мы протестуем против чинимых нам неправд.

1926. No 208. С. 1.

Анонимные душители

Мы уже не раз и говорили, и писали о том, что факты текущей жизни заставляют предполагать существование широкого всеобъемлющего противоправославного фронта, имеющего целью удушение православия. Сегодня об этом же заставляет нас говорить печальная судьба православных духовно-учебных заведений.

Тяжела и мрачна та пора, когда возникли местные православные духовно-учебные заведения. Всесильные тогда рабовладельцы трактовали латышей как «белых негров», «рабочий инвентарь», «быдло» (рабочий скот). Имели место случаи обмена латышской усадьбы, со всем, что в ней, на пару

борзых. Такой печальный факт запечатлен в названии одной старой крестьянской усадьбы.

Латыш не имел права голоса не только в вопросах общественной, экономической и духовной жизни, но даже в семье: рабовладелец властно определял на ком парню жениться, за кого девице выходить замуж. Он же определял род занятий латыша. В такую-то мрачную пору Православная Церковь стала будить и человеческое и национальное самосознание латышей, дала возможность обращающимся в православие латышам организоваться в чисто латышские православные приходские общины, независимые от воли рабовладельцев. Православная Церковь впервые провозгласила для латышей принцип, что священники и учителя для латышей должны быть латыши. Для подготовки латышей-священников и латышей-учителей Православная Церковь основала в Риге православные духовно-учебные заведения, привлекла русскую казну и богатую русскую интеллигенцию к субсидированию этих учебных заведений стипендиями и дала возможность детям нищих, угнетенных рабов не только становиться учителями и священниками своего народа, но открыла им доступ в академии, университеты и др. высшие учебные заведения.

Многие бывшие питомцы духовно-учебных заведений, пройдя высшие школы, возвращались в лоно родного народа в качестве адвокатов, докторов, инженеров, художников, писателей, влиятельных чиновников и служили раскрепощению и просвещению своего народа. Ни одно среднее учебное заведение порознь не дало латышам столько интеллигентных сил, сколько дали их рижские духовно-учебные заведения. Несмотря на все это какие-то анонимные силы *предприняли все меры, чтобы этих духовно-учебных заведений в суверенной Латвии не было.* Учебный персонал и учащиеся этих, как и других местных учебных заведений, во время мировой войны были эвакуированы вглубь России. Резвакуированы, кажется, все, кроме православных духовно-учебных заведений. На произвол судьбы брошены были и учащие, и учащиеся. Когда люди в частном порядке искали возврата в Латвию, им

преграждали путь. Живые силы сих учебных заведений таким образом были «ликвидированы». Чтобы углубить ликвидацию, здания наших духовно-учебных заведений без согласия собственника поспешили обратить для иного назначения, предварительно разгромив все их специфическое устройство, приспособленное для духовно-учебных и воспитательных целей. Когда православные стали просить о необходимости восстановления сих учебных заведений, ответом было и остается гробовое молчание.

В то же время в Латвии, при широкой официальной поддержке, открываются духовно-учебные заведения для конфессий, которые здесь ранее таковых не имели. Все это, особенно в связи с многочисленными актами громления православия, наводит на весьма печальные размышления. Процесс грабителя Каупена, этого представителя юриспруденции большой дороги и темной ночи, рассуждающего: «кто удушил, тот и владеет имуществом удушенного», как будто говорит общественному сознанию, что законы Латвии на точке зрения Каупена не стоят.

И мы искренне хотим верить, что не с тою целью удушены православные духовно-учебные заведения, чтобы имущества их перешли к удушителю, ибо хотя ценность этих имуществ неимоверно велика, никакая дорожающая своею репутациею общественная сила не может стать на такой путь. Мы склонны думать, что в судьбе наших духовно-учебных заведений играет роль все тот же пресловутый противоправославный фронт.

Этот слепотствующий анонимный фронт твердо стоит на правиле, что все направленное против православия и законно, и политически мудро. Если срытие с лица земли ряда православных храмов, приспособление ряда храмов для мирских надобностей, произвольная передача ряда православных храмов инославным, удушение целых приходов, удушение православных монастырей, отнятие резиденции православных архиереев накануне въезда архиерея в Латвию и тому подобные акты *рыцарям этого фронта казались и кажутся и законными, и демократическими, и политически разумными, то акт удушения православных духовно-учебных*

заведений им, конечно, должен казаться актом высшей политической дальновидности и мудрости.

С этим актом на этом пресловутом фронте могут связываться самые радушные их надежды. В самом деле. С удушением православных духовно-учебных заведений Православной Церкви неоткуда черпать кандидатов священства.

Уже в настоящее время 30 проц. православных приходов вдовствуют. С каждым годом, число вдовствующих приходов увеличивается. Фантазии ярого душителя православия может уже предноситься такое вожделенное время, когда православные приходы останутся совершенно без пастырей, без просвещенного пастырского руководства приходы придут в полное расстройство, и тогда рыцари протвоправославного фронта объявят их несуществующими и властною рукою станут распределять достояние Православной Церкви. Что понравится, возьмут себе, что ублагорассудится, передадут протезируемым конфессиям и присным своим.

А прихожане? По поражении пастырей рассеются овцы. Эти мечты рыцарей противоправославного фронта не новы, не оригинальны и не так мудры, как кажутся им самим.

Этот метод был известен и Нерону, и Диоклетиану, и Калигуле, и Юлиану Отступному, и туркам и Ленину с его присными.

Все они мечтали создать в Церкви оскудение пастырства в надежде, что с оскудением пастырства рассеются пасомые, оскудеет Церковь.

Или то, что не удалось носителям неимоверной власти и силы, удастся нашим рыцарям противоправославного фронта? Или то, что не удалось великим мира сего даже на заре христианства, удастся нашим врагам православия ныне, когда Православная Церковь успела покорить сотни миллионов душ и прочно утвердиться во всех концах вселенной? Наши местные гонители, очевидно, забыли, что та горсточка православных, которой приходится подвергаться здесь в Латвии жесточайшим издевательским ударам, не одинока в этом мире, что она

составляет органическую часть Вселенской Православной Церкви.

Каждый издевательский удар, наносимый нам, ощущается и болезненно переживается не только нами, но и нашими братьями по вере всея Латвии. То правда, что Православие ныне терпит утеснение и громление не только в Латвии, что стоны православных в Латвии в текущий момент проходят без внимания совне, среди еще горших стонов в других странах. Но и каждая нам нанесенная рана, и каждый наш стон запечатлевается на страницах истории. И рано или поздно дорогой Латвии и дорогому латвийскому народу придется тяжело отвечать за безумства рыцарей противоправославного фронта.

Но и в настоящее время эти безумства для Латвии только вредны. Они не сплывают, а дезорганизуют и деморализуют живые силы государства. Рыцари громления, если бы они громили только нас, православных, обеспечили бы Латвии 10 процентов недовольных. Но есть излюбленные жертвы громления кроме нас. Мы полагаем, что, например, и евреи не склонны благословлять громящих. Не следует упускать из виду и того, что громящие нас, кроме конфессиональной розни, усиленно культивируют еще рознь национальную и классовую. Как верить и исповедовать, что Латвия страна демократическая, государство правовое, когда в ней целые конфессии, целые нации, целые классы сознают себя в положении систематического утеснения и громления? Не надо забывать и того, что имя Латвии в международной семье имя новое.

Ее репутация еще лишь слагается. Какова же будет сумма, если международному сознанию изо дня в день в качестве слагаемых будут преподносить в цифрах процент недовольных текущею политикою страны.

Ведь не одни социалисты имеют основания для оппозиционности... Политикою конфессионального и национального громления уже достигнуто то, что глубоковерующие массы, ничего общего не имеющие ни с социализмом, ни с интернационалом, отдают на выборах свои голоса крайним левым только потому, что по прошлой политике правящие нелевые группы запятнали себя системою громления.

Кого из международной влиятельной семьи наши рыцари громления думают расположить к *Латвии* политикою громления? Эта политика роднит Латвию только с теми, родства с коими все сторонятся.

В области громления православия родство достигло уже таких степеней, что соседскую руку наши рыцари громления уже с полным правом могут называть братскою и мы, видевшие жизнь православия и там, и здесь, уже поставлены пред вопросом: где хуже? Мы долго терпели молча, надеясь, что психоз бессмысленного, ни на чем не основанного громления пройдет сам собой, что здравый смысл одержит победу над безумием.

Мы всемерно щадили и внутренний мир, и внешнюю репутацию молодой страны. Однако есть предел и кротости, и терпению. Мы доведены до предела. При всей любви к родине мы вынуждены констатировать, что судьбы ее находятся в руках, которые нас держат в постоянной тревоге, близкой к отчаянию. Если у юной, войною расслабленной страны не хватит силы воли, здравого смысла и моральной силы, чтобы положить предел произволу громил, она вынуждена будет дожить до давления совне. Не только громимые национальные меньшинства, не только угнетаемый рабочий класс, *но и мы, православные, как члены вселенской организации, имеем право на международную защиту*, и мы будем вынуждены искать ее, если тут в Латвии, вместо защиты, мы будем встречать только издевательства и все новые и новые формы угнетения, насилия и громления.

1926. No 231. С. 1

Заговорили... Ответ г. начальнику Управления духовных дел Латвии

Когда мы познакомились с вызванною нашими статьями беседою господина начальника управления духовных дел, мы сразу решили, что не все в этой беседе может принадлежать почтеннейшему пастору Мюленбаху.

Наше предположение подтвердилось.

Однако и с тем, что господин Мюленбах оставил за собой, согласиться решительно невозможно. Ни наш кафедральный

собор, ни наши духовно-учебные заведения в России не считались и не были государственною собственностью, следовательно, и механический перевод их, якобы на основании мирного договора, в государственную собственность Латвийской республики сделан неправильно и произвольно. То правда, что Российское государство и средствами своей казны, и своими живыми силами принимало самое живое участие в храмоздании. Это участие было делом узаконенным. В Привисленском и Западном крае до 1890 года министерство внутренних дел по обязанности занималось и храмозданием.

При неимоверно громадном количестве храмов на Руси почти нет храмов православных, созданных без участия правительства и казны. Храмоздательство российским правительством и казной рассматривалось как узаконенный долг. Христианское государство несло громадные жертвы в пользу христианской церкви, но раз принесенного в жертву церкви оно уже не считало своим. Возведя на свои средства и своими силами храмы, оно сдавало их в полную и нераздельную собственность Церкви. Так было и с рижским кафедральным собором. Русское правительство своими живыми силами и частью средствами, почерпнутыми из специального фонда, пожертвованного государством на возведение и ремонт храмов в Прибалтийском крае, частью на частные пожертвования построило здание рижского кафедрального собора и 24 апреля 1884 г. в указанном порядке сдало его в полную и нераздельную собственность Церкви.

Приняв собор, Церковь в дальнейшем владеет и распоряжается собором как своею собственностью: обозначает его в официальных документах своею собственностью, содержит его на свой счет, назначает к нему клириков и прочих служащих, организует при нем приход, ведает в нем всем. Все это может быть установлено не только документально, но отчасти и через живых свидетелей, которые знают всю историю собора как живые участники и очевидцы. Данные о соборе зафиксированы и на страницах печати.

Само собою понятно, с каким смущением и возмущением воспринимаются православными всякие кривотолки

относительно собора. И Латвийское государство жертвует суммы на построение и ремонт храмов, и это не считается основанием для зачисления храмов в государственную собственность. Не объявляются собственностью храмоздателей многочисленные другие храмы, построенные государством, организациями и частными лицами. Только кафедральный собор, наперекор ясно выраженной воле храмоздателя, наперекор данным истории и права и всем прочим данным во что бы то ни стало хотят сделать исключением из общего порядка. Напрасный труд. Невежественными грубыми искажениями истории и ясных правовых норм никого не обмануть. На почве подлинной истории и права собор не может быть исторгнут из рук его законного и несомненного и единственного владельца – Православной Церкви.

Ненавистникам и гонителям православия в деле кафедрального собора своих грубых, насильнических поползновений искажениями истории и правовых норм не прикрыть. Свои позорные и гибельные вождедения они могут провести в жизнь только путем голого, грубого насилия. Этот путь до добра не доведет.

Православные духовно-учебные заведения на Руси все без исключения были всецелым достоянием Православной Церкви. Формально это подтверждается их уставом, а фактически их историей и всем строем их духовной и хозяйственной жизни. На возведение их зданий, оборудование их, на содержание учебного персонала и учащихся Российская государственная казна отпускала пособия. Эти пособия предусмотрены уставом сих заведений. Но ни с формальной, ни с фактической стороны эти пособия казны не препятствовали Православной Церкви быть единою и несомненною владелицей и распорядительницей оных заведений. Она своею властью комплектовала и педагогический персонал, и учащихся сих заведений, она создавала учебно-воспитательные планы для них, она же всецело ведала и все стороны хозяйственной жизни их. Она же сама ревизовала и контролировала все стороны жизни их. Если какое-нибудь из духовно-учебных заведений по каким-нибудь обстоятельствам прекращало свое существование, все

оставшееся по нем имущество оставалось во владении и распоряжении Церкви. Российское государство, хотя крупно субсидировало эти учебные заведения, никогда не считало себя ни владельцем, ни совладельцем сих заведений, никогда не претендовало на это безраздельное достояние Церкви. Законы государства Российского исключают всякую возможность такого претендования. Несмотря на все сие наши «юристы» умудрились «разъяснить», что духовно-учебные заведения на Руси и, в частности, рижские духовно-учебные заведения были собственностью государства Российского и на основании мирного договора должны механически перейти в собственность государства Латвийского, а наша администрация поспешила «перенять» здания наших духовно-учебных заведений и приспособить их для иного назначения, невзирая на протесты законного владельца – Церкви.

Мы не беремся определить, что в этом вопиюще незакономерном акте сыграло решающую роль – *желание ли умножить средства государства за счет беззащитной и бесправной в Латвии Православной Церкви или желание лишить церковь возможности воспитывать для себя пастырей и удушить ее беспастырством или и то и другое желание вместе, или преследовались здесь еще какие-нибудь нам неведомые цели, но факт, что наши жалобы и протесты не удостоены даже официального ответа.*

Верна ли догадка, что молчанием имеется в виду нарощение земской давности, чтобы на ней опереть право владения нашею собственностью, не беремся судить. Из уст господина Мюленбаха общество узнало, что правительство не располагает тем уставом духовно-учебных заведений, на котором Церковь базирует свои права, и потому не может проверить степени основательности претензий Церкви. Странно. В книгохранилищах семинарий и училища, отнятых у нас вместе с зданиями, *уставы были в достаточном количестве... Но если даже все экземпляры устава, бывшие там, пропали, почему бы не воспользоваться, хотя бы уставом, имеющимся у нас?*

Под рукой, неофициально нам приходилось слышать, что наши здания не возвращаются нам, потому что у нас не функционируют духовно- учебные заведения. Но ведь не функционируют они только потому, что реэвакуация их тормозится не по нашей вине, а на поданные нами просьбы о разрешении сконструировать эти учебные заведения из наличных сил нами не только не получено просимое разрешение, но и никакого ответа нам не дано. Не с тою ли целью, чтобы и впредь была возможность говорить: «мы бы отдали вам здания, но у вас не функционируют соответствующие учебные заведения». Нам кажется, что такие и подобные обстоятельства в корне подрывают престиж заправил наших государственных судеб.

Господин начальник управления духовных дел говорит как о какой-то особой и чрезвычайной милости к нам, что у нас еще не отняты женский монастырь и дом № 3 на улице Меркеля. Для полноты картины и впечатления ему следовало перечислить и то многое, что у нас отнято. Но господин начальник этого не сделал, ибо тогда повесть его могла бы напомнить рассказ старой лисицы о добром волке, который из жалости к своим жертвам не доедал их, а всегда оставлял недоеденными «хвост да гриву».

Этого рода великие милости вполне определяют характер тех надежд, какие мы, православные, вправе возлагать на возвещенные господином начальником грядущие «совещания».

Дела самого последнего времени Страупинское и Липновское, о которых мы уже писали, и дела об отчуждении ряда погостных зданий, о которых дадим статью в ближайшие дни, отнимают у нас всякую надежду на возможность улучшения нашего горестного положения при господстве нынешней политической «верхушки».

Едва ли грядущие «совещания» ослабят и те настроения, которые созданы систематическим длительным громлением Православной Церкви. Юридически «оформить» старые разгромы невозможно. Не скрыть юридическою паутиною от взоров общества и отвратительной картины текущих разгромов.

Разве наметить план и юридически подготовить почву для новых опытов?!

Что-то затевается. Прошое и настоящее лишает нас возможности надеяться на благожелательное отношение к нам. Мы ждем «совещаний» с нескрываемою тревогою.

1926. No 245. С. 2

Отповедь

Мои статьи об исключительно тяжелом положении Православной Церкви в Латвии побудили какого-то анонимного автора тиснуть в газете «Латвияс Саргс» передовицу озаглавленную: «Действительно ли Православие в Латвии под угрозой?». Аноним именует себя православным, но содержание его передовицы заставляет усумниться в православии автора. «Православный» аноним, например, пишет, что православных в Латвии всего лишь 100 000 или 1/18 всего населения.

Совершенно официальные данные последней народной переписи говорят, что в начале февраля 1925 года православных в Латвии было 167 538. К этой цифре надо еще прибавить значительное число православных, прибывших в Латвию после февраля 1925 года. По статистике анонима в Латвии существует Старопебалгский приход, «имеющий свой храм и 12 гектаров земли и только пять душ прихожан, включая сюда и священника». По данным народной переписи 1925 года в одной только Старопебалгской волости значится 148 православных. Но Старопебалгский приход обслуживает не только соименную ему волость.

Уже это тенденциозно произвольное искажение данных статистики заставляет усумниться в православии автора и предположить, что передовица его имеет целью не раскрытие подлинной правды о православии, а какие-то иные цели. Дальнейшие сообщения анонима весьма напоминают его статистику. Например, он с апломбом утверждает, что Православная Церковь в Латвии владеет «столь обширными и богатыми недвижимостями, как ни одна конфессия в Латвии».

На самом деле те скудные остатки недвижимостей, которые пока еще окончательно не отняты у Православной Церкви в Латвии, в десятки раз меньше и по пространству, и по

материальной ценности, чем недвижимости некоторых других конфессий. Мы все знаем в Латвии инославные конфессиональные учреждения и организации, коим оставлены с богатейшими постройками и садами дорогие земельные угодья, во много раз превышающие обычные у нас земельные нормы; коим присуждены в дар на вечные времена чужие храмы, дома, монастыри, с материальной ценностью неимоверно великой. Православные учреждения и организации таких щедрых даров не сподоблены, привилегировано-оставленных земельных угодий у нас нет. Напротив, мы знаем храмы монастыри и дома, которыми Православная Церковь владела на законном основании как своею несомненною и безраздельною собственностью десятки и сотни лет, а ныне эти недвижимости одни отчуждены уже, об отчуждении других ведутся дела и те немногие, которыми мы пока еще владеем, ничем не застрахованы от такой участи, какая постигла наши недвижимости в Страупе, Кокенгофе, Липне, Эрлаа и *многое другое местах в самое последнее время.*

Оказывается, что даже законное решение латвийского окружного суда, вошедшее в силу и приведенное в исполнение, не служит гарантией неприкосновенности нашей недвижимости.

Земельные угодья нам всюду оставляются в минимальном размере, но в Страупе отчуждено и угодье, меньшее всех минимальных норм. Это вопиющее дело анонимом освещено неправильно.

Он умолчал, что Страупинская земля (две десятины) куплена еще в 1869 году за церковные деньги, что храм и погостные постройки возведены в 1870 году на церковные деньги, что все эти недвижимости в течение более пяти земских давностей состояли в бесспорном и безраздельном владении церкви, что отчуждением храма и причтовых построек нанесен смертельный удар приходу. То лицо, которому присуждены Страупинские церковные недвижимости, материальным интересам которого принесены в жертву духовные интересы целого прихода, никогда не было учителем Страупинской школы, как утверждает аноним и никогда не владело церковными Страупинскими недвижимостями.

Только однофамилец и сродник этого лица служит в самое последнее время в Страупе на полицейской службе и, вопреки воле церковной власти, поселился в одном из погостных домов...

Тенденциозно неправильные сведения дает аноним и относительно православного Алексеевского монастыря, будто этот монастырь сооружен католиками и потому подлежал передаче католикам. Центральная святыня Алексеевского монастыря – Алексеевский храм построен в XVIII столетии православным князем Долгоруким на средства, пожертвованные им и другими жертвователями. Он неизменно состоял в полном владении Православной церкви. В нынешнем главном монастырском корпусе, до приобретения его Православною церковью, была аптека и аптечный склад. С 1837 года этот корпус составлял законную, бесспорную и безраздельную собственность Православной Церкви и резиденцию православных архиереев. Малый архиерейский корпус построен в девяностых годах прошлого столетия архиепископом Арсением и сдан в собственность Церкви. Таким образом, католикам был передан монастырь, оборудованный не ими, а православными. Юридический ход мышления анонима нам кажется по меньшей мере странным.

Если оборудованный православными монастырь, по юриспруденции анонима, надлежало передать католикам на том основании, что когда-то на территории монастыря была католическая церковь, то от мудреного анонима можно ждать и такого мудрования, что всю нашу столицу надлежит передать тем, кто, когда основали- построили «старую» Ригу, как раз на том месте, где мы ее имеем ныне. После сказанного вполне понятно, что «православный» аноним, поставив вопрос: «действительно ли православие в Латвии под угрозой?», к разрешению вопроса подходит с искаженными данными и с умолчанием фактов, о которых не может молчать ни один подлинно православный. Упорно молчит «православный» аноним о том, что в Латвии и в столице и в других местах, православные храмы, только православные, насильственно снесены с лица земли и еще раздаются призывы к «сметению»

наших храмов; что православные храмы, только православные, во множестве насильственно обращены в помещения для обслуживания мирских надобностей, ничего общего не имеющих с религией, *и все еще намечаются новые жертвы десакрации; – что самые чтимые православные храмы насильственно переданы инославным.*

Число отчужденных и десакрированных православных храмов в Латвии достигает *19 процентов общего числа их, в то время как даже в СССР такое число не превышает 5 процентов.*

Молчит «православный» аноним и о том, что только нам, православным, не дается разрешение на возобновление наших духовно-учебных заведений для подготовки пастырей, хотя уже ныне *50 процентов православных латышских приходов вдовствует.* Привилегированным исповеданиям не только дается разрешение, но государство субсидирует их пастырские школы. Если имущества наших духовно-учебных заведений будут объявлены выморочными и отняты у нас, разве не ясно будет для общественного сознания, что выморочность эта насильственная? Молчит «православный» аноним и о том, что наши конфессиональные школы прикончены, а принадлежащие церкви школьные здания отчуждаются даже с церковных погостов, даже наперекор решению суда. Молчит «православный» аноним и о православных приходских и монастырских общинах, путем отчуждений, *доведенных до полной невозможности функционировать.* Молчит он и о затягивании определения юридического положения Православной Церкви в государстве и о том, кому выгодно это затягивание. Мы, подлинно православные, не можем не видеть и не чувствовать, что мы поставлены в положение совершенно исключительное, исполненное не только угрозы, но и самого реального и тягчайшего угнетения, уже повлекшего за собой фактическую смерть ряда наших организаций и учреждений и систематически ведущего к тому же наши организации и учреждения, пока еще дышащие. И как архиерей православный, и как депутат православный я имею долг и словом, и делом бороться за честь, достоинство, права и

интересы Православной Церкви и православных. Исполняя этот свой тяжелый долг, я неизменно прислушиваюсь к тем, кто избрали меня и в архиереи, и в депутаты Сейма. Имею все основания думать, что аноним сказал неправду о моих некоторых сопастырях, ибо, работая с ними и в синоде, и в организациях православных избирателей, в лице их я встречал только поддержку. И от Вознесенского прихода, приписываемого ему заявления, я не получал. Все это измышления «православного» анонима. Подстреканье моих пасомых и избирателей, ставшее модным среди соратников «православного» анонима по газетному походу на меня, может принести плоды совершенно не такие, каких ждут господа публицисты, все, как по команде, заканчивающие свои статьи призывом православных к выступлениям против меня. Такую согласованность перьев наблюдал я и вне Латвии. Она там подрывала доверие к прессе... Что же касается меня, то не только газетною травлею, доносами и угрозами, но и прямым наличием возможности той или иной расправы со мной, меня не испугать. Я исполняю свой архиерейский и депутатский долг и буду исполнять, невзирая ни на озлобленный лай, ни на оскаленные зубы.

1926. No 266. С. 1

Протест архиепископа Иоанна в Думе культурного фонда

Вчера состоялось первое заседание Думы Культурного фонда. При обсуждении вопроса о распределении денежных пособий архиепископ Иоанн, поддержанный депутатом Нуроком, от имени меньшинств в письменной форме внес протест по поводу того, что меньшинства не представлены в малой Думе. В свое время меньшинства потребовали для себя там место, но это требование было отклонено, несмотря на то, что меньшинства имеют 16 депутатов, а латгальцы, например, которые имеют всего только 10 депутатов, имеют в малой Думе 2-х представителей. В связи с отсутствием представителей меньшинств в малой Думе, там отклоняются все ходатайства меньшинств и не соблюдаются даже решения большой Думы о

предоставлении меньшинствам сумм в процентуальном отношении.

Председатель доктор П. Калнинь спросил, желательно ли огласить текст протеста, написанного по-русски, ибо архиепископ Иоанн уже передал его содержание устно.

При обсуждении вопроса о студенческих стипендиях, архиепископ Иоанн установил тот факт, что меньшинственные студенты, несмотря на нужду, стипендий не получили.

Министр образования Э. Земель возражал против этого утверждения, указав, что при распределении стипендий, национальность и вероисповедание во внимание не принимаются, а считаются только с способностями и материальным положением студентов.

Дума в результате прений приняла пожелание, чтобы в вопросе о стипендиях, были бы приняты во внимание наравне со всеми и нужды меньшинств.

Далее архиепископ Иоанн спросил почему отклонено пособие русскому Народному театру. Министр иностранных дел Ульманис отметил, что если предложить выдать русскому Народному театру пособие, то получится самая незначительная сумма, так как латышский Народный театр тоже получил незначительное пособие.

Затем Дума распределила ряд пособий между разными культ. учреждениями.

1926. № 310. С. 3

Накануне открытия Вселатвийского православного собора

Беседа «Слова» с архиепископом Иоанном

Завтра в 10 часов утра открывается Вселатвийский православный собор. В специальной беседе сотрудника «Слова» с архиепископом Иоанном, владыка следующим образом охарактеризовал программу работ Собора:

«Программа Собора у вас уже была напечатана, и ваши читатели уже знают, чем будет заниматься Собор. Я не сомневаюсь, что в разрешении поставленных вопросов и предстоящий Собор, как и предыдущий, будет во всей строгости держаться наших священных канонических норм. Формирование

текущей жизни церкви среди изменяющихся и преходящих внешних условий мира сего на неизменных священных вечных началах канонов – вот основная задача Собора. Предыдущие опыты говорят, что с этой задачей местные церковные силы справятся. Некоторым ручательством в этом отношении может служить уже та работа, которую выполнили предсоборные подготовительные комиссии. Пред докладом коммиссионных работ Собору, они пройдут чрез Синод и чрез пастырское собрание. Если что упустили бы из виду работники комиссии, надо надеяться, не упустится членам Синода и пастырями.

Собор будет иметь дело с материалом, всесторонне обдуманым и проверенным, и в три дня, вероятно, сумеет постановить авторитетные решения по всем поставленным вопросам. Почти по всем вопросам программы уже и предыдущий Собор имел суждение. Нынешнему Собору в большинстве случаев придется лишь продолжить работу, поставленную на правильные рельсы предшественником.

Естественная преемственность работы будет в значительной степени облегчена тем, что на предстоящем Соборе опять будут работать большинство работников предыдущего Собора. По неосведомленности на местах в число членов Собора попало несколько лиц, канонически пререкаемых. Но это обстоятельство не задержит работ Собора, ибо число этих канонически сомнительных лиц так невелико, что даже устранение их от работ Собора не может повлиять на каноническую правомочность Собора, тем более, что к этим пререкаемым лицам кандидаты избраны, кажется, непререкаемые.

Как для предыдущего, так и для нынешнего Собора практически трудным вопросом будет вопрос о школе для подготовки пастырей. Но и к этому вопросу нынешнему Собору будет легче подойти, чем предыдущему, так как некоторые затруднения, которые на предыдущем Соборе казались непреодолимыми, ныне устранены уже до Собора. Вопрос о школе коммиссией разработан детально. Если Собору будет угодно принять на себя некоторые весьма скромные

обязательства, школа может начать функционировать еще в текущем году.

Новый закон о положении Православной Церкви в Латвии в соборных работах никаких осложнений не вызовет. Закон этот настолько уважительно отнесся и к вселенскому вероучению и нравоучению, и к канонам, и к устройству Православной Церкви, что Собору разрешением никаких коллизий между законом и канонами заниматься не придется. С теоретической точки зрения коллизиям нет места. Практических коллизий тоже пока еще нет, ибо время существования закона так коротко, что некогда еще было возникнуть коллизиям.

После длительного существования Православной Церкви в Латвии вне закона, узаконение ее, несомненно, Собором будет встречено с глубоким удовлетворением и надеждою, что в законе Церковь найдет защиту и ограждение от тех актов произвола и усмотрения, которые причинили православным столько горя, унижений и бед в истекшие годы.

Закон сильно запоздал. Но лучше поздно, чем никогда. Законодатели побоялись быть вполне благожелательными к Православной Церкви, но и неполное благожелательство все-таки лучше полного неблагоприятства. Собор посмотрит на закон как на шаг в сторону добра, и члены Собора впервые будут иметь возможность по возвращении на места свидетельствовать о том, что формально бесправие Православной Церкви в Латвии окончилось, что отныне православные имеют основанное на законе право требовать прекращения утеснений, насилий и унижений, практиковавшихся в отношении к нам доселе».

1926. No 311. С. 1.

Речь на панихиде

«Пожрите жертвы правды и уповайте на Господа»

И Слово Божие и церковная мысль почитает патриарха Авраама мерилom веры и жертвенного подвига. Обратите духовный взор ваш к той самой важной и самой прекрасной минуте жизни Авраама, когда он благословенный и возвеличенный как никто до него (Быт. XII, 2) «богатый зело» и простором полей и лугов и стадами, и хлебом, и сокровищами,

и слугами и служанками (Быт. XIII, 2), и авторитетом и почетом среди ближних и дальних (Быт. XXI, 22), угодный Богу паче всех сынов земли, удостоенный величайших обетований, в яснейший день безоблачного счастья услышал с неба голос, грому подобный: «Авраам, Авраам!»

Семь раз уже касался слуха Авраамова этот зов и Авраам с несомненностью знал, что это голос Божий, но никогда этот голос не звучал для него так грозно и торжественно, так таинственно и повелительно. Очевидно было одно, зовет этот голос на подвиг, подвиг беспримерный. Ну что же, все от Бога и все для Бога, помыслил Авраам в смиренной вере и покорности и отозвался: «я здесь, Господи, повелевай рабу Твоему». Если угодна Богу жертва от стад и полей, как в Вефиде, патриарх все свое принесет. Или этого мало? Если на защиту попранной правды, на защиту обиженного брата надо двинуть в кровавую сечу чад и домочадцев, патриарх, как и в прежнее время, на защиту попранной правды готов (Быт. XIV, 14). Если и этого мало и Господь повелит пред лицом сурового и злого врага отступить из родного предела в землю неведомую, которую укажет Господь, патриарх и на это готов (Быт. XII, 1). Но нет, ныне Господь требует еще большего подвига. «Пойми сына твоего возлюбленного, его же возлюбил еси, Исаака» радость твою, надежду твою, опору надежд, обетований и веры твоей, опору старости твоей, его Я требую в жертву. Есть ли трагедия равная этой трагедии верующего сердца? И тем не менее Авраам отвечает решительно и твердо, без колебаний и возражений: «я здесь, Господи, повелевай рабу Твоему». Великая трагедия великого русского народа подобна этой трагедии. Именно в то время, когда русский народ был близок Богу, как ни один из народов земли, когда русская земля по праву именовалась святою Русью, когда русский народ был «богат зело» и необозримым простором полей, лугов и лесов, когда подобно морю-океану волновались спелым колосом беспредельные нивы его, когда вокруг селений его паслись несчетные стада скота, несчетные табуны коней, когда и моря и реки, и леса и доли, и недра земли несли ему несметные богатства не по дням, а по часам увеличивая его внешние

блага, когда и духовные сокровища его росли и множились, когда он переживал один из яснейших и красивейших дней своих, раздался голос, призывающий на подвиг и жертву. Голос близкий, как голос брата или сестры, как голос любящей матери, как голос родного отца, голос чистой Божией правды. Голос призывал на защиту правды и права. Что желтеющие нивы, что стада и табуны, что кораблей караваны, что все сокровища мира, когда надо выбирать между ними и святой Божией правдой и священнейшими человеческими правами? Оставив на Божию волю и зрелые нивы, и сокровища недр родной земли, и стада, и табуны, и все попечения житейские, все народы Руси мобилизовали живые силы свои у границ поправших правду и право соседей, полагая, что это удержит врагов правды и права от задуманного злодейства. Но этого оказалось мало. Защита правды и права потребовала жертв кровию, жертв жизнями. И двинула Русь на кровавый военный алтарь избыток живых сил своих, избыток жизней. Не для корысти, не для суетной славы, не из побуждений мстительных, а только во имя правды и права все народы Руси без изъятия несли небывало великие жертвы и от полей своих, и от стад своих, *и от всех ценностей своих, а главное: бесценные жизни своих героев-сыновей*. Но, по суду Господню, всего этого оказалось мало. Для того ли, чтоб довершить испытание верности и веры, для того ли, чтобы искупить грех бывшего раболепства пред безбожно гордым соседом, в разгаре кровавой борьбы народам Руси пришлось простереть свою готовность жертвы до мобилизации в защиту правды и права своих Исааков – сыновей единственных в семьях, которых народы Руси испокон веков привыкли считать неприкосновенными, и законом и обычаем огражденными от участия в кровавых сечах[13].

Но и перед эту жертвою во имя правды и права не остановились народы Руси. Подобно Аврааму они изъявили готовность и принесли на кровавый алтарь и своих Исааков, своих единственных, последнюю опору своих домашних и родовых надежд. Слово Божие не говорит нам, что пережили во время сужденных им испытаний Авраам, Сарра и Исаак. Но

наши сердца громко говорят нам о том, что пережили мы, восходя все выше и выше, ступень за ступенью на кровавую нашу Голгофу. Кто опишет, кто воспоеет всю высоту и красоту подвига народов Руси, ведущих на кровавый алтарь своих Исааков, своих единственных, своих последних и первых. Наши единственные, наши Исааки шли на подвиг не в пору полусознательной юности, как библейский Исаак, а в пору сознательной зрелости не от игрушечных домиков беспечного детства, а от домов и хозяйств, созданных тяжелым, упорным, длительным трудом, не из беспечного одиночества, а от рыдающей жены, от плачущих детей, не на краткий миг испытания под символическим ножом, а на длительное пребывание под убийственным огнем с постоянной готовностью сложить голову за правду и право. Кто опишет, кто измерит всю тяжесть и глубину переживаний отцов и матерей, которые, не имея ни достатков ни слуг Авраамовых, приводили на кровавый алтарь своих первенцев, своих единственных, единственную в доме рабочую силу, опору, надежду, кормильцев и оставались со внуками старые, да малые в скудной хатенке, с черствой коркой, хлеба. Но и этого мало. Многие из этих престарелых героев попущением Божиим, были изгнаны врагом из скудного, но родного гнезда, были вынуждены влачить дни свои в дремучих лесах, после тяжелой трудовой, увенчанной беспримерным подвигом жизни, на склоне дней протягивать руку за подаянием в так называемом беженстве. Во многих сердцах в такую тяжелую пору зашевелились сомнение и страх. И именно в эту тяжелую пору появились искушители, которые в измученном страданиями сердце стремились подорвать веру в правость дела и в нужность подвига. Слово Божие не поведало нам, как отразили искушение страха и сомнений Авраам Сарра и Исаак. Но мы знаем, как решительно отразил искушение новозаветный Исаак – Христос Спаситель. Когда Христос шел на Голгофу страданий и жертвы и сознавал, куда ведет Его скорбный путь, к Нему подошел величайший из Его учеников и, несомненно движимый чувством искреннейшей любви, сказал: «Будь милостив к Себе, Господи, да не будет с Тобою этого», – то есть уступи рыцарям зла и неправды, с которыми Ты

борешься, подчинишься им и тем Ты сохранишь Свою жизнь. Христос, обратившись, сказал Петру: «Отойди от Меня, сатана, ты мне соблазн, ты думаешь не о том, что Божие, а о том, что человеческое». (Мат. XVI, 21–23). Подумайте: если бы Христос остановился там, где останавливал Его смущенный шепот Петра, если бы предпочел человеческое Божескому, если бы вернулся с Голгофского пути, что было бы?

Это было бы торжеством врагов над Христом, это было бы торжеством неправды над правдой. Христос знал, что за видимым торжеством врагов на Голгофе должно последовать славное воскресение, победное, всемирное торжество правды над неправдою и в этом сознании пошел навстречу безмерным страданиям, позору кажущегося поражения. Ужасная, страшная, на мирской взгляд, позорная Голгофа на деле оказалась поражением врагов правды, торжеством Христа над врагами и тот же Петр, который на смутившем его Голгофском страстном пути хотел отговорить Христа от священного подвига, потом стал и свидетелем победного воскресения Христова и Боговдохновенным провозвестником возрождения человечества на началах Христовой победной правды. Что случилось бы, если бы народы Руси на безмерно тяжелом крестном пути убоялись бы сужденных им жертв? Остановились бы, сдались бы, покорились бы рыцарям высокомерной неправды и насилия? Народы Руси стонали бы ныне под тем железным игом беспросветного рабства, под каким мы – латыши стонали в течение долгих, незабываемо тяжелых столетий. Исход великой борьбы для народов Руси после беспримерных в истории жертв и подвигов был Голгофским исходом. Правда, за которую боролись народы Руси, казалась распятой, отпетой, погребенной. Но в настоящее время, когда мрак Голгофский уже рассеялся, разве мы не присутствуем при явлениях воскресшей и все обновляющей и все более и более широкие круги обнимающей правды. На почве Голгофских великих подвигов, совершенных народами Руси в период великой мировой борьбы мы видим уже ныне ряд воскресших народов, уже возродивших свое бытие на началах правды и права. Сегодня в день празднования памяти славнейших из героев великой борьбы за

правду и право, героев, украшенных знаками св. Георгия, и финские, и эстонские, и латвийские, и литовские и польские георгиевские кавалеры могут с глубочайшим удовлетворением сознавать, что путь Голгофских подвигов, пройденный ими рядом с героями великого русского народа был путем беспримерно славным. Молодые суверенные народы не могут не сознавать, что железному кулаку не удалось покорить их под железное ярмо бывшего беспросветного рабства благодаря совокупным героическим усилиям всех тех народов, которые составили единый героический фронт против насильнических притязаний общего врага.

Без ущерба для своего национального достоинства, без ущерба для заслуг своих особых национальных героев молодые народы и могут и должны хранить благодарную память о всех тех героях, которые вместе с ними боролись против поработительских устремлений пресловутого железного кулака. Мы не смеем забывать, что объединяющим и командным центром в великой борьбе был великий русский народ. В общей сумме жертв, понесенных в великой борьбе за правду и право, *на его долю приходится наибольшее слагаемое.*

Вместе с тем в области плодов великой борьбы русские герои имеют едва ли не самую скудную жатву. И в сегодняшний день поминовения героев великой войны, когда молодые суверенные народы имеют возможность торжествовать воскресение и возрождение свое, русские боевые товарищи их еще живут настроениями Голгофы. Но не ошибочны ли эти настроения? Обоснована ли скорбь? Не в том ли причина скорбных настроений русских героев великой борьбы, что они живут оторвано от родной среды? Мы жили на Руси в самую тяжелую для Руси пору, но мы не могли усмотреть оснований для отчаяния в возрождении и воскресении истерзанной великой борьбою Руси. Толща народная, а мы ее наблюдали в весьма широком масштабе, не знает не только отчаяния, но и уныния. Она оправляется от великих ран, она крепнет с каждым днем и духовно и внешне. Нам хочется думать, что скорбь пребывающих вдали от родного народа *есть скорбь неведения и нетерпеливости.* Процессы в великом организме идут не так

быстро, как в малых, но они идут, и героям, показавшим способность на величайшие подвиги на защиту прав своего великого народа, надо приобщиться великому подвигу терпения. Для восприятия Христа Воскресшего малыми селениями было достаточно самого короткого срока после Голгофы, но для возрождения великого Рима понадобились долгие годы. Надо уметь черпать для себя ободрение, как это делали апостолы, видевшие успех своих подвигов лишь в зачатии. О, если бы этот день поминовения великих борцов за правду и право, являющийся вместе с тем днем торжества для возрожденных подвигами героев малых и юных народов, мог бы послужить и для живых русских героев великой борьбы, переживших страшную Голгофу, залогом и уверением, что свершившееся уже в малом, должно совершиться и в великом. Это было бы лучшим достижением этого священного дня поминовения героев великой борьбы за правду и право. Слово Божие обращается ко всем, призванным к жертвенному подвигу: пожрите жертвы правды и уповайте на Господа. Господь не посрамит упования героев жертвы правды ни в малом, ни в великом.

1926. No 357. С. 2.

Труждающиеся и обремененные

У яслей Вифлеема мы считаем нужным обратить внимание именно на ту сторону личности, учения и жизни Христа, которая подвергается в настоящее время всевозможным превратным толкованиям – на отношение Христа Господа к трудящимся. Церковь Христову в настоящее время известные всему миру круги стремятся представить в качестве врага трудящихся. Это одна из самых беззастенчивых фальсификаций, которые знает история. Она рассчитана на полное незнание Христа, Его учения, Его жизни и Его дел.

Приглядитесь, кто со Христом от яслей и до креста. У яслей Его вы видите Пресвятую Деву Марию – Матерь Его – скромную бедную труженицу. Рядом с Нею Ее попечитель – старец Иосиф, «древодел» – плотник, всю жизнь проведенный в труде. В качестве первых поздравителей Новорожденного к яслям, послужившим колыбелью Его, пришли окрестные

пастухи, скромнейшие среди скромных трудящихся. Детство, отрочество и юность Христа протекают в суровой обстановке ремесленного труда. В зрелом возрасте Христос вступает на поприще священной мессианской общественной работы. К кому прежде всего обращена Его проповедь? К «трудящимся и обремененным». Кого Он призывает в сотрудники к Себе? Скромных тружеников рыбарей и им подобных «трудящихся». Как определяет Он Свою задачу? «Дух Господень на Мне; Он послал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать плененным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Мф. IV, 18). И места для своей проповеди Он избирает преимущественно такие, где собираются «трудящиеся и обремененные». В Свою проповедь Он постоянно вводил наглядные поясняющие примеры (притчи) из жизни трудящихся рыбарей, пекарей, ремесленников.

Лишь Христос возвел в подобающую честь все роды и виды честной работы и труда, начиная от так называемой черной работы и до утонченнейших видов духовного труда. Именно Христос св. Апостолам заповедует работать всем «своими собственными руками» (I Сол. IV, 11). «Кто не хочет трудиться, тот и не ест» (II Сол. III 10–12). Сам Христос и Его апостолы являли тогда живой пример труда и уважения к труду. Они занимались трудом и работою день и ночь, чтобы не обременять никого (II Сол. III, 8). Уже в ту мрачную и тяжелую пору, когда рабовладелец не считал себя обязанным оплачивать труд раба, именем Христа провозглашен принцип: «достойный делатель луды своей» (I Тим. V, 18: Мф., 10. 10). Церковь Христова, как и во всем, так и в вопросе о труде и трудящихся всегда верно следовала заветам Христа и всеми мерами стремилась проводить эти заветы в жизнь. Глубочайшее уважение к труду и трудящимся запечатлено в канонах Церкви. Величайшие отцы и подвижники смотрели на труд как на самый священный и великий подвиг человека. Великий основоположник монашеской подвижнической жизни Антоний Великий, когда неумеренные почитатели чрезмерно превозносили его, наставительно поведал, что он лишь смиренный ученик некоего брата во

Христе из г. Александрии. Почитатели бросились по указанному Антонием адресу, чтобы поклониться учителю Великого Антония. К удивлению учитель Великого учителя оказался самым обыкновенным сапожником. Никто не знал про него ничего. Вошли в дом. Думали услышать от него что-либо чрезвычайное. Стали пытаться его вопросами и расспросами. Поведал он немного: «встаю рано, молюсь сначала сам, а потом со своими домашними и принимаюсь за работу, трапезую, чем Бог благословил, и помолясь, отхожу на покой ночной». Недоумевающие ученики бросились к Антонию и поведали, что по указанному адресу они нашли не подвижника, а всего лишь самого обыкновенного сапожника. «Вот он то и есть настоящий подвижник, ибо он и постиг и выполняет единое на потребу: молись и трудись, трудись и молись. Его пример непреложный урок и для меня, и для вас». Так относились великие умы Церкви к труду и трудящимся. Нет ничего удивительного, что и трудящиеся взаимно глубоко чтили и Христа, и Церковь. Во Христе они видели и чтили своего раскрепостителя, возвратившего и труду и трудящимся принадлежащее им достоинство и права, а в Церкви Христовой – верную носительницу и хранительницу духа и заветов Христа. Но узы трудящихся с Церковью мешали политическим планам некоторых политических организаций, и они начали в широком масштабе, не скупясь на всевозможные обещания, вести агитацию по отторжению трудящихся от Церкви. Мы не будем останавливаться на приемах агитации, но бросим беглый взгляд на то, что дали противники Церкви трудящимся, когда они достигли своей цели, отторгли рабочих от Церкви и через них достигли всей полноты власти над громадной богатейшей страной и ее трудящимися.

Прежде всего бросим взгляд на домашнюю семейную жизнь трудящихся по отторжении их от Церкви. Брак трудящихся уже не таинство, не священный, скрепленный обетами союз мужа и жены для христианского воспитания детей. Брак стал нотариальной сделкой мужчины и женщины в целях сожительства. Не на всю жизнь, а впредь до усмотрения. В любой момент нотариальная сделка может быть расторгнута. А

воспитание детей? Иметь их не в моде, но если бы по оплошности таковые появились, то их можно сдать в приюты, или вообще сбыть с рук. Моральный уровень такого брака ниже уровня птичьего брака, ибо птичья чета все-таки воспитывает своих птенцов, в стране же нотариальных браков нотариальная чета или сдает их в приют, или, выгоняя на улицу, умножает стаи уже прославившихся на весь мир «беспризорных» детей. Не сладка жизнь в приютах, но жизнь беспризорных ужасна. Во время последних облав их находили ютящимися даже в навозных кучах. Чем занимаются эти беспризорные плоды нотариальной семьи? Большинство – воровством, многие проституцией, почти все причастны к разным видам преступлений. И официальный счет беспризорных ужасающе велик, но на деле их, конечно, гораздо больше. Число их, все растет. И это будущий народ. Но ужас нотариального брака касается не только детей. С каждым годом множится число «беспризорных» разведенных жен, ибо есть не мало «мужей», которые при условиях нотариального брака, жен меняют чаще, чем башмаки. Эти беспризорные разведенные жены и для народной нравственности и для народного здоровья являются серьезнейшей угрозой. Удален Христос и из школ трудящихся. Вместе с Христом ушла и нравственность. Школы обратились в вертепы ничем не стесняемого разврата, в рассадники дурных болезней, перестали быть очагами света и благовоспитанности. Пресловутый Всеобуч угрожает породить Всенеуч. Так обстоит дело с семьей и детьми трудящихся, отторгнутых от Христа. Но как обстоит дело с самими трудящимися, с их трудом с платою за труд, с свободой требований и так далее? Часть их прикрепощена к фабрично-заводским и другим учреждениям и предприятиям не хуже былых крепостных. О мере оплаты труда лучше всего говорят недоедание, полуобутость и полуодетость трудящихся. О свободе предъявления требований, свободе слова, свободе забастовок и тому подобных свободах красноречиво говорят гостеприимные для трудящихся стены казематов, а особенно красноречиво – пресловутые «стенки». О продуктивности труда говорит острый недостаток во всех решительно фабрикатах. Упразднены, якобы отнимавшие много

трудовых дней, праздники Христовы, время и силы на посещение храмов не тратятся и от, якобы расслаблявшей рабочую энергию мысли о потустороннем мире, трудящийся отвлечен, а фабрикатов нет, и народ все более и более переходит к первобытным способам выработки одежды, обуви, домашней утвари и орудий работы.

Но может быть сельские трудящиеся, по отторжении от Христа, стали благополучней? Острый недостаток в сельскохозяйственных орудиях сделал обработку земли первобытной. Неуверенность в обладании плодами труда неимоверно понизила энергию земледельца. Весь мир был свидетелем, как земледelec, сидящий на жирнейшем в мире черноземе, жестоко голодал. Один высокий, могучий «сановник», гордый изгнанием Бога из среды трудящихся, прибыл в родное мордовское село и повел речь к землякам: «Товарищи! Раньше вам попы твердили: все Божие – земляца Божия, лошадка Божия, коровка Божия, курочка Божия, а я вам говорю: все ваше – земляца ваша, лошадки ваши, коровки ваши, курочки ваши...» Поймав насмешливую улыбку старика, сановник обратился к нему: «иль я не так говорю?» – «Так говоришь, но не договариваешь. Земляца-то наша, а пшеничка с ней будет не наша, а ваша, коровка-то наша, а молочко ее будет не наше, а ваше, курочка-то наша, а яички ее будут не наши, а ваши. Пока земляца была Божия, пшеничка была наша, коровка была Божия, а молочком лакомились мы...» Так как мысль старика была ясна, его арестовали, не дослушав до конца. Таковы настроения и таково положение трудящегося крестьянства, отторгаемого от Христа. Пока довольно, ибо и из сказанного уже ясно, что отторгавшие трудящихся от Христа готовят им такую кабалу, в какой они были до Христа.

1926. No 370. С. 1

Православные колокола

Православные колокола города Риги имеют свою историю. Во время мировой войны православные колокола города Риги были эвакуированы в глубь России. Согласно точному смыслу мирного договора с СССР, они должны бы возвратиться в Ригу. Лютеранские и католические колокола возвратились, но

православным колоколам возвратиться не суждено. Доселе все наши просьбы в это вопросе ни к чему не привели. Между тем православный богослужебный устав предусматривает колокольный звон как необходимую принадлежность богослужебного чина.

Потеряв надежду на возвращение в Ригу наших колоколов из СССР, мы, православные, решили напярчь силы и повесить на свои колокольни новые колокола. Отлили, повесили. Новые колокола далеко не так велики, как прежние, но наша бедность не позволила нам гоняться за прежними образцами. Сделали, что могли.

Накануне Рождества Христова наши скромные новые колокола возобновили в Риге свою простую и ясную проповедь: «народ, помни Бога!»

Именно так и только так воспринял эту проповедь стальных языков народ. Этой проповеди обрадовались не только православные, но как видно из писем жертвователей на колокола и неправославные: и они поспешили к нам со своими лептами на соборные колокола.

Во время нашего звона и трезвона не раз толпа слушателей на бульваре под колокольною громко и сердечно выражала свою радость по поводу возобновления православного звона и трезвона. Выражение этой радости мы лично слышали не только от христиан.

Это вполне понятно. Все верующие в Бога обрадовались мощному напоминанию о Боге. Ясность и непреложная определенность идеи церковного звона так велика, что даже самые ярые противники христианства, османы-турки, в церковном звоне никогда не усматривали ничего, кроме напоминания о Боге. Не только султаны и муллы, но даже янычары и башибузуки умели возвыситься до правильного понимания идеи православного церковного звона и трезвона и не делали против звона возражений; ни Батый, ни Чингисхан не запрещали звонить и трезвонить в церквях.

Кажется, понедельникному публицисту рижской газеты первому забрела в голову мысль придать православному церковному звону такое значение, какого не придает этому

звону Церковь, какого не придавали доселе и противники церкви. Понедельничный публицист раздраженно говорит, что регулярно повторяющийся каждое утро и каждый вечер православный звон «противень духу города Риги», «нарушает гармонию рижской жизни», что-то навязывает рижанам, является демонстрацией архиепископа Иоанна против «латышской Риги».

Хотя поместившая эти необычайные выпады газета есть газета понедельничная, мы все-таки находим, что и для понедельника суждения автора чересчур поразительны. Почти во всех столицах мира имеются православные храмы и, где богослужения каждодневны, там так же, как и у нас в Риге, дважды в день раздается звон и трезвон. То, что просвещенный понедельничный публицист считает капризной демонстрацией архиепископа Иоанна против латышской Риги, на деле является обязательным для всей Вселенской Православной Церкви требованием богослужебного устава. Ни одному в мире, хотя бы даже понедельничному, публицисту никогда не мерещилось, что православный звон-трезвон в Токио является капризной демонстрацией против «японского Токио», в Пекине – демонстрацией против «китайского Пекина», что в Париже наш звон-трезвон «нарушает гармонию парижской жизни», что в деловом Нью-Йорке он «противоречит духу Нью-Йорка», что в Берлине он что-то «навязывает Берлину», что наш звон-трезвон дозволителен и приличествует только Москве.

Здоровые головы всего мира и по понедельникам не утрачивают здорового сознания, что наш звон-трезвон проникнут только одною идеею: народ помни Бога!

Просвещенные публицисты знают и то, что церковные колокола (кампаны), равно как и их предки – била и клепала не московского и вообще не русского происхождения и что от них не Русью, а юго-западной Европой «пахнет».

Если бы господин редактор газеты «Пирмдиена» удосужился справится у своего однофамильца, а может быть, и родича «старого Кродера», одного из вождей латышского коммунизма в СССР, то он узнал бы, что даже ярые интернационалисты в СССР, не усвоят церковному

звону-трезвону ни национального, ни политического значения, а только религиозно-церковное. Если для понедельничного органа не святы законы и обычаи Православной Церкви, то все же и для него должны быть святы законы суверенной Латвии, предоставляющие нам, православным, право «свободно и открыто проводить в жизнь», между прочим, и «богослужебный чин Православной Вселенской Церкви», заключающий в себе точные указания о сроках и типах церковного звона. В пользовании нашими колоколами мы этим «чином» руководимся.

Наконец, мы не можем быть равнодушны и к тому непомерно высокомерному тону, с каким публицист, якобы от лица большинства населения, обращается к нам, сущим в меньшинстве. Во имя той «гармонии жизни», о которой вы ратуете, во имя прав граждан демократической Латвии, во имя элементарного благоразумия ваш высокомерный тон должен быть оставлен. Путь, на котором вы стоите и на который силитесь увлечь сограждан, ложный и скользкий путь.

Сегодня по поводу нашего вполне законного звона анонимный публицист, якобы во имя большинства, позволяет себе высокомерно напоминать нам, полноправным, ничем неопороченным гражданам, не угодившим кому-то своим звоном: «Рига не Москва!». Не будет ничего удивительного, если в какой-нибудь из последующих понедельников какой-нибудь публицист из тех, кому не по душе семитические носы и гортанные звуки, позволит себе напомнить: «Рига не Иерусалим!». А там долго ли какому-нибудь германофобу «из большинства» напомнить немцам: «Рига не Берлин!». А там пойдут напоминания в этом же роде: «Рига не Варшава!», «Рига не Ковно!» и так далее.

Нам хотелось бы предупредить самую возможность таких не совсем вежливых напоминаний указанием на данные статистики по городу Риге. Попрекая Москвой, вносят раздражение в среду 30323 православных и 8433 старообрядцев. Попрек Иерусалимом тяжело воспринимается 39459 евреев. Попрек Берлином – 43792 немцами. Далее следуют 13119 поляков, 7748 литовцев, 2332 эста, 2600 прочих

инородцев и 678 неизвестной национальности, всего 148 484 представителя разных меньшинств в Риге при 189215 представителях большинства, из которых далеко не все настроены в один тон с публицистами из «Пирмдиена».

При таком соотношении сил большинства и меньшинства высокомерное отношение к меньшинствам не имеет даже арифметической почвы. Конечно, здесь Рига, а не Берлин, не Иерусалим, не Москва. Но эта Рига далеко не такова, какою она мерещится некоторым по понедельникам, когда им не до статистики.

1927. No 413. С. 2

Чем потешаются!

Когда на первой странице понедельничного органа жирным шрифтом был напечатан протест против православного звона в кафедральном соборе и относительно наших скромных, мирных, вполне благонамеренных и совершенно аполитичных колоколов было заявлено, что они потрясают какие-то основы жизни, что они что-то навязывают кому-то, что они что-то или кого-то денационализуют и так далее... мы хотели думать, что это не более как по праздничное озорство, вылившееся случайно в издевательство над тем, что для нас, православных религиозно-священно. Нам было несказанно больно, горько, обидно, но мы надеялись, что если не иное что, то чувство самой элементарной благопристойности подскажет понедельничным «патриотам» не чинить незаслуженных огорчений ничем не опороченным, благонадежнейшим и полноправным гражданам столицы и страны. Наша скромная надежда не оправдалась. В ближайший же понедельник в том же органе на первой же странице мы вновь усмотрели статью, пестрящую грубейшими издевательствами над нами. Ныне понедельничные «патриоты» грубо протестуют против присутствия православного кафедрального собора на бульваре столицы и объявляют о своем непреклонном желании «смести собор с лица земли». Собор – собственность Православной Церкви в Латвии. Он нейтральная и самая главная святыня православных в Латвии. В чем провинился собор? Да ровно ни в чем. В нем ежедневно возносятся молитвы о Латвии, в нем

тысячи граждан Латвии удовлетворяют свои религиозные нужды и потребности.

Что же заставляет господ «патриотов» из «Пирмдена» домогаться нарушения прав Православной Церкви «сметением собора с лица земли»? Собор будто вызывает в душах «патриотов» мысли о прошлом: о царе, о царском режиме, о русификаторах. Логических оснований для возникновения в головах «патриотов» таких ассоциаций нет. Собор и в прошлом был зданием и учреждением чисто религиозным – *домом Божиим, домом молитвы и только этому своему назначению собор служил и служит*. Никакое царское учреждение в нем никогда не помещалось. Слуги царские и учреждения царские, проводившие в жизнь так называемый царский режим, имели местопребывание в замке и других государственных зданиях, хорошо известных господам «патриотам». Внешний облик собора не русский, а византийский. Уставы и законы, которыми определяется и всегда определялась работа собора, не только не царского, но и вообще не русского происхождения, а происхождения греческого, так что и к русификации собор непричастен ни внешнею своею ни своими богослужебными чинами и порядками. Иерархи, имевшие в соборе свою кафедру, все без исключения были самыми искренними друзьями и самоотверженными заступниками латышей и эстов. Некоторые из них имели крупнейшие неприятности от всемогущих местных врагов латышей и эстов именно за дружбу и благожелательство к латышам и эстам. По настоящее время еще здравствуют латышские и эстонские патриоты, обязанные своею жизнью, имевшему именно в этом соборе свою кафедру, достопочтеннейшему Рижскому иерарху, ныне митрополиту Агафангелу. И все-таки «патриотов» из поправдничной газеты не смущает ни вид замка, где проживали суровейшие генерал-губернаторы, ни вид жандармского управления, ни вид полицейского управления, ни вид сыскного и охранного отделения, даже ни вид центральной и других тюрем. Их снесения они не требуют. Всем этим зданиям их прошлое забыто. Смущает их только вид кафедрального собора, абсолютно безупречного и в прошлом, и в настоящем. Если

логический аппарат господ «патриотов» смущает их неправильными ассоциациями, может быть им полезно было бы посоветоваться с своею совестью... Иногда безнадежно запутавшимся людям полезно бывает заглянуть к соседям и посмотреть, как мыслят и действуют они. Чужое здравомыслие действует отрезвляюще. В этом отношении не только запад, но и восток может пристыдить наших «патриотов» из понедельничной газеты. В Москве пред самыми окнами Совнаркома высятся главы Кремлевских соборов во главе с знаменитым Успенским собором, где короновались русские цари, в Ленинграде на виду у всех шпиль Петропавловского собора; там погребены русские цари. Однако, ни одному из современных патриотов современной России, которых никто не может обвинить ни в пристрастии к царизму, ни в расположении к православию, никогда не забредала в голову дикая мысль объявить эти соборы символами царского режима и требовать их сноса с лица земли. Напротив, соборы эти ремонтируются и реставрируются на государственный счет. Или культурный уровень наших понедельничных «патриотов» ниже, чем у патриотов московских? Когда турки завладели Царьградом и они, при всей фанатической ненависти к христианской Византии, все-таки не занялись сметением с лица земли православных храмов, и богослужения в них совершались как раз по тому же чину, по которому совершаются в Рижском кафедральном соборе и стиль его тот же, что там. Батый, завладевший Киевом, тоже не опозорил себя сметением с лица земли Киевских соборов, хотя стиль их и не татарский. Элементарный здравый смысл не может позволить тратить народные деньги на разрушение строений, имеющих громадную материальную ценность, не говоря уже о их ценности иного порядка. И все-таки наши «патриоты» известного типа не стыдятся открыто призывать к почти беспримерному вандализму, сметению собора с лица земли. Слова такого призыва, если даже они остаются только словами, пустым, праздным, злобным зубоскальством, никогда не забываются, ибо в них варварское издевательство над священнейшею святынею души человеческой – религиозною верою. На страницы истории такие

слова ложатся позорнейшим пятном. В живой памяти и воображении народа они служат величайшим препятствием для спайки всех живых сил страны в единый прочный, сплоченный взаимным доверием и уважением общественный организм. Недолгая пока история нашей страны знает уже несколько случаев, когда варварские призывы «патриотов» воплотились в вандальские деяния: немало наших святынь уже сметено с лица земли. Результаты? Народные массы выразили свое суждение об этих печальных случаях в ряде легенд, переходящих из уст в уста и красноречиво говорящих о том, как народная совесть оценивает героев этого рода подвигов. Не приводим их здесь, ибо они общеизвестны. Обломки поруганных святынь в большом количестве подобраны верующими и хранятся ими «на память», но на какую память! Некоторые из этих обломков попали в заграничные музеи, тоже на память о нашей стране и ее «патриотах». Отзывы заграничной прессы с оценкой наших «патриотов» более или менее общеизвестны. И в фильме запечатлено кое-что из вандальских достижений «патриотов».

Издевательские вождедения «патриотов» не ограничиваются Кафедральным собором. Они с нескрываемым злорадством печатают о распределении наших храмов между инославными. Наши святыни им кажутся своего рода капиталом для закупки расположения к «центру», материалом для привязывания к «центру» тех, кто сами по себе недостаточно привязаны к нему. Такое произвольное распоряжение нашею собственностью и нашими святынями иначе нельзя назвать как издевательством над нами, нарушающим наши права и нарочито ущемляющим, уязвляющим нас. Обращение религиозных святынь в предмет политической спекуляции явление дикое. Морально сомнительна и пресловутая привязанность к «центру», если она покупается и продается. Патриотизм – ценность моральная, а не биржевая и базарная. Покупной патриот уже завтра может продать себя другому «центру», если будет предложена более высокая цена. Ненадежная и омерзительная сделка. Цинично объясняя необходимость отнятия у нас нашей собственности и наших святынь необходимостью купить ценою их чью-то привязанность

к «центру», не хотят ли господа «патриоты» сказать 10 процентов православного населения, что их привязанность к «центру» не нужна и нежелательна? Что эти 10 процентов населения желательно оттолкнуть от центра, восстановить против центра, поставить в положение людей лишних в составе страны? Не только речи безответственных «патриотов», но и многое из текущей действительности уже годами держит православных в глубочайшем недоумении относительно смысла и значения той политики, которой в отношении нас держатся. Когда публицист из поправдничной газеты подчеркнуто заявляет: «православие в нашей стране пользуется всеми теми же правами, как и другие исповедания страны», когда такие же заявления мы слышим и из официальных уст и эти заявления, очевидно, рассчитанные на незнающих нашей действительности, мы, православные, не можем иначе отнестись к такого рода заявлениям, как к сознательному и открытому издевательству над нами. Уже выдвинутый и осуществляемый в жизни принцип распределения наших имуществ и наших святынь между другими конфессиями является вопиющим нарушением равноправия исповеданий: другие исповедания поддерживаются за наш счет, там возвеличение, здесь принижение.

Всех фактов этого рода здесь не перечесать. Отметим хотя некоторые, наиболее общеизвестные. Когда совершился акт «привязывания» к «центру» католичества и главы его путем передачи им отнятого у нас рижского Алексеевского монастыря (единственного мужского монастыря в Латвии), православного архиерейского дома и святынь сих учреждений, глава Православной Церкви и монахи Алексеевского монастыря были оставлены без канонического пристанища. Вопреки уверениям понедельничного публициста, ни главе Православной Церкви, ни монахам не только «блестящих помещений» правомочными лицами и учреждениями предложено не было, но даже на бумаги центральных органов Церкви, поданные по вопросу о помещении для главы Православной Церкви, не дано с 1921 года доселе никакого ответа. Кажется, что у этого уже обстоятельства имеются все признаки полного игнорирования

Православной Церкви, ее прав, достоинства и интересов. Когда в Бригах православный храм передали католикам, православные прихожане были оставлены под открытым небом. То же случилось в Риге с православными прихожанами Петропавловского прихода. То же и в некоторых других местах. В Шлоке[14] и Алуksне интересы и права Православной Церкви принесены в жертву даже не другой какой-нибудь конфессии, а чисто светским учреждениям. Фактически существующие приходы обречены на прозябание без храмов. В Страупе у живого прихода отчужден храм и погостные постройки и присуждены совершенно частному лицу, не имеющему решительно никакого отношения ни к Православной Церкви, ни к его храму, ни к погостным постройкам. Приход обречен на существование без храма, даже без пяди земли, на которой прихожане могли бы собраться для богослужений под открытым небом. На днях одно весьма почтенное учреждение начало дело по обращению собора в городе Двинске в доходную арендную статью для себя[15]. Есть случаи, например, в Боровке и Липно, когда властная рука простиралась на кладбища Православной Церкви. Дальше, кажется, уже идти некуда. Подлинно, *сырое подвальное жилище главы Православной Церкви является правдивым символом положения нашей Церкви в нашей стране.* Если известного типа патриотам это смешно, их это тешит, пусть смеются, но мы считаем и будем считать долгом, возвещать во всеуслышание о тех явлениях, которые им в смех и потеху именно потому, что в этих явлениях для нас горчайшее горе и слезы. Людей, потешающих себя страданиями и горем ближних, необходимо разоблачать. Смейтесь и потешайтесь, но *да будет ведомо и дальним, и ближним, над чем вы смеетесь и чем потешаетесь.*

Архиепископ Иоанн, депутат Сейма.

1927, 17/II. 1927. No 423. С. 3.

Искусственная пролетаризация

Для нашей по преимуществу крестьянской страны и нашего по преимуществу крестьянского народа и государства вопрос о катастрофически тяжелом хозяйственном положении нашего

крестьянства и о государственных мерах к предотвращению его экономической гибели, является вопросом необычайнейшей важности.

Даже в областях, наименее подвергшихся разорениям войны, даже старые крестьянские хозяйства, над созданием которых трудятся крестьяне уже в третьем поколении и достижениями которых справедливо гордилась Латвия, в настоящее время переживают кризис близкий к краху.

Над ними тяготеют долги банкам и долги по векселям. При всем напряжении сил старые почтенные опытные примерные хозяева едва-едва вырабатывают средства на скуднейшее пропитание себе и семье, на оплату рабочих рук и подновление хозяйственного инвентаря, без чего невозможно самое функционирование хозяйства, а срочные проценты в банках, а срочные платежи по векселям висят над головами хозяев, как своего рода Дамоклов меч, готовый каждую минуту упасть и прикончить поколениями создававшееся дело. Дороговизна рабочих рук, дороговизна фабрикатов, дешевизна продуктов производства крестьянского хозяйства таковы, что даже самые изворотливые хозяева не знают, как извернуться. Положение новохозяев еще хуже. Почти все без изъятия новохозяева обстраивались в кредит. В кредит возводили постройки. В кредит обзаводились живым и неживым хозяйственным инвентарем, удобрениями и семенами. Если им в этот критический малоурожайный год не будет оказана существенная государственная поддержка, они неизбежно должны пойти ко дну. Но положение этих двух категорий крестьян еще не самое худшее. В наихудшем положении находятся массы малоземельных латгальских русских крестьян. По ним основательно прошла война. По разным причинам банковских ссуд они почти не получили. Разные виды пособий и льгот прошли мимо них. Воссозидая свои хозяйства, они вынуждены были кредитоваться у частных заимодавцев, которые, пользуясь простотой и малограмотностью русского мужичка, сумели взять его в такую кабалу, что в настоящее время он обратился в своего рода раба этих заимодавцев.

Номинально он еще хозяин своей земли, хатки, лошаденки, коровки, сохи и бороны, но фактически он крепостной у заимодавца, выжимающего все соки и из его имущества и из него самого. Малейшее сопротивление капризам заимодавца – и мужичку приходится расставаться и с инвентарем, и с хатою, и с землею.

Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время все наше *крестьянство живет под знаком аукционного молота*. В сотнях мест этот роковой молот уже стучит во всю, как это видно, между прочим, и из официальных публикаций, а где он еще не стучит, там ждут его рокового стука со дня на день, с часу на час. Крестьянин, к какой бы национальности он ни принадлежал, всегда проникнут одним непреодолимым желанием: иметь свой собственный клочок земли, свою собственную хатку, свою собственную соху и борону, и скотинку.

Молодая Латвия правильно учла этот общекрестьянский порыв и решила дать удовлетворение этому естественному крестьянскому порыву и этим, несомненно, расположила к себе крестьян. Крестьянам Латвии была дана законная возможность мыслить себя хозяевами своей земли. Крестьянин с благодарностью усвоил себе дорогое и законное сознание, что его клочок земли принадлежит именно ему. В этом сознании он обстраивался на своем клочке, обзаводился, обосновывался. По ответу Сейма на поставленный кардинальный вопрос – *крестьянский вопрос крестьянство будет в праве судить, желает ли большинство Сейма, чтобы крестьянин Латвии на правах собственника владел тем клочком земли, который он обстроил, оборудовал, возделал, или оно желает, чтобы собственники-крестьяне постепенно были сгоняемы с принадлежащих им клочков земли аукционными молотами и обращаемы в «пролетариев», в бобылей без кола, без двора, в бездомных батраков, вынужденных шататься по чужим углам, пахать и боронить чужую землю*. Наши социал-демократы, какие они ни на есть, все-таки социал-демократы и еще при самом начале аграрного устройства Латвии, как это видно из документов, были ярыми противниками передачи земли в собственность крестьянам. Если это сделано, то

сделано против их демонстративно выраженной воли. Им ли плакать теперь, когда крестьяне-собственники находятся под угрозой потерять свою собственность? Социал-демократам ли поддерживать крестьян-собственников ставших собственниками вопреки их догматам?

Министр финансов социал-демократ Бастьян вежливо пояснил с высокой трибуны Сейма, что крестьяне-собственники уже и без того слишком много получили от государства и, забыв из этого весьма многого вычесть то, что государство получило и получает от крестьян, дал понять, что объем возможной государственной поддержки крестьян-собственников может быть лишь очень, очень незначительных размеров.

Товарищи господина Бастьяна поддержали мысли своего министра. От новоявленных споспешников политики социал-демократов, от тех, кто только в последнее время стали товарищами «товарищей», пришлось услышать приблизительно то же самое. Дело уже почти очевидное, что интересы крестьян большинства в Сейме не соберут. Значит аукционным молотом будет предоставлен полный простор и постепенное обращение собственников в пролетариев предрешиено. Теперь нам становится понятно и спешное проведение закона о военно-полевых судах. Если бы пролетаризируемые собственники-крестьяне стали бы противиться пролетаризации, то марксистская власть будет иметь в своих руках то могучее орудие сокращения и смирения строптивых собственников-крестьян, с которым местные крестьяне отлично уже знакомы и по сороковым годам прошлого столетия и по позднейшим временам. Однако согнанные с земли крестьяне не всегда прямо лезут в мешок пролетаризаторов. Часто религиозная вера служит и для самых бедных пролетариев прочным ограждением от обольщений «товарищей». Поэтому в «госплан» наших доморощенных товарищей так же, как и *«товарищей за речкой»*, входит освобождение пролетариата от религии. *«Отделение церкви от государства, а школы от церкви»* является одним из самых сладких вождений нынешнего кабинета. Но этого им мало. Своею задачею они поставили сокращение числа храмов. Так как доселе пролетаризация

крестьян с значительным успехом проведена только по отношению к русским крестьянам, то и эта новая мера (сокращение числа приходских храмов) пока практикуется только в отношении православных храмов. Со дня на день мы получаем сенсационные сообщения с мест о властных административных зачислениях в государственный фонд православных храмов и молитвенных домов с их погостами и всем, что на погостах. Для того, чтобы иметь представление, как производятся эти зачисления, мы в дополнение к прежде оглашенным случаям укажем еще на некоторые примеры. 14 января сего 1927 года резолюцией господина министра земледелия, последовавшей на протоколе подчиненного ему учреждения, зачислен в государственный фонд церковный погост Алуksненского прихода с находящимися на нем храмом, погостными постройками и всем прочим, что на погосте.

Алуksненская погостная земля в 1894 году куплена на церковные деньги (1500 рублей) у тогдашнего помещика барона Фитингофа и короборирована в узаконенном порядке на имя Ведомства православного исповедания, что по точному смыслу российских законов равносильно короборированию на имя Православной Российской Церкви, ибо в объем юридического понятия: Ведомство православного исповедания входила только Православная Российская Церковь и ничто иное так же, как в объем понятия Ведомства инославных исповеданий входили инославные церкви, и ничто другое. В 1895 году на этой церковной земле за церковные деньги построены приходский храм и другие погостные постройки. Разведены сады. Всею этою собственностью с указанного срока несомненно и бесспорно владел православный приход города Алуksны, легально и непрерывно функционирующий по настоящее время.

Аграрный закон Латвийской республики говорит ясно и определенно: не отчуждаются земли, на которых возведены храмы и монастыри, равно как и погосты их и *погостные постройки, и сады*.

Закон 8 октября 1926 года ясно и определенно констатирует, что Латвийская Православная Церковь со своими

учреждениями, организациями и должностными лицами является полною правопреемницей Православной Церкви Российской в пределах Латвии, и Алуksненская приходская организация в этом законе не помечена исключенною из этого узаконенного правопреемства, и все-таки господин министр земледелия счел возможным зачислить церковный погост Алуksненского прихода в государственный фонд... Кому будут переданы имущества приходского центра г. Алуksны?.. Судя по совершенно аналогичному делу в Страупе, можно ждать всего наихудшего. Как известно, приходский центр в Страупе присужден совершенно частному лицу, не имеющему никакого отношения ни к православной церкви, ни к Страупинскому приходу, ни имуществам этого центра. С 23 апреля сего 1927 года страупинцы должны будут сдать свой храм со всем погостом и погостными постройками частному лицу, которое распорядится всем этим по своему усмотрению. Может быть, что согласно с народной молвою, в Страупинском храме будет устроен трактир, а в причтовых помещениях что-либо вроде притрактирной гостиницы. Что и относительно Алуksны у господина министра имеются свои серьезные и неотложные виды, судить можно уже по той энергии, с какою сделан натиск на Алуksненский приход. Уже 12 февраля сего года Алуksненскому приходу предписано уплатить инспектору земледелия оброк за пользование погостом и всем, что на нем в количестве 409 латов 5 сантимов. А телефонограммой от 23 февраля сего года на 25 февраля сего года уже приказано изъять у прихода его погост.

Нечто аналогичное происходит и в городе Пильтене. В Двинске с не меньшею энергиею производит натиск на Двинский собор военное ведомство. И в Двинске уже получено и предписание об оброке и ясные указания о дальнейших намерениях ведомства. Все эти и подобные поразительные акты ясно говорят нам о том курсе, какой принят нынешним марксистским правительством относительно Православной Церкви вообще.

Этот курс оставляет далеко за собою все то, что мы наблюдали лично в СССР.

В СССР не было случая, чтобы храмы отнимали у легально функционирующих общин, чтобы пастырю легально функционирующей общины отказывали в жилище и земельном наделе в узаконенной норме. Наши марксисты, очевидно, решили пойти далее «товарищей». Но все эти акты говорят и еще об одном. Всеми этими актами местные «товарищи» углубляют пролетаризацию обезземеленных и обезземеливаемых русских масс. Факт общеизвестный, что уже в настоящее время по всей Латвии обезземеленные и обезземеливаемые русские мужички исполняют роль батраков, чернорабочих, поденщиков, белых рабов, у которых нет ни кола, ни двора – *зипун весь пожиток*. После шести дней тягчайшей работы, эти всесторонне обездоленные люди, всем чужие, всеми третируемые, находили еще духовную усладу и утешение в посещении родного православного храма. Здесь они встречались друг с другом, здесь еще они чувствовали себя людьми, хотя униженными, обиженными, но все-таки людьми.

Сокращением числа православных приходских храмов у этих искусственно пролетаризированных людей хотят отнять последнюю духовную опору. Мысленно перенесемся хотя бы на Страупинский церковный погост. 23-го апреля страупинцы вынуждены будут сдать свой храм новому владельцу, который с 24 апреля уже будет иметь право открыть трактир в Страупинском храме, 24 апреля русская Пасха. Обездоленные русские батрачки соберутся к светлому празднику к светлой заутрене к родному храму. А пред ними вместо храма трактир. Можно себе представить трагедию православной верующей души. В мирском смысле уже были доведены до положения каких-то париев и ранее, а здесь как раз к Светлому Празднику им преподносится глубочайшее омерзительнейшее посмеяние той единственной святыни, которую они свято хранили в душе и считали, наивно считали неприкосновенной.

Как примут они этот марксистский подарок к светлому русскому празднику, как переварится он в их «нутре», трудно учесть. Но для нас с несомненной ясностью понятно, что такими чрезвычайными и беспримерными мерами марксисты имеют ввиду вытравить в душах обездоленных белых рабов

последние ростки духовности, сделать этих искусственно пролетаризированных людей людьми с погашенным духом, людьми, не знающими никаких духовных порывов, помнящими только острый хозяйский кнут и тяготеющими только к скудным хозяйским яслям. В Двинске и Алуksне к следующей Пасхе дело еще не будет обстоит так сурово, но полагаем, что и там прихожане воспримут как небывалое издевательство, если у дверей храма в Светлое Воскресение будут стоять мытари и собирать с прихожан оброк за посещение храма – в Двинске в пользу военного ведомства, а в Алуksне в казну министерства земледелия. Может быть, есть люди, которым подобные приемы издеательства над религиозным сознанием полноправных граждан демократической, правовой республики не кажутся дикими, а проявлением политической мудрости, но нам эта «мудрость» кажется достойною внимания психиатров. Марксисты хотели бы, чтобы при наличии таких экспериментов народ продолжал смотреть на них как на защитников права и справедливости, и вот они делают политический жест. В землеустроительную комиссию они вводят представителя обездоленных русских мужичков. Но этот жест – жест лицемерный. В начале работы нынешнего Сейма русская фракция просила места для русского депутата в землеустроительной комиссии. Тогда эта просьба имела еще реальный смысл, *ибо в земельном фонде еще были запасы земли, подлежащие разделу между безземельными и можно было надеяться, что русский представитель сумеет хотя кое-что выторговать для русских безземельных.* Но тогда просьба русской фракции не была поддержана ни одним марксистом. Ныне, когда земельный фонд, особенно по *Латгалии*, уже исчерпан почти до дна марксисты вводят в комиссию русского представителя. Явно, что уже ничего существенного этот представитель сделать не может, ибо земли нет. Достоин внимания и то, что вводят в комиссию русского представителя в качестве зависимого от правительства чиновника, а не в качестве независимого представителя Сейма.

Если русский представитель стал бы слишком энергично возвышать свой голос против искусственной пролетаризации

русских, правительство не преминуло бы его отозвать из комиссии. Если доживем мы до будущих выборов в Сейм, по всей вероятности, из уст марксистов придется услышать русским избирателям, что марксисты желали удовлетворить землей и русских, но русский представитель в землеустроительной комиссии был недостаточно умен и энергичен, а про то, что в фонде ко времени назначения русского представителя не было земли, они, конечно, умолчат. О других жестах лицемерного благожелательства марксистов к крестьянству и, в частности, к православному русскому крестьянству мы, если будет в том надобность, доложим высокому собранию еще. А пока и приведенных обстоятельств достаточно, чтобы понять, что человеку, верующему в Бога и его вечную правду, здраво понимающему и тактику, и практику марксистов по отношению к крестьянству, составляющему главную массу населения нашей страны, голосовать за кабинет марксистов безусловно невозможно.

1927. № 459. С. 2.

О двинской православной церкви[16]

Правосознание Православной Церкви на точном основании канонов, имевших силу закона в том государстве, которому ранее принадлежал город Двинск, считает Двинский Борисоглеский собор неприкосновенною собственностью Православной Церкви. Законы Латвийской Республики подтверждают правильность такого правосознания в Латвии. «Православные храмы, часовни и кладбища, состоящие в распоряжении Православной Церкви, должны быть рассматриваемы как собственность Православной Церкви; вопреки воле Церкви они не могут быть ни отчуждаемы, ни конфискуемы, ни предназначаемы для иных каких целей». (Закон 8 октября 1926 года статья 11).

Ко времени издания цитируемого закона Двинский Борисоглеский собор состоял во всецелом распоряжении Православной Церкви, следовательно, и с точки зрения законов Латвийской республики является бесспорною и неприкосновенною собственностью Православной Церкви. На затеянную в сем 1927 году попытку военного ведомства

обратить этот собор в оброчную статью военного ведомства, Православная Церковь может смотреть не иначе, как на попытку нарушить права собственности Церкви, идущую в разрез и с канонами Церкви, и с законами Республики. Согласиться на внесение военному ведомству оброка за пользование собором хотя бы то в размере одного лата в год, хотя бы то по контракту на 99 лет, хотя бы то на самых льготных контрактных условиях Церковь не может, ибо это означало бы отказ ее от своей неприкосновенной собственности в пользу военного ведомства.

Не только Двинский протоиерей, но и я, православный архиепископ всея Латвии, сделать это не вправе. Конечно, Православная Церковь не может не сознавать, что на ее стороне только право, а сила на стороне ее противников. Насильственно, конечно, может быть отчуждена и неприкосновенная собственность и может быть обращена не только в оброчную статью казны, но и во что-либо еще менее соответствующее праву. Но право Церкви, если бы в настоящем произошло бы насильственное поспание его, может быть восстановлено в будущем, если только сама Церковь не отказалась от своего права.

В виду сего я, законный глава Православной Церкви в Латвии, сим заявляю, что Православная Церковь в Латвии не отказывается от своих прав на Двинский Борисоглебский собор, который считает своею неприкосновенною собственностью, а против отнятия его у Православной Церкви решительно протестует.

31 марта 1927 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пасхальная статья архиепископа Иоанна

«Я не оставлю вас сиротами» (Иоанна XIV. 18).

Сурово слово сирота, но особенно сурово оно было в дохристианскую пору. Остаться сиротою тогда означало быть обреченным на все муки, на все страдания, на все унижения, на какие только способна обречь суровая жизнь существо слабое, одинокое, незащитное, забытое, отверженное. Самая суровая угроза, какую знает слово Божие для человека древности, выражена в словах: «Дети твои будут сиротами» (Исх. XXII. 24;

Пс. CVIII, 9). Когда умер на кресте Христос, ученикам Его, для которых со Христом были связаны все надежды, вся вера, вся любовь, естественно было почувствовать себя сиротами в самом суровом значении этого слова. Они не только лишались Отца, питателя и надежды жизни своей, но на них всех на всю жизнь тяжелым бременем должны были лечь вся та ненависть, которую современность питала ко Христу, весь тот позор, которым злоба силилась окружить Его имя, Его память. Они должны были почувствовать себя сиротами, оставшимися после отца, духовным и светским судом присужденного к позорной казни и казненного, они сироты после отца, отверженного и осмеянного. Они наперед обречены на презрение сограждан, ненависть толпы, гонения и утеснения, для них нет защиты ни в законах, ни в сердцах сограждан. По-видимому, чада Христовы во всей силе почувствовали такое свое сиротство тотчас после смерти Христа. Устрашенные этою недолею, одни поспешили отречься от Христа, другие пытались скрыться от Него бегством, и лишь немногие дерзнули остаться при кресте и гробе Христа, в готовности покорно подклонить выю свою под все невзгоды сиротства. И у креста, и у гроба и всюду, где бы они ни были, они, объятые мраком печали, или плачут, как мироносицы, или терзаются сомненьями, как Фома, или с невыразимую скорбью отходят от креста и гроба восвояси, в свою обыденщину, как Эммаусские путники, с нескрываемым горьким разочарованием: «Мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Луки, XXIV, 21). Если где подобно птенцам, ожидающим неминуемой грозы, они и собирались вместе, то «дверем заключенным страха ради Иудейска» (Иоанна XX, 19). Эта сиротская скорбь еще углублялась тем, что мир кругом веселился, празднуя великий праздник иудейский. Кто станет отрицать, что и в настоящее время весьма многие православные переживают это чувство горестного сиротства. Кто изочтет толпы скорбных мироносиц, которые в дни воспоминаний страстей Христовых несли ко кресту и гробу Христа под злобное гиканье комсомольцев все усердие сиротского почитания и святые слезы, море слез. Сколько сиротски робких душ православных в эти дни робко теснились

друг к другу за тщательно запертыми дверями страха ради жестоких гонителей. Сколько в единодушии с Фомою уклонялось от поклонения кресту и гробу Христа, потому что в посмеваемом Христе они затруднялись признать Сына Божия, а в разоряемой Церкви – Царствие Божие. Многие отходили от креста и гроба, подобно Эммаусским путникам, твердя с разочарованием: «А мы надеялись во Христе и Его Церкви узреть спасение родного народа». Сколько православных «сынов рассеяния» в эти дни пережили горькое сознание оторванности от всего родного, милого, дорогого, от всего, чем жила и дышала душа, чем красна была жизнь, что тешило и радовало. Среди горя, нужды, разочарований многим в эти дни весь мир казался чужим, враждебным, злым, и они готовы были от всего мира запереть не только двери своего жилища, но и сердце. Многим даже вся святая Православная Церковь начинала казаться осиротелою, подобною евангельской вдовице, денно и нощно вопиющею к органам правосудия мира: рассудите меня с противниками моими (Луки, XVIII, 3). То обстоятельство, что во дни православной страстной седмицы кругом раздавались звуки светлого праздничного ликования, еще более углубляло чувство сиротства, еще более сближало переживания православных с пережитым апостолами и мироносицами.

Всеведущий Спас наш предвидел эту опасную возможность навязчивого сознания сиротства и посему оставил верующим утешительное обетование: «Я не оставлю вас сиротами» (Иоанна XIV, 18). «Я с вами во все дни, до скончания века. Аминь» (Матф. XXVIII, 20). «Вот Я стою при двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, Я войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною» (Апок. III, 20). «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. XVIII, 20). «Забудет ли женщина младенца своего, чтобы не пожалеть рожденного из чрева своего? Но если бы она и забыла, Я не забуду тебя» (Ис. XLIX, 15). Слово Господне непреложно. Пребывание Господа с верующими никогда не прекращалось. Неопровержимые доказательства общения Христа с верными запечатлены на всех страницах истории Церкви. Приспело

время и поприще святых апостолов заняли преемники их, не слышавшие и не видевшие Христа лично. Но и к ним Христос, всегда пребывающий в Церкви, был неизменно близок. И они не были сиротами. С сверхчеловеческим мужеством шли проповедники и исповедники Христа на самые ужасные мучения, то посмеиваясь над мучителями, то с радостью славя Бога, то наставляя и укрепляя братьев по вере. Когда архидиакона Лаврентия положили на раскаленную докрасна железную решетку и бок его прогорел на огне, он обратился к мучителям: «Этот бок изжарился, переверните на другой». Про святого мученика Феодора мученические акты повествуют, что он, сгорая в пламени, пел хвалу Богу, как бы находясь в месте прохлаждения. Святой Киприан утешает своих соузников: «Блаженны связанные ноги, спешащие в рай». Женщины и малые дети соперничали с мужами в мужестве. На месте каждого замученного становились сотни и тысячи готовых принять мучения. Кровь мучеников поистине становилась семенем христианства. Языческий мир уставал изобретать пытки и казни и сам пал к ногам Христа. Христос, неизменно пребывая в Своей Церкви со Своими верными учениками, Сам укреплял их, утешал, ободрял, умудрял и чрез них покорял противников Своих. «Победил Ты меня, галилеянин», – возопил умирающий Юлиан Отступник и в этом вопле слышится вопль побеждаемого Христом христорочества.

Наступили, наконец, золотые дни и века для христианства. Имя Христово стало превыше всех имен. Дух Христов стал витать над всеми сторонами жизни человека. Все то святое, высокое, благородное, что составляет ныне украшение человека и его жизни родилось на лоне Христа и Его Церкви. Наука, философия, искусство, мораль, право, быт, – все это всеми своими живыми здоровыми соками обязано Христу. В эту пору ощущения сиротства были чужды христианам. Лишь в последние столетия, и особенно в последнее десятилетие, вновь возобновились гонения на Христа и Его Церковь. Не по вине Христа и Его учения, не по вине Его Церкви, но не без вины тех, кто носит имя Христово, кто говорят и действуют во имя Христа, стали раздаваться сначала робко, а потом все

смелей и смелей голоса против Церкви Христовой, христианства и против Самого Господа. Время от времени от слов стали переходить и к делам, к открытым восстаниям против Христа и открытым гонениям на Церковь и христиан. Всем памятни яркие вспышки этого рода во Франции. Но самым ярким восстанием против Христа и христианства, несомненно, является то гонение, которое в настоящее время охватывает значительную часть современного мира. Как во дни Римских императоров, гоненье на Христа и Его Церковь начало опять становиться общественным и государственным. Уже не отдельные только лица и группы лиц воют против Христа и Его Церкви. Один из громаднейших и могущественнейших государственных аппаратов мира напрягает всю свою мощь, все свои материальные и интеллектуальные силы, чтобы разрушить Церковь, искоренить христианство, изгнать Христа. Вновь призваны к жизни все прежние методы гонения. Изобретаются новые приемы. На исходе второго тысячелетия своей жизни христианская Церковь вновь переживает все ужасы гонения. Храмы разрушаются, закрываются, обращаются в клубы, тюрьмы, склады, танцклассы, музеи и учреждения, о которых срамно говорить. Очаги христианской науки и просвещения закрываются. Священные книги публично сжигаются на площадях. Предметы религиозного почитания подвергаются всевозможным гнуснейшим поруганиям. Живые церковные силы истребляются способами, до коих далеко Нерону и Диоклетиану. Религиозные организации подвергаются разгромам. Некоторые из них, например монастыри, упразднены.

Жесточайшими, грубейшими мерами подавляются даже частные проявления религиозной веры. Жесточайшие приемы гонений направлены именно против православной Церкви, являющей собою чистейшее воплощение заветов Христа. С глубочайшею скорбью приходится свидетельствовать, что, как это наблюдалось и в первые дни христианства, к многострадальной Церкви окружающие относятся одни с тупым равнодушием, другие с злорадством, а третьи не стыдятся способствовать гонителям. Беззащитною, одинокою, обреченною на беды сиротою начинает казаться ныне многим

святая Православная Церковь. На виду у всего мира истекает она кровию от каждодневно умножаемых ран. По силе возможности враги и соседи приступают уже к дележу окровавленных риз, «метающе жребий, кто что возьмет». Начинает нарождаться сознание беспросветного горького сиротства.

Но, дорогие братья и сестры по вере православной, или вы забыли обетование Христа Спаса: «Я не оставлю вас сиротами». То правда, что гонители довели Православную Церковь до незапамятного внешнего убожества, что жесточайшими приемами устрашения во многих местах православные вновь доведены до необходимости собираться для молитвы и взаимного назидания «дверем заключенным», что на широчайших пространствах православные вынуждены таиться, и поверхностному наблюдателю может показаться, что православие, если не окончательно подавлено, то умалено до последних пределов. Но нам с вами ведомо, что под этою внешнею убогостью таится великое богатство духовное, таится непобедимая сила Христова, «в немощи совершающаяся». Не менее, если не более, чем в пору блеска и славы, мы в праве исповедовать: с нами Бог, и мы не сироты. На протяжении последнего десятилетия угнетаемая и гонимая святая Православная Церковь явила такое множество славных исповедников и мучеников, какого наши черствые и гордые соседи, не стыдящиеся принимать участие в дележе риз святой Церкви, не имеют на протяжении всей своей истории. Нет ни одной епархии в областях, посещенных гонениями, в которой не было бы своих достохвальных мучеников и священномучеников, исповедников и подвижников. Величайшую силу духа являют не только вожди и возглавители нашей веры, но смиреннейшие рядовые чада Церкви. Мы не перечисляем здесь имен, ибо многое множество имен, во главе с именем Патриарха, известно всему миру. Сила Христова действует в святой Церкви с такою очевидностью, что мы не имеем права мыслить себя сиротами. Не оскудела духовная мощь Христа оттого, что совлекли с Него ризы Его и разделили между собою «метающе жребий», и насильники, позарившиеся на ризы Христовы, не

обогатились. Не убудет и в святой Церкви духовная мощь и сила оттого, что ныне Иродианы и Кайафы делят между собою внешнее достояние ее, доводя ее до крайней материальной скудости. Да не смущается сердце ваше тем, что время от времени в недрах самой Церкви обнаруживаются Иуды-предатели, продающие врагам за сребреники интересы и права святой Церкви. Если вы прикинете число Иуд к числу верных, то увидите, что нам еще, слава Богу, далеко до процента Иудина. Не на двенадцать, а на тысячи приходится у нас один Иуда. Да не смущается сердце ваше и тем, что враги возводят на нас всякие небылицы, обзывая нас и врагами народа, и врагами «строю». Такие обвинения клеветнически возводились в свое время и на Господа нашего. Говорят, будто редеют наши ряды, но разве не редели они в свое время и около Господа на Голгофе? Тот же Господь, который нам оставил утешительное слово: «Я не оставлю вас сиротами», оставил нам и другое утешительное слово: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец благоволил дать вам Царство» (Луки XII, 32). Сила наша не в количестве, не во внешней мощи и блеске. Умалается ли, умножается ли наше число, сила наша в сознании, что Христос воскрес и пребывает с нами, что в Его руке, а не в руках наших врагов и наше настоящее и наше будущее. Христос воскрес и врагам вновь Его не умертвить. Жив Христос, а с Ним жива будет и пребудет во веки и Его святая Православная Церковь, верующая, что Христос воскрес и, согласно Своему непреложному обетованию, не оставит ее сиротою.

1927. № 484. С. 1.

Господин Великий Новгород

Когда речь идет о Господине Великом Новгороде, воображению предносятся картины необузданной удалой вольности. Летописные черты из истории и быта Великого Новгорода напоминают черты из былинного богатырского эпоса. Удалой богатырь и велик, и силен, и богат, а главное – свободен. Он сам себе господин, никакой воле, кроме своей собственной, не подчинен. Он дорожит свою вольностью и за нее готов на все жертвы. На каждое покушение на его удалую вольность у него всегда наготове и меткое слово, и

решительное дело. Князь ли покушается на его вольность, ему заявляет вольнолюбивое вече: «Ты сам по себе, а мы сами по себе», – и ему «кажут путь из Новгорода». На попытку навязать Новгороду неугодного князя вече шлет отцу претендента: «Коли у твоего сына две головы, то присылай его». Вольное Новгородское вече мало дорожило своими выборными князьями, посадниками, тысяцкими и сменяло их часто по самым разнообразным поводам, но чаще всего за нарушение новгородских вольностей. Лишь в области святой православной веры Новгород не позволял себе вольничать. Ее он хранил в святой чистоте, ее оберегал ревностно и ее авторитет признавал беспрекословно. Удалой богатырь, не признававший над собою никого и ничего в этом мире, пред величием Бога смиренно преклонялся и всю свою жизнь стремился поставить под покров религиозных верований и религиозных святынь. По центральному храму новгородцы свой город именовали городом святой Софии.

Верность святой вере для новгородца была не только религиозною, но и патриотическою добродетелью. Идя отражать врага родного вольного города, новгородцы говаривали: «умрем честно за святую Софию», про павших в бою говаривали: «Главы своя положиша за святую Софию. Без благословения своего владыки (архиепископа) новгородцы не предпринимали ни одного важного дела. За его примирительным словом обращались к нему в спорах. Когда на вечевых собраниях разгорались страсти и удалые новгородцы от словопрений переходили в свалку не на жизнь, а на смерть, только кроткий, но авторитетный голос владыки мог положить конец губительному бою. Летописцы, изображая быт новгородцев, с восторгом отмечают в новгородцах их непоколебимую верность вере и смиренную покорность ее велениям. Для единоплеменных соседей новгородцы были предметом некоторой зависти, но вместе с тем и предметом восхищения, ибо Новгород сумел сочетать в себе черты русского национального идеала – богатырскую удаль и мощь, свободолюбие и действительную вольность со смиренным добровольным подчинением себя велениям Бога.

Нет ничего удивительного, что об утрате Господином Великим Новгородом вольности с глубочайшею скорбью говорят и летописцы и любезные народному сердцу песни: с падением вольного Великого Новгорода разбилась воплощенная русская народная мечта о богатыре удалом и вольном и вместе с тем смиренно благочестивом. Интересны и характерно-выразительны легенды, которыми народ окружил падение вольности своего любимца. Внешнее падение легенда объясняет предшествующим духовным падением. Незадолго до падения Новгорода, гласит одно из таких преданий, с далекого севера прибыл в Новгород знаменитый подвижник, основатель Соловецкого монастыря преподобный Зосима, хлопоча о нуждах своей обители. Пошел он и к богатой боярыне Марфе Посаднице (вдове посадника). Эта боярыня пользовалась громадным влиянием в новгородских боярских кругах и сумела склонить бояр связать судьбы Новгорода с «латинскою» Литвою, в явный ущерб православной Москве. Не только в Москве, но в других православно-русских областях и в самом Новгороде поступок Марфы и ее приверженцев объявили позорным для православного Новгорода. Преподобный Зосима, конечно, об этом деянии Марфы и бояр знал и, вероятно, относился к нему неодобрительно. Марфа не только не приняла старца, но велела своим холопам прогнать его со двора. Преподобный, покидая двор Марфы, сказал: «придут дни, когда живущие в этом дворе не будут ступать по нему ногами своими, затворятся ворота и не отворятся более и запустеет этот двор». Вероятно, холопы передали Марфе слова преподобного; она призадумалась и одумалась, тем более, что ей стало известно, как радушно принимают Зосиму ее политические противники – бояре, расположенные к Москве. Она послала просить преподобного посетить и ее дом и благословить ее. Преподобный пришел. Марфа устроила званый обед, на котором присутствовали знатнейшие новгородские сановные бояре из сторонников Литвы. Старец оглядел гостей, покачал головой и, склонившись, заплакал. До яств и питий Марфы преподобный, несмотря на просьбы хозяйки, и не дотронулся. «Что с тобою отче?» – «Смотрю я на бояр и вижу, что многие из

них без голов». Слова старца, говорит жизнеописатель его, были поняты лишь тогда, когда в 1471 году после Шелонской битвы победитель, Иоанн III, велел отрубить головы новгородским боярам – сторонникам Литвы. Задумав окончательно предаться «латинской» Литве, бояре – сторонники Марфы Посадницы – выпросили у литовского короля для Новгорода в качестве наместника князя Михаила Олельковича. Плохо мирились с этим новгородцы, но Москва с этим примириться не могла. Предстояла борьба. Посадник Немир, принадлежавший к числу сторонников Литвы, поехал в Клопский монастырь к блаженному старцу Михаилу посоветоваться. Блаженный старец задал посаднику вопрос: «Откуда ты?» – «От своей пратеци (тещиной матери)». – «Что, сынок, у тебя за думы, о чем это ты все ездешь с бабами советоваться?» – «Слышно, – продолжал посадник, – летом собирается на нас походом князь Московский, а у нас есть свой князь Михаил Олелькович». – «То, сынок, не князь, а латинская грязь, – возразил блаженный, – шлите поскорее послов в Москву, бейте там челом Московскому князю, провинились вы пред ним, связавши православный Новгород с латинянами, а не то придет с великими силами, а вам, если и выйдете против него, не будет Божьего благословения, перебьет он многих из вас, а еще больше того в Москву сведет, а ваш князь Михаил поедет в свою латинщину и ни в чем вам не поможет». Как предсказал блаженный, добавляет летописец, так все и случилось. Погиб великий вольный Новгород, потому что «бабым умом стал жить и связался с погаными».

Роковые для Новгорода походы Иоанна III летописцы изображают как религиозно-карательные походы. Москва и другие православные области шли покарать новгородцев «за измену православию и отпадение в латинство», «освободить Новгород и святую Софию из рук неверных». После первого победного похода 1471 года новгородцам еще дали срок «одуматься». Но новгородцы не «одумались». Они продолжали «советоваться с бабами», «жить бабым умом» и тяготеть к латинской Литве. По втором сокрушительном карательном походе (1478) Иоанн и его союзники признали новгородцев

неисправимыми, вече упразднили, вечевой колокол и роковую Марфу с ее главными приверженцами отправили в Москву, а самый Новгород и святую Софию во ограждение от латинства всецело присоединили и подчинили верной православной Москве. В таком повествовании летописцев, конечно, многое недоговорено. Не только ревность о православии руководила Иоанном. Но, во всяком случае, ярко и правдиво подчеркнуто отношение русских широких кругов к вере отцов, к ее центрам и ее святыням.[17]

1927. No 512. С. 1.

К приезду англиканского епископа

«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы».

Василий Великий

Дружественные отношения Православной Церкви с Англиканскою епископальною церковью имеют уже почтенную давность. Основоположниками этих добрых взаимоотношений являются англиканский епископ Камбель и православный митрополит Фиваидский Арсений, в 1716 году прибывший в Лондон по делам египетских православных христиан. Этими двумя приснопамятными иерархами был впервые поднят вопрос о сближении и единении англикан с православными. По их благу почину начался обмен дружественными посланиями между англиканами и православным Востоком. «Мы весьма обрадовались, – отвечают восточные патриархи англиканским иерархам, – приняв как должно ваше благочестивое и благое намерение, ваше попечение и усердие о соединении церквей: такое единение является основным молитвенным желанием верных, оно благоугодно Господу и Богу нашему Иисусу Христу. Который условием общения с Собою поставил для священных учеников Своих и апостолов любовь, согласие и единомыслие» («Послание Восточных патриархов»[18]). На ближайшей же Кентерберийской «конвокации» (соборе) англиканские иерархи вопрос о сближении и соединении церквей сделали предметом подробного обсуждения. Выработав краткое двенадцатичленное исповедание веры и присоединив к нему изъяснение, в чем именно англиканская церковь согласна с восточною и в чем отличается от нее, англиканские иерархи препроводили этот

соборный документ восточным патриархам. Восточные патриархи в ответ прислали краткое изложение православной веры, присовокупив: «наши догматы и учение исследованы, определены и утверждены святыми Вселенскими Соборами, прибавлять к ним или отнимать от них что-либо, непозволительно. Желющие согласоваться с нами в божественных догматах должны в простоте и послушании последовать им и принять их и подчиниться всему, что постановлено и утверждено святыми Вселенскими Соборами». Одновременно британские иерархи завязали (через того же митрополита Арсения Фиваидского) дружественные сношения и с Российским Святейшим Синодом, который во все последующее время стал не только активным участником сношений с англиканами, но и посредником между восточными патриархами и англиканами. Два столетия с небольшими перерывами (во время войн) идут эти дружеские сношения православных с англиканами. Ближайшим плодом этих сношений явился целый ряд посланий, которыми обменивались переговаривающиеся стороны. Через эти послания переговаривающиеся разносторонне знакомятся друг с другом. Все эти послания дышат духом глубочайшей христианской мирности, терпимости и искреннейшим желанием достигнуть единения веры. По затронутым в посланиях вопросам и на английской, и на русской почве создавалась обширная литература, стремящаяся посылить той же святой цели, которая вызвала к бытию послания. И в Англии, и в России создались специальные общества сближения и единения церквей. То обстоятельство, что после двух столетий переговоров и взаимного ознакомления вожденное единение еще не достигнуто, сторонников единения не смущает. Для великого дела потребен и срок немалый. В великом деле нетерпеливость и спешка неуместны. Оно должно быть всесторонне продумано, всесторонне подготовлено, оно должно быть до полной зрелости выношено в сознании верующих, оно предполагает терпеливую разумную постепенность. За каждою нашею литургиею мы слышим премудрое слово: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы». Чтобы придти к

единомысленному исповеданию веры, мы должны сначала путем, хотя бы и длительного и даже весьма длительного, взаимного ознакомления, ознакомления подробного и всестороннего научиться уважать и любить друг друга, тогда сама собой незаметно и постепенно придет для нас возможность и потребность общности исповедания. Факт неоспоримый, что длящиеся два столетия переговоры сделали не малое дело. Между православными и англиканами установились отношения прочного взаимного уважения и взаимной любви. Многократно и многообразно это засвидетельствовано и в устном и в печатном честном искреннем слове, а последние горестные обстоятельства жизни Православной Церкви породили яркие проявления этого и в живых святых делах. Кому неведомо о горячих молитвах, повсеместно возносимых англиканами за страждущую Православную Церковь? Кому неведомо, что освобождением первоиерарха Православной Российской Церкви из ужасных уз мы в свое время были обязаны и англиканскому первоиерарху? О некоторых делах любви Англиканской церкви к православным еще пока не пришло время говорить открыто, но мы православные все знаем и про эти дела. Само собою понятно, что на все такое наши сердца отвечают англиканам искреннейшим уважением и любовью. Общение любви достигнуто. Когда это Господу угодно будет, Он благословит нас и общением веры, общностью исповедания.

29 мая 1927.

1927. No 519. С. 2.

Выступление архиепископа Иоанна в думе Культурного фонда

Вчера состоялось заседание думы Культурного фонда. Между прочими пособиями следует отметить пособие в 1000 лат Русскому просветительному обществу и Русским университетским курсам – 1000 лат.

Архиепископ Иоанн указал, что на просветительные нужды русского населения через организации отпускаются далеко не те суммы, которые следуют русским пропорционально их процентной численности в Латвии. Русские вместо 14 000 лат

получили всего 3000 лат. Архиепископ просил, чтобы имеющиеся 1000 лат были распределены между 7 русскими просветительскими организациями, которым отказано в пособии. Социал- демократ Мориц отметил, что пособия культурного фонда вообще распределяются неправильно. Архиепископу Иоанну возражали социал-демократы Дукурс и Декенс.

В результате прений по поводу распределения 1000 лат между семью русскими организациями решено выдать пособия по 200 лат пяти русским организациям из предложенных архиепископом Иоанном семи, а именно: Аукшпилскому волостному Пушкинскому просветительскому общву, Гаврскому русскому просветительному обществу, Корсовскому русскому культурному обществу, Катценскому волостному культурному обществу и Скрунденскому русскому культурному обществу.

1927. No 524. С. 3.

Архиепископ Иоанн об обращении Временного патриаршего совета

Опубликованное на днях обращение Временного патриаршего совета к советскому правительству, ставящее вопрос об отношении православного духовенства к советской власти, побудило нас обратиться к высокопреосвященному Иоанну за соответствующим пояснением. В любезной беседе с нами владыка Иоанн высказал свой глубоко интересный взгляд на сущность и характер этого «обращения».

Те вечные нормы, на основе которых существует святая Православная Церковь по всему лицу земли священны, общеизвестны и общеобязательны всем православным. Но помимо этих вечных норм, заключенных в неподлежащем никаким изменениям учении Православной Церкви, в каждом государстве, где существуют поместные организации Православной Церкви, церковным деятелям приходится по взаимному соглашению с предержащими властями вырабатывать временные, поместные нормы, определяющие в пределах данного государства взаимоотношения Православной Церкви и государства. Эта необходимость налицо и в молодой Советской республике. Не только для Церкви, но и для

государства, среди граждан которого насчитывается много миллионов убежденных православных, необходима ясная определенность взаимоотношений. В опубликованном «Обращении Временного патриаршего синода» мы имеем дело с попыткой установить те основные положения, на основе которых Православная Всероссийская Церковь находила бы возможным строить свои взаимоотношения с предержащими властями СССР. Эта попытка имеет ряд предшественниц. Первые попытки этого рода были сделаны Патриархом Тихоном. Не останавливаемся на них, ибо они общеизвестны. Попытка этого рода была сделана и местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром. Эти первые попытки не привели ни к каким реальным результатам, между прочим потому, что предержащие власти СССР не видели для себя серьезной необходимости нормировать положение Православной Церкви в СССР. Эти власти в ту пору еще жили обольстительной надеждой искоренить в пределах СССР всякую религиозную веру, разгромить все религиозные организации и, в частности, Православную Церковь с ее многомиллионным составом верующих. Однако на исходе десятого года своего существования советская власть не может не видеть, что десятилетние напряженнейшие усилия к желанным результатам не привели. Религиозная вера искоренению не поддается. Те, кто регистрируются в качестве безбожников, не всегда это делают искренне, а часто из соображений чисто житейского характера. Фронт безбожников, за 10 лет сумевший наберечь 1/2 процента всего населения СССР, и количественно ничтожен и качественно ненадежен. Перед руководителями жизни СССР не может не вырисовываться серьезнейшего характера вопрос: если союз советских республик будет поставлен перед лицом серьезнейших международных испытаний, то будут ли люди глубокой религиозной веры защищать союз, руководители и повелители которого в течение десяти лет с беспримерным ожесточением работали над искоренением религиозной веры? Особенно, если борьбу придется вести с народами, борющимися под знаменем религиозной веры? Былая

национальная спайка русской России ослабела до крайности, а новая интернациональная социалистическая спайка широкими массами воспринимается далеко не в той степени, в какой желали бы проповедники ее. Все это вместе взятое невольно выдвинуло и открыто поставило между прочим вопрос об отношении верующих к союзу на случай международных осложнений. Момент для верующих более благоприятный, чем когда бы то ни было за истекшие 10 лет. Именно в такой момент Господь судил вступить в исправление обязанностей патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию. Митрополит Сергей и по свойствам своего личного характера, и по традициям Православной Церкви, несмотря на щепетильность положения Советов, заговорил с ними о положении Православной Церкви в СССР в духе глубочайшего смирения и кротости. В своем меморандуме, поданном властям тотчас по вступлении в исправление обязанностей заместителя Патриаршего местоблюстителя, он, минуя горестные воспоминания о десятилетнем бесправном кровавом былом Православной Церкви в союзе СССР, говорит о необходимости легализации Православной Церкви в СССР с точки зрения справедливости и обоюдной пользы как для Церкви, так и для СССР. Просьбу меморандума Советы удовлетворили лишь отчасти: легализировал лишь самого митрополита Сергея в качестве исполняющего обязанности местоблюстителя Патриаршего престола и разрешил ему организовать при себе временный Синод. Вопрос о легализации епархиальных и уездных органов и созыва собора оставлен открытым с очевидною целью поставить исполняющему обязанности местоблюстителя и его органам условия дальнейшей легализации. Если мы не ошибаемся, то только что опубликованное «Обращение временного священного патриаршего Синода» и является ответом на поставленные Советами условия. Разбираясь и в содержании, и в стиле «Обращения», мы пришли к заключению, что некоторые тирады «Обращения» являются весьма близким к подлиннику повторением поставленных условий. Нам кажется, что «Обращение» является лишь подписанием со стороны

митрополита Сергия и Синода предложенного им конкордата (соглашения). На этом конкордате мы еще не видим подписи представителя Советов. Советы, очевидно, для соблюдения своего престижа делают вид, что они в подписании конкордата не особенно заинтересованы. Очень может быть, что Советы намерены приторговать еще какие-нибудь условия, а может быть и вовсе не подпишут его, и все случившееся тогда получит лишь характер демонстрирования капитуляции Церкви пред Советами. Последнее едва ли было бы выгодно для Советов. Церковь в «Обращении» засвидетельствовала максимум возможной христианской лояльности, это лояльность «не взирая ни на что». Если Советы и после этого «Обращения» будут держаться политики нетерпимости, верующие будут иметь все права сделать следующие отсюда выводы. На конкретных данных, содержащихся в «обращении» и опубликованных и в советской, и заграничной прессе, если будет надобность, остановимся потом.

1927. № 603. С. 2.

Обновленческий юбилей

Краткий пятилетний срок трудно подогнать под церковное понятие юбилея, однако московские обновленцы решили официально праздновать 5-летний юбилей своей деятельности. Строго говоря, и этот скромный юбилейный срок преувеличен. В него включен и краткий бесславный век организаций пресловутых Антонина[19] и Красницкого[20], уже успевших скончать дни свои и притом в полном разрыве с обновленцами. Празднование дутого юбилея было задумано широко и в Москве и по всему Советскому Союзу, с привлечением к участию в торжестве и восточных патриархов и соседних автокефальных Церквей. Но шумная рекламно-агитационная затея, как об этом свидетельствует юбилейный номер обновленческого «Вестника», кончилась конфузно. Пропечатанные в юбилейном номере грамоты двух восточных патриархов не заключают в себе ни признания обновленчества, ни обновленческой работы, а являются лишь сдержанно-вежливым ответом на пасхальные поздравления обновленческого синода. От прочих восточных патриархов, очевидно, и этого рода «послания» не получены.

Грузинская и Украинская автокефальные церкви выражают удовлетворение признанием их автокефалии, ограждающей их от навязывания им московских новшеств, от которых обе эти церкви открещаются весьма решительно. Содержание немногочисленных поздравлений из обновленческих «епархий» может быть сведено к формуле: дела плохи, но крепимся, опираясь на дерзновение центра. Центром торжеств была Москва, но и здесь торжества прошли под знаком уныния. Советские власти к обновленчеству охладели. Массы по-прежнему враждебны. Вожди тихоновщины по-прежнему дерзновенны и по-прежнему владеют верующими массами. Обновленческое торжество вынуждено было замкнуться в тесный круг «своих», далеких от настроений торжества. Но раз объявлено торжество, надо торжествовать, хотя бы в докладах. Круг торжественных докладов открыл Вениамин Муратовский[21], ныне обновленческий митрополит Московский. Престарелый Вениамин задался целью раскрыть в назидание юнейшим, как и почему он на старости лет изменил родной церкви и сделался обновленцем. Этот бывший столичный викарий, в свое время усиленно тяготевший к столичным аристократическим салонам и «сферам», усиленно подлаживавшийся во всем ко вкусам и капризам салонов и сфер, возвестил, что он измлада неизменно и активно был привержен к течениям и кругам пролетарским. Изменила ли ему старческая память или ослабела совесть? Одно несомненно, что кажущегося крутого перелома в своей идеологии и поведении он не объяснил. Слушатели неудобными вопросами старика искушать не стали, но в староцерковнических кругах упорно держится убеждение, что в докладчике никакого внутреннего переворота для перехода в обновленчество и не потребовалось: для безличного старого закоренелого сервилиста переменялась только обстановка, а он по существу остался, чем был – сервилистом, готовым прилаживаться и прислуживаться к любому режиму, к любой обстановке. Сервизм, грубейший сервизм – основная черта московского обновленчества и его вождей, и сервилист Веньямин Муратовский достоин возглавлять синод сервилистов.

Юбилейный доклад Николая Платонова[22] «об истоках обновленчества» поделом напечатан в старом и томном конспекте, ибо не докажешь, что репейник родился от виноградной лозы. Профессор Зарин[23], докладывая об «идеологии обновленчества», в прислужническом усердии договорился до отрицания значения церковных догматов и канонов, по слову Христа, будто бы ценно только исполнение «обязанностей». Для чего это ему понадобилось? Для того, чтобы сказать, что обновленческая церковь «не может не благословлять тех», кто «совершенствуют общественные отношения» «под другими лозунгами»: «они – по Зарину – не враги Христовы», хотя сами они называют себя врагами всякой религии как «опиума для народа». В стремлении оправдать женатый епископат, профессор поведал, что большинство апостолов «имели жен». Об источниках таких своих сведений профессор, конечно, умолчал. На долю протопресвитера Красоткина[24] выпала тяжелая задача говорить «о достижениях и перспективах обновленчества». Иметь дело с конкретными фактами и цифрами докладчик не захотел, а предпочел путь огульных заявлений. Обновленчество желает дать церкви школу, прессу, активную церковную работу мирянам... Как будто этого не желают и староцерковники? Данное во всех этих областях старою Церковью зафиксировано в истории от святого Владимира и до днесь. А что дали обновленцы, ведомо им самим и, пожалуй, покровительствующим им учреждениям. Протопресвитер Юницкий в докладе «О положении белого духовенства» дал конспективное обозрение (по учебнику Знаменского) имен и трудов белого духовенства от дней святого Владимира и до днесь с готовностью отнести всех бельцов к обновленцам, благо покойники не протестуют. Про чернецов у него нашлось в запасе несколько анекдотов, а великие труды и заслуги чернецов от Антония и Феодосия Печерских и до днесь и черного епископата Юницкому на память не пришли. Такова уж обновленческая память. Возвеличив бельцов, чернецов он огульно осудил. Того требует обновленческий этикет. Цикл юбилейных докладов закончился докладом профессора Покровского[25], приравнявшего «тихоновщину донатизму»[26].

Едва ли и сам профессор серьезно убежден, что проведенная им аналогия основательна, но обновленческий этикет требовал, чтобы ради праздника обновленчества староцерковникам было насолено, и профессор сделал, что мог: использовал всю свою эрудицию, чтобы хотя по отдаленной аналогии уподобить ненавистных староцерковников раскольникам-донатистам. Соль этой аналогии до тихоновцев, особенно тихоновских масс, несомненно, вовсе не дошла, но гнетомые озлоблением и унынием, обновленцы-юбиляры, как говорится, душу отвели и, веря не веря в свое долгоденствие, запели сами себе «многая, многая лета». Говорят, что мухи к осени пред концом своим особенно злы. И обновленчество, по-видимому, переживает настроение своей осени. Чувствуют, что «зима хочет бытии».

Конец приближается.

1927. № 616. С. 2.

О Руси страждущей

Речь архиепископа Иоанна, произнесенная на открытии в Режице памятника воинам, павшим в мировую войну

В последнее десятилетие на ту землю, которой благочестивый народ ее заслужил почтенное название Руси Святой, обрушились несказанные бедствия. И земля, и народ стали «притчею во языцех». В военных бурях и бурях междоусобиц утрачены былые величие, могущество и слава. Столетиями накопленные духовные и материальные богатства, обеспечивающие возможность высокого благополучия, ими уничтожены или разгромлены. Частью уничтожены, частью разгромлены и живые силы великой страны.

Миллионы сынов Руси святой полегли на полях международной и междоусобной брани. Беспризорные могилы их разбросаны по всей Руси и по всему миру. Миллионы разных чад Святой Руси, подлинных русских людей отрезаны от единого великого русского национального организма новыми границами государственных новообразований. Русские люди, еще так недавно по исконной традиции и в силу завоеванного кровью права мыслившие себя законными хозяевами судеб своих и своего достояния, вынуждены стать в подчиненное положение по отношению к новым государствам, к нациям,

которые в течение долгих столетий были в подчинении у Руси и русских.

Им не дано уже жить и развиваться в естественной связи с основным ядром русского народа. Пограничная межа отрезала их от основного ствола национального древа. Не широка эта роковая межа, шагом перешагнуть ее, но она стала фактически похожа на пропасть непроходимую. Перешагни ее, хотя бы отец к сыну или сын к отцу, и шаг может стать роковым. Межа сделала то, что всякий из-за межи, с той стороны межи поюстороннему враг, опасный чужанин, подлежащий или насильственному выдворению, или насильственному уничтожению. Брат уже не брат, отец уже не отец, сын уже не сын, если он за межой, а опасный супостат.

За межой родные национальные и религиозные святыни, созидание которых дело твоих предков, может быть, и твое личное дело, но они уже недоступны тебе, потому что межа отделила тебя от них. Может быть, и за межой ты полноправнейший гражданин, пользующийся всеми видами защиты закона, всеми благами и преимуществами нового твоего гражданства, но ты уже для своей родной земли, русской земли, не только не полноправный гражданин, а опасный чужанин. Ты русский по телу и духу, но русский, ограниченный в правах именно на Руси. Что для национального сознания и национальных устремлений такое положение чревато многими тягчайшими искушениями, многими горестями, это не подлежит сомнению. Нелегко родному сыну стать в положение пасынка.

Еще тяжелее положение тех сынов Руси Святой, коих злое лихолетье миллионами повыбрасывало из родной земли в безымянное пространство. Все так называемые беженцы, эмигранты, нансенисты лишены родного гражданства, и большинство из них не принято ни в какое гражданство. По всему миру рассеялись они в качестве бездомных странников, обреченных на повсюдный грубейший произвол и усмотрение. Всюду и всем они не «свои», чужие. Руководясь произвольным усмотрением, их или принимают, или отвергают и изгоняют «без объявления причин».

Ведомы случаи, когда и отдельным этого рода странникам, и целым группам их буквально некуда деваться, одни их гонят, а другие не принимают. Куда бы ни направились такие странники, всюду их прибытие объявляется незаконным. Их без вины виноватых встречают суровым: «Или уходите, или садитесь в тюрьму». Уже не редкость русский странник, без вины перебывавший в тюрьмах едва ли не во всех частях света. Истомленный суровостью мира бросается иногда такой странник в родные пределы, но и здесь он встречает не признание и приют. Обычно после долгих и тяжелых мытарств по различным застенкам его ждет, невзирая на былые заслуги пред родиной, невзирая на незапятнанную чистоту совести и имени пресловутая «стенка».

Таковы испытания, сужденные русским людям, волею или неволею расставшимся в лихолетье с родиной. Вести правдивые о переживании русских на Руси редко прорывают железную стену пограничной охраны. Но содержание подлинных свитков, отражающих действительное положение дел на Руси, когда они доходят до нас, всегда суммируется в выразительной надписи на свитке древнего пророка: «плачь, рыдание и вопль». Все духовные и материальные ценности или разгромлены, или разгромляются. Ярмо порабощения низвело людей до положения рабочего скота. Работать приходится не только под нагайкою и кнутом, но под смертоносными дулами и жерлами. На кого работают? На себя? На благое общее дело? Только на поработителей. Все живые, искренние проявления национального духа великого народа порабощены. Вооруженная «до зубов» цензура нещадно истребляет не только творения текущего дня, но и достижения русского гения прежних времен.

Некогда певец русской скорби вопрошал: «укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал?»[27] Ныне ему можно бы смело ответить: «назови мне такую обитель, где бы русский народ не стонал». Разутый, раздетый, полуголодный, измученный, израненный в язвах стонет не только русский мужик, но и русский рабочий, и русский интеллигент, и весь, весь русский народ на развалинах былой Руси, былого могущества и славы.

Когда мысленно обозреваешь картины человеческих страданий, занесенные на страницы истории, кажется, что на протяжении тысячелетий дано одно единственное подобие страданий русского народа в истории многострадального праведного Иова. Сатана позавидовал благоденствию праведного Иова. Сатанисты позавидовали благоденствию Руси Святой. Попущением Божиим сатане было дано испытать веру и верность Иова отнятием у него богатства, могущества, славы, домочадцев и чад, низведением на него жесточайших страданий.

Только попущением Божиим дано и современным сатанистам испытывать веру и верность Руси Святой отнятием у нее вековых богатств, векового могущества и славы, чад и домочадцев и повержением, ее в бездну унижений и страданий.

Всеми отвергнутый прокаженный «бездомок» Иов на гноище исповедал: «Господь дал, Господь – взял. Да будет имя Господне благословенно». С основы этого исповедания его не могли сдвинуть ни лишения, ни страдания, ни издевательства завистников и врагов, ни легкомысленные советы друзей и близких. Мы знаем конец истории Иова. Господь Всеправедный благословил верного раба Своего вновь и здоровьем, и богатством, и честью, и славой, и могуществом, и вновь окружил его и любезными сердцу чадами и верными домочадцами.

Конца судеб многострадального Российского Иова мы еще не зрим. Но верующие, собравшиеся сегодня здесь на могилах чад Российского Иова, погибших во время всемирной бури, раздутой всемирными сатанистами, имеют уже днесь все основания с уверенностью предполагать, каков должен быть конец судеб многострадального Российского Иова. Весь мир тому свидетель, что Русь Святая, лишившись богатства, могущества, славы, многих чад и домочадцев, израненная миллионами ран, униженная, поносимая, оставленная в сиротливом одиночестве, ожесточенно толкаемая сатанистами на путь хулы и отвержения Бога, продолжает упорно хранить верность Богу и твердить: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно; Он упование мое отныне и

до века». Испытав пред очами всего мира чрез сатанистов верность и веру Руси Святой, Всеправедный Господь соделает мир и свидетелем воздания за верность. И подобно туче, пронесшейся над нами, сгинет мрак, охвативший русскую землю, и взойдет солнце ясное. Мир еще узрит Святую Русь исцеленною от ран, вновь могучую, вновь богатую, вновь славную, вновь радующуюся о множестве чад и домочадцев своих, частью вновь нарожденных, частью из пленений и странствий возвращенных. Сегодняшнее наше торжество, посвященное памяти чад Святой Руси, павших в военную бурю, воздвигнутую на Русь сатанистами, да служит исповеданием такой нашей веры. Пусть этот памятник чадам и домочадцам многострадального Российского Иова служит созерцающим его предостережением от преждевременных, легкомысленных суждений о былых, текущих и грядущих судьбах Святой Руси.

«Если вол и осел могут забыть ясли Господина своего, если и родная мать может забыть чад своих, Господь никогда не забывает верных своих» (Исайя).

1927. No 632. С. 2.

Речь архиепископа Иоанна по поводу латвийско-советского договора

Общеизвестно, что я являюсь убежденным сторонником договорного регулирования отношений Латвии с ее большим восточным соседом. С русским народом население Латвии связано и кровно, и культурно, и экономически, и географически, и исторически. Этих всесторонних уз никакая сила не может рассечь. Здравый политический смысл должен искать не рассечения их, а разумного регулирования их к обоюдному благу вековых соседей.

Приятно видеть, что к сознанию этой необходимости в последнее время начинают приходить даже такие политические группировки, от которых, по недавнему их поведению никак нельзя было этого ожидать. К сожалению, первое конкретное начинание, на котором новоявленные сторонники русского Востока решили засвидетельствовать перемену своих настроений, должно быть признано с точки зрения интересов суверенной демократической Латвии, безусловно, неудачным.

Торговый договор в той постановке и формулировке, в какой его предлагают нам ратифицировать, не только непригоден для целей здорового нормирования отношений двух соседей, но этот неудачно составленный и поставленный договор грозит стать несчастным камнем преткновения на пути нормального хода развития взаимоотношений двух вековых соседей. Договор этот злополучен уже по своему рождению. Подлинными родителями этого договора являются наша правящая социал-демократия и восточные правящие марксисты. Он выражает сближение этих двух правящих групп, а не двух народов. Несоциалистические массы Латвии, наперед настроенные против обоих родителей, наперед преднастроены и против их детища. Ничего доброго для граждан демократической Латвии и для Латвии несоциалисты наши не ждут и не могут ждать. Вся сумма сомнений, опасений, тревог и подозрений, какая годами накопилась в умах и сердцах наших несоциалистов по отношению к восточным марксистам и нашим социал-демократам неизбежно должна была лечь и легла и на их детище – торговый договор. Несмотря на то, что к составлению договора наше социалистическое правительство пристегнуло и некоторые несоциалистические имена, массы смотрели и смотрят на договор, как на исключительно марксистский и притом не столько экономический, сколько политический, а на привлечение к его колыбели и немарксистов, – как на алиментное привлечение, хитроумно скомбинированное для отвода глаз. Недаром этот якобы «торговый» договор составляли не купцы, а политики. Наши правители текущего дня – господа социалисты – углубили эту предвзятую непопулярность договора тою антидемократическою таинственностью, которою окружили колыбель договора. Договор, подписанный еще в начале июня, в течение ряда месяцев содержался в подозрительном секрете не только от масс латвийских граждан, на шеи которых должны лечь обязательства договора, но даже от тех ответственных поверенных народа, рассмотрению и ратификации которых договор должен подлежать. Члены иностранной комиссии Сейма получили на руки текст договора только 1-го сентября

сего года со строжайшим притом наказом ни устно, ни письменно не знакомить никого с содержанием договора. Не только с избирателями, даже с софракционерами по Сейму мы не смели обсуждать договор. Члены других ответственных комиссий Сейма получили текст договора еще позже. Прочие члены Сейма получили его почти что накануне обсуждения в Сейме и при этом, кажется, не все получили его со всеми приложениями. Когда выдан текст договора нашим дипломатическим представителям, об этом ходят странные версии, проверить которые мы пока не имели возможности. Эта небывалая, антидемократическая таинственность сделала договор, непопулярный от рождения, еще более непопулярным. Протест демократического сознания масс выразился, между прочим, в том, что с договором в устах народа связалось множество злобных крылатых словес. Стали и устно и печатно говорить, что наши марксисты хотят принудить Латвию «купить в мешке» марксистскую свинью, совершенно непригодную в латвийских хозяйственных условиях. Стали раздаваться опасливые предположения, что в предлагаемом нам марксистском секретном мешке могут оказаться камни вместо сулимого хлеба и змеи вместо суливых рыб. С того момента, когда один депутат коалиционер, несомненно, детально знакомый со всеми деталями торгового договора, нашел нужным в связи с договором помянуть пресловутого троянского коня, воображению масс стало не на шутку мерещиться, что торговый договор таит в секретных недрах своих возможность хитростью проволочь в Латвию враждебные силы, способные открыть ворота Латвии тем, кто в кругах пресловутой Латсекции и на страницах «Кревияс циня»[28] и тому подобных органов прессы мечтают о конце белой Латвии. Ныне, когда несекретные части договора стали уже достоянием печати, мы встречаем уподобление договора знаменитому plombированному вагону, привезшему в послереволюционную Россию такие силы, которые, как мне кажется, несоциалистическим, демократическим гражданам Латвии более, чем нежелательны на территории Латвии.

Я знаком с договором и в его несекретных и секретных частях, я знаком и с тою постановкою, которую дали ему родители его, наш контрагент мне ведом не только по прессе, не только по его отношениям к Латвии, но, так сказать, в самой натуре, ведомы мне в самой натуре и наши сторонники договора, и я по совести не могу сказать, что тревога латвийских несоциалистических масс не имеет под собою оснований. На основании договорных опытов Латвии и некоторых других стран, и я не только допускаю, но уверен, что по некоторым договорным обещаниям Латвия может не получить ничего или получить совсем не то, что ей обещается. При наличии на территории нашего контрагента таких организаций, как Латсекция, таких агитационных органов печати, как «Кревияс циня», таких военных единиц, как латышские красные отряды, такой политической морали, которая допускает параллельно с ведением переговоров по договорам о сближении организацию широко поставленных шпионских клик в нашей пограничной полосе, мне кажется, не только не исключена возможность использования торгового договора, с его беспримерно неосторожными статьями, и по методу троянского коня, и по методу запломбированного вагона, но мы должны быть готовы, что проделанное в великих державах будет проделано и у нас, в невеликой Латвии, если только мы ратифицируем договор в нынешней его редакции. Сближение двух марксистских групп договором обеспечивается, но не торговли. Если бы даже сторонникам договора тактикою антидемократического секретничанья удалось бы утаить от масс слабые и опасные стороны договора, я, и не имея опоры в массах, голосовал бы против нынешней редакции договора, а ныне же заявляя в сем высоком собрании, что я не желаю быть «толкачом» у запломбированного вагона и троянского коня, что я не желаю вводить Латвию в заведомо невыгодную сделку, я сознаю совершенно определенно, что с моим мнением совпадает и мнение немарксистских масс Латвии. Протащить договор ныне можно, только не считаясь с голосом народа, опираясь преимущественно на положение правящих марксистов. Наш народ может принять этот договор не как

свободный договор между двумя народами, а как договор двух марксистских групп за счет двух народов. Таинственная постановка договора в связи с репутацией авторов его и защитников подняла тревогу не только в Латвии. Тревога охватила страны, связанные с Латвией узами политической дружбы и искренне благожелательные к Латвии. Об этой тревоге нам ведомо и из прессы, которая давно уже не была так плоха для Латвии, как ныне, в связи с злополучным договором, и из официальных документов и сообщений. Договор поставил нас под угрозой потери испытанных верных друзей и под угрозой охлаждения к нам наших неизменных доселе благожелателей. Договор грозит Латвии политической и экономической изолированностью среди держав, добрые отношения с которыми Латвия доселе не без оснований ценила очень высоко. Этот договор обращает Латвию в своего рода клин, раскалывающий цепь лимитрофов. Латвия с заключением договора обращается в своего рода отдушину для восточного соседа, через которую он будет иметь возможность пытаться сплавлять в Европу то, чего эта Европа не желает получать от него непосредственно. Мне кажется, творцы латвийской нашей политики должны принять во внимание и то немаловажное обстоятельство, желают ли лимитрофы видеть ее в качестве клина между собою и желает ли Европа видеть ее в качестве советской отдушины. Если наши юные политики пренебрегут в деле договора мнением Европы и лимитрофов, они могут поставить Латвию в такое положение, что от нее и лимитрофы, и Европа отстранятся в такой как раз степени, в какой они отстраняются от нашего грядущего контрагента, и тогда Латвия будет вынуждена все стороны своего бытия опирать только на силу и воле своего большого восточного соседа, не надеясь ни на поддержку лимитрофов, ни на поддержку Европы. Конечно, поддержка бывает разная, но мы не желаем поддержки, похожей на веревку для повешенного. Не трудно предвидеть естественный исход такого экономического и политического положения Латвии. Для меня немарксиста ясно, что несоциалистические массы Латвии не желают обращения ни в ненавистный лимитрофам клин, ни в нежелательную для

Европы отдушину продуктов, вырабатываемых марксистами, и посему и должен голосовать против торгового договора в нынешней его редакции и в нынешней его постановке. При оценке тех обещаний, которые дают нам Советы в торговом договоре, мы не смеем забывать, что обещания эти дают нам те же Советы, с реальной ценою обещаний которых мы весьма знакомы по нашему мирному договору с Советами. Скажите мне, господа представители крестьянской Латвии, передан ли разоренным великою войною латвийским крестьянам для восстановления разоренных войной построек строевой лес с тех 100.000 десятин, о которых мы получили такое ясное и решительное обещание в мирном договоре? Мне положительно известно, что ни один латвийский крестьянин ни латышской, ни русской, ни иной национальности из упомянутого обещанного громадного фонда пока не получил ни одного бревна от рабоче-крестьянского правительства ни непосредственно, ни через посредство наших властей.

По мирному договору юридические и физические лица Латвии должны получить обратно все те свои вклады, которые они в свое время положили в кредитные учреждения былой России. Общая ценность этих вкладов неимоверно велика. Еще в начале Латвии, когда далеко не все граждане Латвии были здесь налицо, требований на вклады поступило в эвакуационные учреждения на сумму свыше 80 миллионов золотых рублей. Эта сумма выражает лишь часть общей стоимости вкладов. Вклады принадлежат не только представителям имущих классов, но и самым настоящим пролетариям, батракам, заводским рабочим, мелким ремесленникам, мелким служащим, крестьянам. Вкладчиками являются пенсионные, погребальные кассы, кассы взаимопомощи, питавшие самые бедные обездоленные классы населения, престарелых неработоспособных трудяг, инвалидов, сирот и вдов. Как нам известно, пролетарское правительство не исполнило этого своего договорного обязательства даже постольку, поскольку оно касалось пролетариев из пролетариев.

Наши заводские рабочие, оставшиеся без работы и хлеба, вследствие эвакуации из пределов Латвии в глубь России

промышленных местных учреждений, имели право надеяться, что рабоче-крестьянское правительство, согласно своему обещанию в мирном договоре, возвратит в Латвию промышленные учреждения, эвакуированные из Латвии и тем даст нашим заводским рабочим возможность вновь быть и при работе по специальности и при насущном хлебе. Представители Латвии разыскали на территории Советского Союза более пятидесяти промышленных учреждений, эвакуированных в свое время из пределов нынешней Латвии, и наладили их реэвакуацию. Реэвакуация не могла состояться вследствие препятствий, чинимых рабоче-крестьянским правительством и наши специалисты-рабочие по-прежнему сидят без работы по своей специальности, а часто и без всякой работы. Не говорим уже о том, что неисполнением этого обязательства мирного договора заторможено восстановление нашей промышленности, и Латвии в лице ее промышленников нанесены многомиллионные убытки. Вопреки обязательству мирного договора на территории СССР открыто и не без поддержки официальных кругов функционируют организации (например, Латсекция с ее многочисленными отделениями), ярко враждебные «белой Латвии» и ее строю с соответствующими печатными органами (вроде «Кревияс Циня»). Обещанная мирным договором и существенно необходимая для Латвии консульская конвенция доселе не заключена не по вине Латвии. То же нужно сказать про смешанную комиссию для разрешения споров между латвийскими гражданами и СССР и его гражданами. Мы, возвращенцы из пределов СССР, на себе испытали все неудобства самовластного определения наших прав без участия представителей Латвии. Видный юрист, бывший юрисконсульт Латвийского посольства в Москве господин Р. Фрейман, суммируя свои наблюдения по выполнению мирного договора, говорит, что Москва не исполняет своих обязательств по мирному договору не вследствие объективной невозможности их исполнения, а вследствие упорного нежелания их исполнять.

Перечисленные факты из мирного договора и суммированный факт, отмеченный господином Р. Фрейманом,

мимо которых по понятным побуждениям проходят наши марксисты, должны стоять пред нашим сознанием, когда нам предлагают ратифицировать новый договор с СССР. Их впечатление можно еще усилить опытами других великих и малых государств по договорам с СССР. Вывод, который здесь сам собой напрашивается, можно выразить перифразом слов Петра Великого о законах: «Всё есть договоры писать, если их не исполнять». Если мы подписываем договоры и потом употребляем все усилия, чтобы обязательства договора исполнить, а наш контрагент со своей стороны прилагает все усилия, чтобы своих обязательств не исполнять, заключение договоров с таким контрагентом для нас крайне вредно и в экономическом, и в политическом смысле. На мирном договоре мы потеряли прямых своих нам по праву принадлежащих ценностей на сотни миллионов рублей. Для молодой небогатой Латвии уже это колоссальнейшая потеря. Но советская практика по мирному договору ударила нас не только по нашему и без того тощему карману, она непоправимо ударила и по нашему политическому престижу. Ведь про произвол и усмотрение, широко примененные к нам по мирному договору, знаем не только мы сами. Как должны смотреть на нас в международном концерте после истории с мирным договором? Ведь, откровенно говоря, наш большой сосед поступил с нами на почве мирного договора так, как не принято поступать с уважаемым контрагентом. С нас взыскано все, что с нас причиталось, а нам дано то, что заблагорассудилось нашему контрагенту нам дать. Он не считался ни с нашими правами, ни с нашею свободною волею, ни с нашим международным достоинством. На виду у всего мира он нам отказывал в выдаче того, что нам причиталось. Если он нам когда что и давал, то давал не столько и не так, и не тогда, сколько, как и когда нам причиталось по договору, а столько, так и тогда, сколько, как и когда его произвольному усмотрению было угодно. Его отношение к нам хуже, чем отношение феодала к вассалу, капиталиста к рабочему, где все-таки имеет место известная нормированность отношений. В отношениях нашего контрагента к нам отсутствуют решительно все нормативные признаки.

Здесь господствует произвол, и только произвол, опирающийся на преимуществе силы. Наш контрагент, конечно, всесторонне учел всю выгоду для себя таких квазидоговорных взаимоотношений, и он не прочь вступить с нами в новый договор, может быть, именно такие договорные взаимоотношения на руку и нашим марксистам. Но если нам хотя в минимальной степени присуще сознание достоинства суверенного государства, если мы хотя в малейшей степени радеем о подлинных реальных интересах своего государства, мы не в праве толкать наше государство в договорную сделку с контрагентом, явно надсмевшимся и над нашим достоинством, и над нашими интересами по-прежнему, еще не ликвидированному договору. Честный и сознательный гражданин Латвии вправе спросить лиц, после мирного договора агитирующих за заключение торгового договора с СССР: «Господа, кому вы служите?» Но для меня ратификация торгового договора при таких обстоятельствах и таким контрагентом немыслима. При разборе содержания торгового договора приходится констатировать, что договор этот в нынешней его редакции не оставляет места даже для малейшей иллюзии о его выгоде для Латвии. Мирный договор мог обольстить ратификаторов видимой выгодностью. Торговый же договор в нынешней его редакции в полном согласии с его конкретным содержанием по справедливости следовало бы назвать договором о чрезвычайных привилегиях большого и богатого Советского Союза в небольшой и небогатой Латвии. Некоторые из этих чрезвычайных привилегий имеют совершенно откровенный характер. Договор предоставляет Союзу Советов необычайнейшие привилегии, не требуя для Латвии не только соответствующих ответных привилегий, но и ровно ничего в ответ.

В 5 статье договора мы читаем: «Торговый представитель, его заместитель и члены совета торгпредства... принадлежат к дипломатическому персоналу... и пользуются правами и привилегиями, предоставленными членам дипломатических миссий» (3). «Служебные помещения центрального управления и отделов торгпредства... пользуются экстерриториальностью»

(4). «Торгпредство и его отделения имеют право пользоваться шифром» (5). Эти чрезвычайные привилегии не вытекают ни из международных законов, ни из международных обычаев, ни из тех прямых торговых задач, которые ставит договор торгпредству. Торговый дом и купцы, если они намерены заниматься только торговыми операциями, в такой специфической забронированности не нуждаются. И советские и наши представители даже при наличии общеизвестных совершенно особых условий работы на торговом поприще в СССР, очевидно исходя из этого рода сознания не бронируют латвийских купцов в СССР. Облекая торгпредство в чрезвычайную броню, стороны дают пищу для предположений, что помимо обыденных торговых задач торгпредство имеет еще какие-то особые чрезвычайные задания, для выполнения которых необходима чрезвычайная забронированность, присвояемая только исполнителям чрезвычайных политических задач. Советы настолько политически осторожны и предусмотрительны, что во избежание преследования нашими купцами политических целей на территории СССР им отказывают в какой бы то ни было броне, хотя Советам совершенно ясно, что пред лицом громадного государственного аппарата наш купец малая и малоопасная сила. Наши представители очертя голову бронируют на нашей территории учреждения и лиц, и без того уже сильных силою громадного государственного аппарата. Наши представители своими же руками не только пломбируют, но всесторонне бронируют целую цепь, целый поезд вагонов, могущих иметь задачи, совершенно схожие с задачами исторического пломбированного вагона, и сами же вместе со своими единомышленниками изъявляют готовность служить при этих вагонах «толкачами», прокатывающими на нашу территорию эти бронированные вагоны с их неприкосновенными пассажирами, сами участвуют в построении подобия троянского коня и, забронировав его, тянут его в ворота Латвии, наперед гарантируя неприкосновенность тем, кто в коне. Если Троя и Петербург для них недостаточно убедительны, обратили бы свое внимание на события текущего дня. Представим себе, что у нас повторится на почве торгового

договора, что имело место в других державах, которые и по величине и силе не чета нам, что прибывшие к нам в забронированном виде и неприкосновенные[29] купцы станут распространять не только советские товары, но и советские идеи, или как на западе принято говорить – советскую заразу. Великая держава своевременно установила противозаконное деяние, со свойственной великой державе решимостью направила своих представителей власти в экстерриториальное помещение, произвела тщательный обыск у неприкосновенных и из добытых материалов сделала решительные выводы. Можем ли быть уварены, что наша власть будет в состоянии так же решительно оградить свое достоинство и свои права? Прежде всего, надо принять во внимание, что разведочный аппарат у нас работает далеко не так, как в великих державах. Допустимо, что неприкосновенные будут у нас работать так же, как там, а наша разведка про то и ведать не будет...

Но допустим, что нам повезет, шифрованные изобличающие документы попадут к нам в руки счастливым случаем. Много ли у нас специалистов по разбору чужого шифра? Но допустим еще большую счастливую случайность, изобличающие документы попадут к нам в руки в дешифрованном виде. Решится ли наша власть вторгнуться в нами же забронированные помещения, чтобы произвести обыск у неприкосновенных? Но допустим, что решится. Однако имеются ли у нашей власти наготове орудия для вскрытия стальных сейфов? Не придется ли за инструментами адресоваться к кому-либо из больших соседей. Наконец, допустим, что нам повезет до конца, наши власти застигнут сейфы открытыми, документы дешифрованными, поймают нарушителей наших прав, так сказать, с поличным. Решится ли небольшая Латвия вступить в необходимый политический конфликт? Ныне, когда еще мы чувствуем за свою спиною верных друзей среди лимитрофов и искренних благожелателей в Европе, сделать это все-таки нам было бы трудно. Но когда в связи с торговым договором мы оторвем себя от своих друзей и благожелателей и вынуждены будем разговаривать с нашим большим контрагентом один на один, язык невольно прилипнет к гортани, и мы молча вынуждены

будем мириться со всем, что будет твориться неприкосновенными под покровом нами же одетой на них брони экстерриториальности. Мы перестанем быть хозяевами (де факто) в своем же собственном доме. Вот почему пятая статья договора мне кажется абсолютно неприемлемой и голосовать за договор, содержащий в себе эту статью, я не могу. «Внесение торгпредства в торговый реестр не требуется» (2). Опять привилегия, не имеющая оснований ни в законах, ни в обычаях, ни в существе дела. Нашим купцам договор ничего подобного не обещает. К имуществу торгпредства и его отделений не будут применяться меры предварительного судебного характера и меры административного характера (7). А к имуществу наших торговых домов и купцов такие меры применяться будут... Как на основании этой привилегии договор указывает на то, что по статье 6 договора СССР принимает на себя ответственность за сделки торгпредства и его отделений. Но разве не этот же Советский Союз принял на себя ответственность за сделки по мирному договору? Что дал нам мирный договор, вы уже знаете. Договор намечает некоторые категории советских имуществ, которым гарантируется еще более широкая неприкосновенность. «Имущество, предназначенное для осуществления прав государственного суверенитета» (не входят ли в объем этой категории имущества пушки, пулеметы, танки, баллоны с газами и тому подобное?..) или «для официальной деятельности торгпредства» освобождаются от принудительного исполнения судебных решений, вошедших в законную силу». Подобной привилегии латвийские торговые дома и купцы не получают. Как видите, броня неприкосновенности в договоре простерта не только над чинами торгпредства, не только над их домами, но и над их имуществом. Даже мы, члены этого высокого собрания, у себя в Латвии пользуемся далеко не такую широкою неприкосновенностью, какую наши марксисты готовы договорно гарантировать восточным марксистам. Договор вводит в Латвии всесторонне неприкосновенную организацию с неограниченным количеством экстерриториальных пунктов и неприкосновенных как лично, так и имущественно насельников, стоящих в правовом отношении

превыше всех граждан Латвии, не спрашивая притом, каковы отношения этой организации к Латвии. Так как число ячеек этой организации договором не ограничено, то надо думать, что сеть ячеек скоро покроет все лицо земли латвийской, и на месте былых замков Латвия повсюду будет видеть нечто еще более привилегированное, чем былые замки. Вот и говорите, что история не имеет обратного хода. Заключительный протокол к статье 9 предоставляет «государственным торговым, транспортным организациям, а также организациям СССР право: а) пользоваться на льготных условиях портовыми сооружениями и складами, принадлежащими Латвийскому государству; б) аренды земельных участков и постройки на них складов, элеваторов, холодильников и прочих, относящихся к транспорту сооружений, на портовых территориях». А латвийские торговые дома и купцы, плательщики латвийских налогов, полноправные граждане Латвии, несущие все тяготы, связанные с гражданством, будут пользоваться всем тем же, но не на льготных условиях. Как все это напоминает старую историю с орденскими организациями и орденскими купцами. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть, к чему должно привести Латвию и латвийских граждан внедрение на территорию Латвии чужих организаций с правами, во всех отношениях превосходящими права местных коренных граждан. Говорят, что история учит, но, очевидно, не все способны к усвоению уроков истории. Кроме этих и других откровенных, незамаскированных привилегий, договор гарантирует Советам еще длинный ряд замаскированных привилегий. Для примера возьмем вторую статью договора. В этой статье с формальной и чисто словесной стороны договаривающиеся стороны обещают друг другу привилегии по принципу равной взаимности. Но когда мы вникаем в реальную суть статьи, то открывается, что Советы на основании этой статьи получают действительно нечто реальное, а Латвии формальные обещания этой статьи ничего равно реального не дают. Дело в том, что привилегиями этой статьи приходится пользоваться на территории контрагента, в согласии с законами, существующими на этой территории. Когда советам предоставляется право всеми узаконенными

способами приобретать на латвийской территории недвижимости, то за советами обеспечена и реальная возможность осуществлять это право в самых широких размерах. Но когда говорится о предоставлении Латвии совершенно такого же права, в согласии с законами СССР на территории СССР, то все мы знаем, что это только словесность для отвода глаз, ибо закон и строй Советов совершенно исключает возможность осуществления этого права. Возможность приобретения недвижимости на территории СССР для наших купцов совершенно исключена. То же нужно сказать о разрешении работы и деятельности трестов, синдикатов, акционерных обществ и так далее. На основании договора совтресты, совсиндикаты, совкооперации у нас работать будут, но работа наших акционерных обществ в СССР будет встречать препятствия и в особенностях строя, и в особенностях законов СССР. Юридические и физические лица советские в наших судах найдут всестороннюю защиту своих прав, но при особенностях правовых норм СССР защита прав наших граждан в совсудах не может считаться обеспеченной. То же надо иметь в виду и при оценке других привилегий, носящих в договоре характер словесно-формальной обоюдности. Для советов они носят реальный характер, а для нас звук пустой. Что это? Недосмотр или радение о соратнике? Защитники договора силятся втолковать, что в договоре будто имеются все-таки обязательства, сулящие выгоды и Латвии, даже крупные выгоды, хотя наши промышленники официально и открыто утверждают противоположное. История осуществления мирного договора у нас, история советских договоров в других странах и история совобещаний даже на территории СССР, однако, свидетельствуют, что положиться на совобещание почти всегда значит обмануться. Наибольшие надежды связывают с обещаемыми в договоре совзаказами. Они будто оживят, воскресят нашу промышленность... Про то умалчивают, что именно советам, не исполнившим своих обязательств по мирному договору и не возвратившим нам наших промышленных учреждений, мы обязаны тем, что наши промышленные учреждения доселе не могут восстановить

своей работы. Нанесши нашей промышленности убытков на сотни миллионов, советы ныне сулят нам для оживления нашей промышленности заказы на валовую сумму в десяток миллионов. Это похоже на то, что выражено в русской поговорке: «На тебе лычко за свой ремешок». Удержав у себя оборудование более пятидесяти промышленных учреждений, Советы предлагают теперь нам на свой риск и страх оборудовать или расширить несколько наших промышленных учреждений для выполнения советских заказов. Предположим, что найдутся легковверные промышленники, готовые положиться на советские заказы и приступят, кто к оборудованию, кто к расширению своих предприятий. Понадобятся кредиты. Заграница нам кредитов не даст. Местных капиталистов нет. Придется искать кредита в государственных кредитных учреждениях. Выданные кредиты повлекут за собой сокращение кредитов на коренные латвийские нужды, например, крестьянские нужды. Мобилизуют рабочих для выполнения советских заказов. Но непрочность обещаний советов общеизвестна. Грядущие политические комбинации могут побудить советы в любой момент или сократить, или прекратить обещанные нам заказы. Крахнут тогда наши легковверные промышленные предприятия. Убытки понесет наш государственный банк. Рабочих придется демобилизовать с отнесением в кадры безработных. Потерпевшим окажется и наш крестьянин: за сокращением кредитов сначала в связи с кредитованием совзаказов, потом в связи с убытками от прекращения совзаказов. Только советы из такой неприятной истории выйдут сухи из воды, ничего не потеряв. Мне кажется небезопасно давать в руки советам такое оружие, которым они одним махом могут ударить и по нашему рабочему, и нашему крестьянину, и нашему промышленнику, и государственной казне. При их склонности всюду сеять смуту и разлад они не преминут использовать удобный случай. Но если бы допустить наименее вероятное, что советы исполнят по договору все принятые обязательства и свои заказы будут давать нашим промышленным организациям так, как обещают в договоре, мы считаем вопросом еще неразрешенным, будут ли эти заказы

для Латвии прибыльны, особенно если принять во внимание, что базой нашей промышленности будет капитал, взятый в долг, что приемка советами выполненных заказов имеет для промышленника много тяжелых сторон, что платежи Советами не всегда производятся наличными и прочее и прочее.

Не надо упускать из виду и того, что есть в договоре обстоятельства, направленные не только к питанию нашей промышленности. Некоторые категории товаров, предположенные ко ввозу из СССР, ударят по нашей промышленности и неблагоприятно сузят ее местное производство. Все это вместе взятое дает нам право сказать, что надежды на благоприятное влияние выполнения договора на нашу промышленность, во всяком случае, в сильнейшей степени преувеличиваются сторонниками договора в нынешнем его виде. Сильно преувеличивают значение договора и в области нашей торговли, как это полагают и наши торговые авторитеты. Наш крестьянин, и в частности латгальский русский крестьянин, от договора, как мы уже отмечали, потерпит урон, ибо государственные кредиты отхлынут от него в сторону питающейся советскими заказами промышленности. От нашего вывоза в СССР менее всего выгод получит наш крестьянин. К вывозу предположено на 500.000 руб. семян клевера и других, на 200.000 руб. племенного скота и некоторой мелочи. Столько чистой прибыли от этой малости получит наш крестьянин, если таковая вообще будет, получит ли по копейке на душу, это еще вопрос. Велики ли будут барыши наших купцов при валовом обороте в несколько миллионов рублей при отмеченных и в нашей и заграничной прессе специфических особенностях торговли с Советами? Несомненно, что и купец наш от торговли с советами не расцветет. Но, может быть, государство будет иметь крупные барыши от договора с Советами? Что оно этим договором обречено на потерю чистых 3.6 миллионов на пошлинах, это несомненно. Что при составлении государственного бюджета придется для возвращения этих миллионов в статьи бюджета, опять адресоваться к карману обывателя, это тоже не подлежит ни малейшему сомнению, а прямых барышей казне договор не сулит никаких. Мне кажется,

договором в нынешнем его виде не обеспечены Латвии решительно никакие прямые и несомненные выгоды. Выгоды на воде вилами писаны, но колоссальные политические невыгоды наперед и абсолютно несомненны. С момента ратификации договора лимитрофы будут смотреть на Латвию как на ненавистный клин, расколовший единую цепь лимитрофов. Европа будет смотреть на Латвию как на советскую отдушину, сулящую Европе только все самое нежелательное. На Латвию со всех сторон будут смотреть как на послушное орудие в руках Советов и к ней будут относиться совершенно так же, как ныне относятся к Советам. Едва ли здесь есть хотя один наивный человек, который бы думал, что благодаря договору СССР станет искренним другом и благожелателем Латвии? На договоре Латвия теряет, но не приобретает, поэтому он должен быть переработан. Из него должны быть исключены все бессмысленные и вредные привилегии советам. В договоре должны быть обеспечены не только интересы СССР, но и интересы Латвии. Его надлежит сдать в комиссию Сейма или в специальную комиссию для переработки. Сторонники договора напрасно стараются запутать общественное сознание Латвии какими-то измышленными жупелами, могущими обрушиться на Латвию в случае требования переработки договора. Если сегодня договор не будет ратифицирован, Латвия как в хозяйственном, так и в политическом отношении сохранит свое статус-кво. Не блестящее, но вполне удовлетворительное положение. Но если сегодня договор будет ратифицирован, хозяйственное положение ее не увеличится ни на йоту, но международное положение ее ухудшится настолько, что даже ее суверенное бытие можно будет считать состоящим под серьезнейшей угрозой. Вообразите себе тот неизбежный момент, когда она найдет себя вынужденной оказаться от злополучного и позорного для нее торгового договора. Это поставит ее перед необходимостью войти в действительный и серьезнейший конфликт с СССР, ибо СССР добровольно не сдаст тех для него чрезвычайно выгодных позиций, которые ему дает торговый договор. Во время этого конфликта небольшой Латвии придется стать один на один с большим СССР, к тому же

покрывшим на основании торгового договора всю Латвию своими ячейками в виде забронированных отделов торгпредства. Если Латвия сегодня будет иметь неразумное дерзновение пренебречь своими друзьями и благожелателями, в тот критический момент она не найдет себе друга и благожелателя, и большой сосед будет иметь полную возможность распорядиться ее судьбою по своему произволу. Не трудно предвидеть, как он распорядится. Мое сегодняшнее голосование да будет не только несогласием с содержанием договора, но и протестом против сознательного толкания Латвии в пропасть.

1927. No 666. С. 1–3.

Архиепископ Иоанн о протесте полпреда Лоренца

В связи с предъявлением местным полпредом ноты протеста по поводу проповеди, произнесенной 6-го ноября сего года в Кафедральном соборе на всенародной панихиде архиепископом Иоанном и газетным шумом, поднятым в связи с этим протестом – сотрудник «Слова» обратился сегодня утром к только что вернувшемуся из провинции архиепископу Иоанну, который в милостивой беседе высказал нижеследующее: – С точки зрения законов Латвийской республики и ее международных соглашений, против совершения панихиды по жертвам лихолетия не может быть абсолютно никаких возражений. Законы республики предоставляют православной церкви свободно и открыто проводить в жизнь ее обычаи и уставы, а молитва за умерших является и уставным обычаем, и догмою Православной церкви. В силу этой догмы и обычая панихиды, подобные моей, состоялись 6 ноября решительно всюду, где есть православные.

Свобода церковного слова у нас пока законом не ограничена, и наши администраторы пока не посягали на эту свободу. Я имел полное право сказать верующим то, что сказал перед панихидой. Более того, мой долг архипастыря повелевал мне разъяснить верующим смысл, значение и необходимость молитвы за братьев и сестер по вере, павших жертвами лихолетия. Само собой разумеется, что я не мог не подтвердить верующим того, что составляет убеждение всего культурного

человечества – именно, что и моральным, и юридическим, и фактическим виновником многомиллионного числа жертв является то международное политическое течение, которое именует себя III Интернационалом.

Так как мне было известно, что одновременно с нашей панихидой предположены собрания для пропагандирования идей III интернационала, то я почел своим архипастырским и гражданским долгом предостеречь верующих от обольщения красными словами слуг Интернационала, сулящих рай земной, а фактически создающих на земле ад страданий, я напомнил верующим о тех несчетных утратах, которые причинены человечеству и в области живых сил, и в области культурных и экономических ценностей, и во всех областях человеческой жизни.

Десятилетняя разрушительная работа III интернационала не имеет в истории не только ничего равного по ужасам, но и ничего подобного. Я указал, что, молясь о жертвах III интернационала, мы должны помнить, что он имеет напряженную тенденцию расширить сферу своих опустошений. То, что в течение десяти лет совершено в пределах одной страны, может стать и станет уделом всякой другой страны, которая не остережется от обольщений и козней III интернационала. Я указал, что, веруя в Бога и Его святую правду, мы можем утешать себя несомненной надеждою, что почившие жертвы лихолетья найдут у Бога воздаяние по подвигу своему, что разрушительная злая работа III интернационала не может быть вечна уже потому, что она – злая работа. Добро и правда восторжествуют. За лихолетьем разрушений настанет пора работы добрых сил, которые обновят поруганное и разрушенное.

Таковы тезисы моей речи. Сама речь по независящим от меня причинам не могла появиться в печати, но появится, как только минуют препятствия.

Стенограммы или предварительного письменного текста моей речи полпред, конечно, не мог положить в основу своего протеста, ибо этого рода материала он не имел.

Очевидно, в основу протеста положены какие-то, мне неведомые, отчеты о панихиде и речи, за содержание которых ни я, ни латвийское правительство, конечно, не ответственны.

1927. No 683. С. 1.

Речь архиепископа Иоанна в Сейме

Высокое собрание! По моему разумению и наблюдениям нынешний кабинет министров, хотя именуется коалиционным, на самом деле является чисто марксистским кабинетом.

Вкрапленные в кабинет министры немарксисты – люди или совершенно не имеющие парламентской базы, или опирающиеся на скудную дробь. Что могло побудить наших марксистов ввести в свой кабинет таких людей без базы?

Наши массы в громадном своем большинстве решительно настроены против Маркса и его чад. Когда девять лет тому назад в нашей стране обосновалась было, марксистская диктатура, массы без различия национальности восстали и вооруженною рукою ниспровергли ненавистную диктатуру. Во все девять лет суверенного бытия Латвии пресса Латвии на языках латышском, русском, немецком, еврейском и польском единодушно стоят против Маркса и марксистов. Хотя наши домашние марксисты еще не успели проявить себя так решительно, как это сделали соседние, массы инстинктивно чувствуют, что и наши марксисты представляют собою опасную угрозу для всех тех ценностей, которые массы привыкли считать священными и неприкосновенными. При таких настроениях масс чисто марксистский кабинет у нас немыслим.

Как ни жаждут наши марксисты всецелой власти над страной, они пока не рискуют предстать пред массами в качестве безраздельных носителей власти. Свою охоту за властью они вынуждены пока вести с охотничьею хитростью. Охотники, выходя на чуткую и осторожную дичь, прибегают к оболваниванию дичи. На излюбленных дичью местах они на высоких видных местах выставляют так называемых болванов – искусно сделанные чучела дичи, а сами прячутся в засаду. Дичь, приняв болванов за подлинную свою братию, доверчиво подсаживается к ним и попадает в «сети ловчие».

Марксисты ввели в свой кабинет незначущих немарксистов, чтобы ими оболванить буржуев. Буржуазные массы, видя в кабинете «своих», доверчиво полагаются на них и не замечают, как их опутывают силки и сети марксистов. Тому, что находятся немарксисты, готовые на такую не совсем благовидную роль, удивляться не приходится. Кто удивляется устаревшей деве, во что бы то ни было стремящейся стать женой? Ей безразличны качества мужа, ей безразлична та роль, которая ей выпадет в замужестве, ей безразлично долговечен ли брак, ей безразлично, как отразится брак на ее близких, ее единственная цель – побывать в женах, хотя бы для того, чтобы чистить сапоги мужа, выносить из его спальни посудину. Она хочет стать женой во что бы то ни стало, за любую цену и становится ею. У какого-нибудь обиженного природой неудачника в такие же уродливые формы может вылиться жажда власти, чести, комфорта и всего прочего, связанного с высоким положением в обществе. Ничего нет мудреного, когда министерская голова добивается соответствующего поста. Она на своем месте и не обольщается постом. Но для ничтожества пост настолько же обольстителен, насколько далек. В любом кабинете, на любой срок, на любых условиях оно готово сесть в министерское кресло, лишь бы сесть, хотя бы в роли болвана для оболванивания масс. Хотя жизнь и история знает и такого рода примеры, мы, однако, готовы думать, что не из таких побуждений сели в марксистский кабинет министры немарксисты. Они, вероятно, имели для своего шага свои высокие побуждения, которые нам неизвестны. Добрые намерения и надежды некоторых из них, по-видимому, уже потерпели крушение, и они вышли из не оправдавшего их надежд кабинета, вероятно, скоро мы будем свидетелями ухода и прочих, ибо чисто марксистский дух нынешнего кабинета бьет в нос даже человеку с притупленным политическим нюхом. Как бы однако ни обстояло дело с психологиєю наших министров немарксистов в марксистском кабинете, но не подлежит сомнению, что они своим вступлением в кабинет дали возможность марксистам почти в течение целого года проводить под флагом коалиции чисто марксистскую политику. Наперед

можно было предвидеть, каков будет курс политики этого кабинета. Общеизвестно, что марксистская идеология делит все человечество на две части – на товарищей по интернационалу и на нетоварищей.

Их основной лозунг: все для товарищей, а нетоварищам война до победного конца, до полного покорения всех немарксистов под ноге марксистов. Этим лозунгом наперед определяются все стези марксистов как внешней, так и внутренней политики. Наша задача уяснить себе то положение, в какое за год по руководству этим принципом привели марксисты суверенную Латвию, и оценить это положение с точки зрения внешней и внутренней безопасности страны и ее граждан. Прежде всего остановимся на результатах марксистской политики в области международной. В течение восьми лет суверенного существования Латвии ее дипломаты немарксисты прилагали героические старания, чтобы создать для Латвии благоприятное положение в международном концерте. И надо признать, старания не пропали даром. К молодой стране расположились сердца и дальних, и ближних. Ее окружили искренним благожелательством и старые и новые державы, и великие и малые нации. Врагов у нас не было, но искренними бескорыстными друзьями мы могли похвалиться. Марксисты в течение одного года сумели свести на нет достижения своих предшественников. И на международные отношения они простерли свой принцип о братании с «товарищами» и в третировании нетоварищей. Они все свое внимание сосредоточили на установлении добро-товарищеских отношений с страной марксистской диктатуры, а все прочие страны стали в большей или меньшей степени игнорировать. С Эстонией до марксистов нас связывала самая тесная дружба. Когда-то мы одновременно с эстонцами подпали игу рабства. Долгие века мы вместе несли тяжелое ярмо, вместе плакали, вместе мечтали о лучших днях раскрепощения. Для Эстонии заря свободы занялась несколько раньше, чем для нас.

Но эстонцы не забыли своих братьев по горю. Они пришли к нам на помощь и сражались бок о бок с нами, пока мы не достигли вожделенной свободы. В деле устройства свободной

жизни они всегда шли с нами рука в руку. В деле охранения достигнутой свободы мы в них имели друзей не только словом, но и делом готовых доказать свою дружбу. Эту во всех отношениях драгоценную для нас дружбу наши новоявленные дипломаты- марксисты с легким сердцем принесли в жертву своей партийной родне. Без каких бы то ни было разумных поводов наши дипломаты-марксисты отвернулись от испытанного друга, чтобы угодить «товарищам» марксистам. В кругу наших международных отношений это невознаградимая утрата, утрата ни за что, ни про что. Но это не единственная утрата. Наши дипломаты не ухудшили наших отношений только с теми, с кем у нас никаких отношений не было. Со всеми новыми, так называемыми лимитрофическими державами, марксисты, если не окончательно перессорили нас, то во всяком случае создали отношения натянутые, весьма близкие к ссоре. Вы, конечно, помните содержание последней ноты, переданной нашему марксистскому правительству нам кровно близкою литовскою республикою. О настроениях, созданных по отношению к нам в Польше и Финляндии вы, конечно, знаете из печати. Ранее активно благожелательная к нам великая держава, бывшая в свое время доброю восприимчивою нашею у нашей колыбели и все время самоотверженно заботившаяся о нас, все более и более отходит от нас, благодаря тем же нашим дипломатам – марксистам. В настоящее время, время, чреватое возможностями, которые для нас могут стать роковыми, мы изолированы от всех наших прежних друзей и благожелателей. С точки зрения нашей внешней безопасности, мы в настоящее время поставлены в гораздо худшее положение, чем в самые первые дни нашего суверенного бытия. Если той политической грозе, которая сейчас собирается, суждено будет разразиться, у кого наши дипломаты марксисты могут надеяться получить хотя бы только моральную поддержку? У лимитрофов, на ясно выраженную волю которых мы так недавно еще ответили полным пренебрежением? Конечно, нет. У тех великих держав, которые за заботы о нас еще так недавно публично слышали от нашего министра нечто весьма мало похожее на выражение благодарности? Конечно,

нет. При наличии у нас марксистской дипломатии и марксистской внешней политики, нам решительно неоткуда ждать внешней поддержки в трудную годину. Наша марксистская дипломатия весь год своего нахождения у кормила внешней политики носилась как с писаной торбой с гарантийным и торговым договорами со страной марксистской диктатуры. Из гарантийного договора так ничего и не вышло. Так называемый торговый договор наши марксисты, как говорится, за волосы протянули чрез парламент. Хотя век этого злополучного договора еще не долг, но ныне уже есть полная возможность говорить о плодах этого договора для Латвии. Прежде всего, о плодах в области экономической. Авторитетный специалист в авторитетной газете «Сегодня» подытожил плоды торгового договора за первый месяц для наших рынков. Плачевные плоды, и именно для Латвии плачевные. Так как все вы усердно читаете эту газету, повторять данные статьи мне не приходится. Сейчас определенно начинает выявляться и то, что нет оснований обольщать себя плодами договора в области промышленной. Самый крупный заказ по договору выпал на долю вагонного завода «Феникс». Что же мы видим? Все металлические части для вагонов придут из заграницы, следовательно, и соответствующая прибыль уйдет за границу. Мы из своего материала будем конструировать только малоприбыльные деревянные части. Главных мастеров для конструирования вагонов пришлет сам заказчик, следовательно, и главный куш заработной платы достанется не нашим рабочим (совершенно при этом неясно, будут ли привозные рабочие мастера конструировать только вагоны, или им будет дана возможность конструировать и комачейки?) Чистая прибыль, если таковая будет, достанется акционерам «Феникса». А много ли среди этих акционеров латвийских граждан? Этот пример нам уясняет, как малоприбыльны будут совказы для Латвии. Перед заключением договора марксисты во все трубы трубили, что на почве договора будет мобилизована громадная армия рабочих в 50.000 человек. Пока мы определенно знаем только одно, что к нам придут совмастера, а о грандиозной мобилизации наших рабочих пока ни слуху, ни духу. Трубили

еще в уши нашему рабочему люду, что наши свободные живые рабочие силы о договоре найдут свободный выход на просторы Руси – граница раскроется. И этого нет. Напротив, в связи с раскрытием советских шпионских организаций граница закрылась еще плотней, чем до договора. Что-то незаметно, чтобы и нашим купцам, и свободным интеллигентным рабочим силам договор облегчил бы выход на простор Руси. Перед заключением договора с разных сторон уверяли нас, что обещания мирного договора, хотя запоздало, но интенсивно будут выполняться. Такого рода обещания были даны и нам, церковникам. Между прочим, нашли нужным нас письменно уведомить, что громадный и громадной ценности наш соборный колокол, «по ошибке» вместо Риги, заехавший в село Палец, Нижегородской губернии, придет к нам, как только установится санная дорога. Санная дорога давно установилась, а колокол – ни с места.

Очевидно, его удержали в резерве на случай какого-нибудь нового договора. Тогда при благоприятном голосовании церковников он, может быть, двинется с места. Договор называется торговым, но он более политический, чем торговый. Это совершенно ясно и для дальних, и для ближних. Некоторые заграничные политики его называют политическим договором, слабо замаскированным торговыми статьями. Что породил этот договор для Латвии в чисто политической области? Он фактически способствовал изоляции Латвии в международном концерте. Эстония совершенно открыто заявляет, что именно этот, якобы торговый, договор расстроил и продолжает расстраивать ее отношения с Латвией. Об этом же говорит влиятельная английская, польская, финская и других народов пресса. Таким образом, в международном отношении этот договор имеет громадное и исключительно отрицательное значение для Латвии. Но, может быть, этот договор принес существенные политические выгоды в области взаимоотношений Латвии и СССР?

Может быть, когда после подписания и ратификации этого договора все от нас отвернулось, СССР стал проявлять к нам такую сердечную дружбу, ценность которой превыше всех

потерянных друзей. Со времени подписания и ратификации договора действительно наблюдается весьма существенная перемена в отношениях СССР к нам, но эта перемена не дает и намека на то, чтобы СССР пожелал заменить для Латвии все те внешние политические опоры, которые Латвия потеряла в связи с договором, нет даже намека на то, чтобы СССР вообще желал бы в какой бы то ни было степени служить внешнею опорой для Латвии. Заметно лишь одно, что СССР учел изолированность Латвии и стремится использовать ее в таких формах для усиления своего влияния на внутреннюю жизнь Латвии, которые весьма мало согласуются и с международными законами и с суверенным достоинством Латвии. СССР заговорил с нами таким языком, который уместен разве только в отношении феодала с вассалом. Характерно, что нашим дипломатам-марксистам этот новый тон товарища-марксиста не кажется ненормальным явлением. Укажу некоторые примеры: В пору подписания торгового договора прессу всего мира облетела телеграмма из «Таймса» о том, что правительство СССР потребовало или попросило наше правительство «обуздать» прессу Латвии в суждениях о СССР. Как наша, так и заграничная пресса отнеслась к этой просьбе или требованию с крайним недоумением и более того, усматривая в такой просьбе или требовании нарушение суверенных прав Латвии. Не так наши правители- марксисты. Они на товарищеское требование ответили товарищеским: «Рады стараться».

Мне достоверно известно, что одной из самых больших и независимых редакций было сделано предложение «обуздать» пишущих о СССР. Редакция ответила исполненной достоинства статьею. Фактический руководитель другой газеты за статью о комсомоле выслушал грозное предупреждение о высылке из Латвии в 24 часа. Вышел немалый конфуз. Оказалось, что смутившая наших товарищей-марксистов статья почерпнута из советской прессы и появление ее не смутило ГПУ. Наши перещеголяли усердием ГПУ! Высылка в 24 часа не состоялась, но на несчастном публицисте наши правящие марксисты стали вымещать свой конфуз: стали выдавать ему, работнику, связанному с серьезнейшим общественным делом

краткосрочные визы и содержать его, так сказать, под Дамокловым мечом – отказа в продолжении визы, если только он дерзнет написать или пропустить в своей газете что-либо, негодное товарищам.

Этакого терроризирования печати по отношению со вне Латвия до торгового договора не знала, граждане ее пользовались благами свободы слова, и Латвия справедливо гордилась этим. Что хотят сказать, чего хотят достигнуть наши марксисты таким ограничением свободы критики явлений коммунизма? Поддержать коммунистическую пропаганду? Другой факт, еще более яркий. 6-го ноября сего года в Кафедральном соборе была совершена панихида по жертвам лихолетья, созданного 3-м интернационалом. Принимая во внимание то, что одновременно с панихидою по жертвам третьего интернационала и как бы в противовес панихиде было организовано собрание в честь и для восхваления 3-го интернационала, пред панихидою было сказано слово, предостерегающее верующих от оболъщения доктринами 4-го интернационала с указанием на реальные плоды работы 3-го интернационала. Деяние абсолютно согласное с легализованными в Латвии канонами и обычаями православной церкви, и с законами Латвии, и с интересами Латвии, борющейся с 3-м интернационалом на своей территории, как с опаснейшим для народа злом.

К великому удивлению, 7-го ноября стало известно, что местным полпредом якобы заявлен протест в связи с моею панихидою и словом, и посему мое слово не может быть напечатано. Какие могли быть формальные и реальные основания для такого протеста? Ни по международным законам, ни по специальным договорам полпред у нас цензором богослужений и проповедей не состоит, и вообще у нас такие цензоры не предусмотрены законами. Латвия доселе предоставляла своим гражданам полную свободу совести и полную свободу церковного слова. Ни полпред, ни его чины, как квалифицированные атеисты, конечно, не имели потребности молиться вместе с нами, и не молились, следовательно, и не

были непосредственными свидетелями того, что было в соборе. Моя речь в печать пущена не была.

Репортерский отчет о богослужении и речи не мог и сам по себе служить основанием для такого серьезного международного акта, как нота протеста, особенно при наличии печатного разъяснения, что репортерский отчет не претендует на точность передачи моих слов и мыслей. Нота все-таки появилась и сказала сознанию граждан Латвии, что при новых отношениях, установившихся между СССР и Латвией, СССР считает возможным навязать Латвии совершенно чуждый ей режим подавления свободы совести и свободы устного слова, что существует какое-то таинственное око, наблюдающее даже за тем, о чем молятся граждане Латвии и что говорят в своих проповедях пастыри.

Панихиды, аналогичные нашей, 6-го ноября были совершены по всему миру и сопровождаемы они были речами, подобными нашей, однако ни один полпред, кроме рижского, не вошел с нотой протеста ни к французскому, ни к английскому, ни к германскому, ни к американскому, ни к одному правительству мира. Очевидно отношение СССР к Латвии не таково, как ко всем другим прочим суверенным державам мира, а худшее, менее уважительное. Весть о новой попытке насадить в Латвии путем внешнего давления начала чуждого ей режима облетела опять весь мир и всюду без изъятия вызвала не только изумление. И наша пресса определенно выразила свое отрицательное отношение к необычайнейшей ноте. Исключение составил только официоз наших марксистов. И его атеистические сотрудники, конечно, не молились со мною в соборе 6 ноября и не были очевидцами того, что было в соборе, и они не имели в руках текста моей речи, но почтено необходимым поддержать товарища полпреда, и «Социал-демократс» поддерживает его злостными измышлениями, будто наперекор печатному заявлению репортерский отчет представляет собой материал, напечатанный моими же заботами, будто богослужение было делом эмигрантским и монархическим и так далее. «Социал-демократс» услужливо сулит полпреду принятие мер к насаждению у нас режима

угодного товарищу полпреду. Официоз совмарксистов с удовлетворением перепечатал не в меру угодливую заметку. Эту трогательную солидаризацию двух марксистских *официозов* должны запомнить все граждане Латвии. На одной стороне стоят два марксистских официоза, на другой – вся прочая пресса Латвии и немарксистская пресса мира. Тесны товарищеские узы, ясны товарищеские тенденции. Этот печальный факт для Латвии может оказаться чреватой бедой. Эти тесные узы двух марксистских групп могут породить в дальнейшем новые и новые покушения на насаждение у нас режима III интернационала. Полпред своими нотами будет давать указания, а наши правящие марксисты будут угодливо отвечать: «Правильно, товарищ; слушаем, товарищ!» Куда ведет нас такая политика, ясно для всякого. За время нахождения у власти наших марксистов установился особенно суровый режим по отношению к русской эмиграции. Если бы это отношение практиковалось бы только ко всяким эмигрантам, дело не бросалось бы в глаза. Но недавний опыт с литовскими эмигрантами показал, что отношение к русским эмигрантам дело исключительное. Выбрасываются из Латвии такие эмигранты, которые мирно проживали в Латвии годами при прежних правительствах, хотя об этом открыто не говорится, но все мы отлично знаем, откуда ветер дует. Это результат сближения наших марксистов с восточными. Цензурирование внутренних дел Латвии расширяется. Кто-то посторонний проверяет состав населения Латвии и определяет, кого оставлять и кого выбрасывать. Прошлым летом имел уже место совершенно необычайный случай, когда властный перст указал как на подлежащего высылке полноправного латвийского гражданина бывшего члена латвийского Учредительного собрания, и наши марксистские власти по обыкновению покорно ответствовали: «Слушаем, товарищи». Создается неотвратимое впечатление, что во время господства у нас марксистов, всестороннее контролирование всего хода жизни Латвии приняла на себя с соизволения наших марксистов какая-то вне Латвии находящаяся сила, дающая директивы, как и куда вести наш государственный корабль. Я боюсь, чтобы наш

государственный корабль не приплыл туда, куда в свое время при совершенно аналогичных условиях был приведен государственный корабль Грузии. Предвестниками возможности такого исхода совместной работы наших и соседних марксистов я считаю, между прочим, и то, что и в количественном и в качественном отношении чрезвычайно усилился при нашем марксистском правительстве импорт работников Третьего Интернационала. Ныне к нам ввозятся уже не кто-нибудь и кто попало, а первоклассные силы вроде, например, И.А.Берзина, признанного воротилы, друга самого Ильича. Уже открыт у нас целый ряд комячеек, но, конечно, раскрыты не все. На нашей восточной границе до чрезвычайности усилилась работа шпионских организаций. Все эти дорогостоящие предприятия затеяны, конечно, не зря. Очевидно, момент считается и подходящим, и очень важным.

Бросим еще хотя бы беглый взгляд и на нашу внутреннюю жизнь под властью марксистов с обращением прежде всего внимания на те стороны этой жизни, разгромление которых составляет программное требование для наших властителей марксистов. По идеологии марксизма *прежде всего разгрому подлежат религиозно-моральные устои страны и народа*. В этой области нашими марксистами, как и соседними, проявляется особенно напряженная энергия. Антирелигиозные речи и писания наших марксистов могли бы составить подходящий материал для таких изданий как «Безбожник», «Атеист» и др. По грубости и невежеству речи и писания наши превосходят во много раз все то, что нам приходилось слышать и читать в пределах страны марксистской диктатуры. Удостовериться в этом вы, господа депутаты, можете, заглянув хотя бы в стенограммы, увековечившие антирелигиозные выступления наших марксистов в этом высоком собрании. Но оставим в стороне эти речи. Они будут достойно заклеены историком. Перейдем к деяниям наших сегодняшних правителей на антирелигиозном фронте. Вам всем еще памятна попытка наших марксистов изгнать религию из наших казарм, из быта наших воинов. Вам всем ведомы героические усилия марксистов *изгнать религию из школ*.

Попытка марксистов лишит воспитанников и воспитателей наших школ возможности посещать воскресные богослужения была предметом продолжительного обсуждения в сем высоком собрании. Это все попытки оторвать от церкви нашу молодежь. Но наша марксистская власть считает своею обязанностью и борьбу с религиею в среде зрелых граждан нашей страны. Укажу на некоторые хотя бы примеры этого рода. Излюбленным приемом в этом роде является отнятие у живого нормально функционирующего прихода храма и причтовых построек. Когда прихожанам негде собираться для молитвы и назидания словом Божиим, когда пастырю негде жить в пределах прихода, приходу грозят распад, постепенное духовное умирание. Чтобы вы видели, как проводится эта мера в жизнь, послушайте, *14 января сего года* марксистская власть зачислила в государственный фонд наперекор законам республики церковный погост Мариенбургского прихода с храмом, причтовыми постройками и причтовыми садами. *15 февраля сего года* приходскому совету уже предъявлено требование оброка за пользование имуществом в предыдущие годы. *23 февраля* земельный инспектор предписал сдать все имущество в казну *25 февраля сего года*. Чтобы вполне оценить дело марксистов в данном случае, надо знать, что церковный погост мерю в одну десятину куплен приходом у барона Фитингофа за наличные деньги, что он корбонирован за церковь в установленном порядке, что и храм, и причтовые постройки воздвигнуты на церковные средства, что все это имущество с 1894 года до момента отчуждения состояло во всецелом, неоспоримом и безраздельном владении и пользовании прихода, что отчуждение произведено вопреки воле прихода. Такой меры энергии не проявляют в борьбе с религиею даже восточные товарищи наших марксистов. Там достаточно 20 верующим заявить о своем желании пользоваться храмом для религиозных надобностей и храм оставляется в распоряжении верующих, а их пастырю отводится и норма жилища, и норма земли наравне с прочими местными гражданами. Совершенно аналогичный случай имеет место в Страупе, где отчужденный церковный погост с храмом и причтовыми постройками

присужден некоему партийному работнику, по-видимому, в воздаяние за заслуги партийного свойства. Одним выстрелом два зайца: и приход удушен, и партийный работник награжден. Об обстоятельствах этого дела был подан, мотивированный протест кабинету министров. 28 июня кабинет вынес постановление о необходимости возвратить отчужденное имущество приходу, поручив трем министрам изыскать способы исполнения этого постановления. Мы уже тогда на это постановление посмотрели, как на ловкий жест умиротворения сознания тех верующих, которые имели глупость голосовать за марксистов при выборах в Сейм, реальных плодов от этого постановления мы не ждали, реальных плодов оно и не принесло. Аналогичные наскоки на православные приходы имели место и еще в целом ряде мест. Могут ли при таких обстоятельствах верующие и целые организации верующих чувствовать себя в безопасности под властью марксистов? Конечно нет. Мы чувствуем себя обреченными на искоренение и каждодневно чувствуем на себе руку марксистов, давящую нас, громящую нас наперекор законам нашей республики, наперекор нашим правам. На оказание поддержки кабинету марксистов, кабинету громителей религии, нельзя смотреть иначе как на измену вере, как на предательство в области веры.

По программе марксистов разгромлению подлежат не только религиозно-моральные устои страны и народа, но и устои юридические. Законы, так называемых буржуазных государств для марксистов, не свои законы, и учреждения, призванные блюсти соблюдение этих законов – для них не свои учреждения. Где марксистам удастся во всей полноте завладеть властью, они первым делом упраздняют буржуазные кодексы законов и разрушают до основания учреждения, призванные следить за исполнением этих законов. Свидетелями подобной картины мы вместе со всем миром были десять лет тому назад. Где власть марксистов еще только нарастает, там эта разрушительная работа ведется исподволь. По мере нарастания у нас марксистского влияния и марксистской власти, и мы у своих марксистов наблюдаем аналогичные тенденции. Все это делается пока осторожно и исподволь, но делается. В

этом парламентском году в комиссию социального законодательства поступили два характерных законопроекта, это проекты о трудовом суде и об административных камерах. Проекты крайне поверхностные, непродуманные, но показательные. Проповедники классовой борьбы и классовой розни не удовлетворены работой единого равного для всех суда, руководящегося единым для всех обязательным кодексом законов и не поддающегося партийным воздействиям «товарищей». Надумано создание наряду с единым государственным судом еще особых классовых судов для рабочих и для чиновников. В проектируемых судах будут судить не профессионалы-специалисты судьи-юристы, а рабочие – рабочих, чиновников – чиновники, товарищи по профессии – своих товарищей по профессии. Так как кодекса для таких Судов еще нет, то предполагается дать широкий простор велениям революционной совести. Наши марксисты не имеют пока еще силы сделать единым махом то, что сделали соседи, поэтому они к делу подходят исподволь. Они не имеют силы снести единым махом солидное здание наших судов, поэтому они решили разнести его постепенно, так сказать, по бревну и бревном. Постепенным изыманием из ведения государственного суда отдельных классов будет достигнуто, что настанет момент, когда государственному суду судить уже будет некого и он сам собою упразднится за ненадобностью. Так как профессиональные суды будут судить по велениям революционной совести, то с отпадением надобности в государственных судах отпадет надобность и в наличных кодексах государственных законов. Словом, исподволь будет достигнуто как раз то же самое, что восточными товарищами достигнуто сразу. Но пока этот процесс будет совершаться, очевидно, придется существовать параллельно судам государственным и судам профессиональным. Государству придется оплачивать и суды государственные, и суды профессиональные, счета которым не могут определить и сами прожектеры. Как примирить эту затею с постоянными демагогическими воплями марксистов об упрощении государственного аппарата, об уменьшении бремени налогов,

связанных с возрастающими государственными расходами? У марксистов всегда так – одно на словах, а на деле другое, противоположное. Марксисты говорят, будто своими профессиональными судами они намерены достигнуть ускорения производства дел. Но и это так лишь на словах. Решения профсудов не будут окончательными, не подлежащими обжалованию. Обжалование пойдет через инстанции государственного суда, значит, не укорочен, а удлинен будет путь судопроизводства на целую инстанцию. Представим себе картину, что проект этих новых судов будет принят во время нахождения у власти наших марксистов. Тогда проектируемые административные камеры не обратятся ли в чисто партийные учреждения на подобие тех административно-судебных учреждений, которые печально прославились на весь мир у соседних марксистов? Неудовлетворенность наших марксистов наличными судами и законами выразилась еще и в том, что они вопреки своим проповедям провели закон, о военно-полевых судах. Этого рода органы считаются неизбежно необходимыми на случай диктатуры.

Очевидно, и наши марксисты таят какие-то весьма серьезные намерения, если им понадобился закон о военно-полевых судах. Так как текущие обстоятельства внутренней жизни не требовали и не требуют этих чрезвычайных судов, то надо полагать, наши марксисты предвидят, что в дальнейшем при проведении ими своей программы может оказаться надобность в таких судах. Страшное оружие про запас, на всякий случай. Но может ли гражданин Латвии быть спокоен, когда он видит, как против него накаплиются про запас такие орудия? О той разрушительной работе, которая в дни марксистской работы ведется вокруг нашей армии, здесь уже говорено достаточно.

Большую роль в нашей государственной жизни играют меньшинства. Наши марксисты постоянно кричат о своей дружбе к меньшинствам, о своей благожелательности к меньшинствам. Особенно усердно кричат об этом марксисты в предвыборное время. На этом они успешно ловят меньшинственные голоса. Можно с уверенностью сказать, что и

ныне в парламенте сидит, *по крайней мере, семь марксистов, прошедших сюда меньшинственными голосами, особенно русскими голосами.* Пренебрежение правами и достоинством меньшинств с государственной точки зрения и, в частности, с точки зрения внутренней и внешней государственной прочности, и безопасности, дело недопустимое. Но и с этой стороны работа наших марксистов страдает расхождением слова с делом. Выставляя в предвыборное время себя защитниками и радетелями меньшинственных прав и интересов, по прошествии в Сейм они не помнят своих обещаний и действуют в разрезе с ними, углубляя своими действиями рознь между меньшинствами и большинством тем ослабляя прочность латвийского государственного организма.

Наибольшее количество голосов наши марксисты получают от русского меньшинства и именно к этому меньшинству они относятся всегда наиболее пренебрежительно, а некоторые из марксистов позволяют себе относиться к русским с нескрываемым злобным пренебрежением, граничащим с презрением. Всем памяты незабываемые изречения г. Скуенека *о русской культуре и русском народе.* Ныне он как будто сменил свою политическую кожу, но сердце у него все то же. Позволю себе привести хотя бы несколько фактов из деятельности марксистов в парламенте и в кабинете. В самом начале работы парламента нынешнего созыва русскими депутатами был поднят вопрос о предоставлении места в землеустроительном комитете представителю русских, так как русское крестьянство в Латвии весьма многочисленно и земельные нужды его в пренебрежении. Социал-демократы голосовали против русской кандидатуры, не исключая и тех, которые прошли в Сейм русскими голосами. Про свою дружбу к русским социал-демократы забыли, как только попали в Сейм. Правда, ныне они ввели русского депутата в землеустроительную комиссию, но не в качестве независимого представителя Сейма, а в качестве чиновника, который находится во всецелой зависимости от министерства и в любой момент может быть выброшен из комиссии. Надо и то сказать, что ко времени введения русского депутата *в комиссию*

подлежащие раздаче крестьянам земли из фонда в такой мере уже исчерпаны, что русский представитель уже ничего существенного для русского крестьянства сделать не в состоянии. Этот шаг нынешнего кабинета, как и многие другие шаги его, – шаг лицемерный, рассчитанный на предстоящую предвыборную кампанию. Социал-демократы будут иметь возможность на всех перекрестках кричать, что де мы ввели в землеустроительную комиссию русского представителя, а про то, конечно, умолчат, что в начале Сейма, когда введение его еще имело полезное для крестьянства значение, именно социал-демократы всеми своими голосами провалили русского кандидата. Та же картина имела место в думе Культурного фонда – социал-демократы своими голосами провалили русского кандидата при комплектовании малой думы и тем обрекли многие русские просьбы о пособиях на культурные нужды на провал. Для русского крестьянства могло иметь громадное значение проведение русского представителя в совет земельного банка. Провели ли социал-демократы, находясь у власти, русского кандидата в совет этого банка? Нет.

Интересы разоренного войной русского домовладельчества требовали проведения русского кандидата в ипотечный банк, но правящие социал-демократы опять пренебрегли интересами русских.

И в совете государственного банка нет русского представителя, и туда не сочли нужным провести его правящие социал-демократы.

Словом, в митинговых речах, особенно в предвыборных речах, социал-демократы первейшие друзья русских, но на подлинном деле они всегда противники интересов русского населения. Еще несколько примеров из практики нынешнего кабинета. Просмотрите списки ищущих и получающих латвийское подданство: русские всегда в меньшинстве. Просмотрите дела о разрешениях права проживания и разрешения заниматься своею профессиею в пределах Латвии. Социал-демократическое правительство выдает беспрепятственно такие разрешения и неведомым китайцам, и неграм, только получение такового разрешения для русских в

социал-демократическом кабинете всегда встречает миллион затруднений, хотя бы дело касалось русских с почтеннейшим мировым именем.

Когда началась пресловутая чистка ведомств, каких служащих в первую голову «вычищали» из ведомств министры социал-демократы? Сам президент совета министров задал тон в этом направлении. Он в первую голову изгнал из своего ведомства единственного во всей Латвии русского уездного начальника, признанного опытного борца с комачейками и бандами налетчиков. Если у какого министра не доставало русского материала для изгнания, он изгонял православных латышей – *русским-де миром мазаны*. В проявлении своего расположения к русским в предвыборную кампанию атеисты-марксисты доходили до того, что начинали и креститься по-русски, и молиться по-русски, но по окончании предвыборной кампании марксисты обращались в яростных хулителей и гонителей всего русского и в противников всех русских интересов. Ведь разгромленные приходы – все православные приходы; странствующие по изгнанию *из своего помещения по разным углам и закоулкам школы – русские школы*. Вспомните хотя бы изгнанную из своего помещения русскую Ломоносовскую гимназию и ее странствования. Ныне перед лицом городских выборов товарищи марксисты пообещали этой бесприютной гимназии постоянное помещение, но, конечно, не то, *которое ей принадлежит по праву и дорого по воспоминаниям*. Приходится опасаться, чтобы и данное гимназии обещание не оказалось марксистским предвыборным трюком. Дай-то Боже, чтобы это так не случилось. В Сейме не раз раздавались голоса, что и *правые грешны антирусскими грехами социал-демократов*. Но надо помнить разницу между *прегрешеньями социал-демократов и правых*. Правые партии никогда за русскими голосами не охотились и никакими обещаниями русских не обольщали, и в Сейм русскими голосами ни один представитель правых, не прошел. Социал-демократы же в каждую выборную кампанию ведут ярую охоту за русскими голосами, обольщают русских избирателей самыми неумеренными обещаниями, а, проведши в Сейм своих

депутатов в большом числе русскими голосами, ведут политику противорусскую, обзывают русских и их культуру разными поносными именами, вот для такой политики трудно подобрать название. Если сказать, что это политика вероломная, мне кажется, что сказано еще недостаточно сильно. Когда мне говорят, что и прежними правительствами изгнано много русских со службы за недостаточное знание государственного языка, я не отрицаю этого, но спрашиваю, а почему же нынешний марксистский кабинет, располагающий всею полнотою власти, не принимает этих изгнанников обратно на службу? Нет, он этого не делает, но еще сам умножает число таких изгнанников. Если политика правых могла возбуждать справедливое недовольство русских, то вероломная политика левых заслуживает полного негодования и более того.

Я исчерпал далеко не весь материал о работе марксистского кабинета и подпирающей его партии, но, кажется, и сказанного достаточно, чтобы сделать выводы. Марксистская внешняя и внутренняя политика за год привела Латвию и во внешнем и внутреннем отношении к положению гораздо худшему, чем то, в каком была Латвия десять лет тому назад, при своем рождении. Марксисты лишили Латвию всех ее внешних надежных опор, марксисты связали Латвию с силою, навязывающею Латвии свой марксистский режим. При усилившемся на границе Латвии организованном шпионаже, при усилившемся импорте в Латвию комагитаторов самого крупного калибра, при умножении на территории Латвии числа комячеек при беспрепятственной пропаганде в Латвии начал Третьего Интернационала при марксистской политике громления устоев Латвии – я и внутреннее положение Латвии под властью марксистов считаю крайне шатким угрожаемым. Выход? Долой марксистов и их политику. Вы шумите. Я этого шума не боюсь. То, что я говорю, я говорю из любви к своей родине и в ясном сознании своего долга пред Нею. Сознаю я то, что, если ваша власть укрепитя над страной и народом, если вам удастся достигнуть вожделенной для вас диктатуры марксизма, мне первому придется стать к пресловутой марксистской «стенке». Но, и стоя у стенки, глядя вам в глаза, я все буду повторять:

«Долой марксистов». При этом я уверен, что у стенки вместе со мною будут стоять те «нетоварищи», которые ныне своими голосами поддерживают и укрепляют власть марксистов. Тогда, может быть, они крикнут вместе со мной: долой марксистов, но будет уже поздно. Опомнитесь и сделайте это вовремя.

1927. No 699. С. 1–2; No 700. С. 2.

Рождественская радость

Наша современность жаждет веселья и изощрена в изобретении увеселений. Но веселиться не значит радоваться. Веселье часто бывает лишь лихорадочным трепыханьем крыльев души, сраженной отчаяньем. Радость живет ничем непобедимую уверенностью, что предмет ее ни сегодня, ни завтра – никогда никакой силой не может быть отнят. Современность изверилась в самую возможность такой радости. Тем с большею настойчивостью надо напоминать ей, что во Христе нам дана возможность такой радости.

Жизнь современного человечества заволокла едва проницаемую скорбною мглою. Холодные, свободомыслящие умы со своим гордым отрицанием вековых идей и самых заветных убеждений в области веры, жизни, духа, в вопросах о начале, существе и конце всего существующего сами, наконец, не знают, куда идти, чем заменить отвергнутое, чем заполнить создавшуюся пустоту. Путаница понятий и убеждений все возрастает. Все борются против всех и всего, не признавая ничьего авторитета непреложным. Строительство их все более и более уподобляется строительству вавилонскому и предвещает строителям достижения не краше вавилонских.

Каков характер современных учений? Все это понятия частные, идеи изменчивые, умозаклучения, не выходящие за пределы тесного круга преходящей видимости и временной жизни человека. А где то, что в собственном смысле может и должно быть названо истиною, где идеи, познания, умозаклучения, проникающие в глубину и существо мира и жизни, особенно мира и жизни нравственных, обнимающие дух и судьбы человека и человечества, возвышающие дух человека над всем внешним, тленным, преходящим? Где выход из

современной путанной, безнадежной завирухи друг друга исключающих и посмевающих понятий, умозаключений и теорий? Где найти опору надежде и уверенности, что истина, составляющая изначальный предмет вождений человечества, существует, что она доступна человечеству?

Праздник Рождества Христова да напомнит всем жаждущим истины, всем ищущим ее, что она сполна дана во Христе. Пред нею в свое время с благоговением преклонилась седая мудрость языческой древности. Она просветила и возвысила новые народы.

Христос – всецелое воплощение доступной человеку истины. В нем даны и для ума, и для сердца человека ясные и радостнотворные ответы на все решительно мучительные и насущные вопросы и запросы духа. Даже враги Его поучались и поучаются у Него. Он покоряет и пленяет разум человеческий, как только этот разум возвышается над сферой временности и чувственных предметов. Он действует в мире убеждением сердец, против которого всякие умозаключения бессильны. Он открывает особый, необычный для естественных познаний путь просвещения – путь нравственный, нравственным очищением и возвышением человека, очищая и возвышая его разум.

Если в мире, как ныне по местам, безумствуют ложь и заблуждение, им может удастся временно и по местам затенить истину Христову. Как солнце в сумрачный день светит лучезарное, теплое, живительное, хотя его и не видно за облаками, так и Христова истина всегда действует в мире, хотя и в борьбе с мраком сомнений, заблуждений и лжи. Самые естественные познания, при нормальной их постановке, должны приводить человека к ясному и полному сознанию истины Христовой и тогда она, раскрыв всю свою действительную силу и победив всякую ложь, совершит спасение ума человеческого.

К Христу придут.

И зло и ложь падут.

Богатый и убогий,

Простой и мудрый – все придут.

Со всех концов земных дороги

Всех ко Христу их приведут.

Людское горе и страданья,
Все духа жажды и терзанья,
Источники горючих слез,
Все примет в сердце их Христос,
Все канут в это море.
(Майков).[30]

Не стану описывать современной нравственности. Злонравный дух времени и не думает скрываться. Он беззастенчиво обнажает и показывает сам себя. Но что сказать сердцу чистому и совести непомянутой, что сказать душе верующей в Бога и Его святой закон при виде страшной, по-видимому, непримиримой борьбы грешной воли человека против святой воли Бога?

Что сказать законодателям, правителям, пастырям, которым приходится наблюдать безуспешность самых лучших своих мер, направленных к нравственному преуспеянию общества? Что сказать самим жертвам современной разнузданности?

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.[31]

Посеянные Христом семена правды и добра, мира и любви не пропали даром. Но любовь Божия позволяет расти вместе с пшеницей и плевелам. Суровое дожатвенное исторжение плевел могло бы погубить и пшеницу, корни которой на пажитях мира теснейшим образом переплелись с корнями плевел.

В мире нравственном, как и в мире физическом, наблюдаются явления мрачные и грозные. Зло кажется торжествующим, мир – погрязшим в непотребствах. Где же правда Божия? Вот тут-то она и видна, благая правда. Божия. Она именно в том, чтобы не губить мир, а спасти его, чтобы из самого зла извлечь возможное доброе, чтобы в самом тлении и растлении возбудить искру новой лучшей жизни.

Ветры злобы иногда по местам на беспредельном океане бытия вздувают буйный мятеж бешеных волн, но никогда эти бури и волны не владеют даже всею поверхностью океана,

неизмеримыми же глубинами его они не владеют и не завладеют никогда, там вечный мир и покой стихии чистой и невозмутимой. Океан без ущерба для мира в тишины своих глубин без конца принимает в недра свои стихию самых бурных волн.

Когда Христос возвещает: «Любите врагов ваших», когда Христос молится за врагов Своих: «Отче, прости им, ибо они не знают, что делают», – это значит, что вечно мирная, нерушимо спокойная, бесконечно мощная стихия Божественной любви, составляющая основу всего океана бытия и, в частности, бытия человеческого, всегда готова принять и принимает в недра свои всю сумму бурных, злобных волн с мятежной поверхности. В недрах Божественной любви злобный мятеж их утихает, они растворяются в мирной стихии, обезвреживаются, не причиняя ущерба ни ее чистоте, ни ее миру. Можно ли учесть, сколько мятежнейших волн она уже восприняла в недра свои, утихомирила, превратив злобную пену их в чистую мирную стихию?

Учтите мощь открытой нам Христом безмерной глубины вечно мирной, вечно спокойной стихии божественной любви, и вы поймете, как ничтожны мятежи человека против божественных добра, истины, правды, любви. С тех пор, как родился Христос, как возшло это солнце правды, осветившее немеркнущим светом весь мир и, в частности, мир человеческий, человеку дана нерушимая возможность непрестанно радоваться и о немеркнущей истине и о нерушимой правде, и о непобедимой любви, и о спасенном человеке.

Мятежи зла бессильны. Радуйтесь.

1927. No 724. С. 1.

Речь архиепископа Иоанна

От редакции. Речь архиепископа Иоанна, произнесенная им на заседании Сейма 21 янв. сего года занимает более 12 страниц литографированного текста, почему по газетным условиям не может быть помещена нами полностью и дается в существеннейших извлечениях. Вся внешняя политика марксистского кабинета была проникнута одним

господствующим стремлением, в жертву которому кабинет готов был принести решительно все и во внешней, и во внутренней жизни Латвии. Наши марксисты задались целью, во что бы то ни стало сблизить и связать демократическую Латвию с отравой абсолютной диктатуры марксизма. Для этой цели был выработан ряд договоров. Заключить и оформить им удалось пока только торговый договор. Уже с чисто принципиальной стороны договор этот был принципиально нелепостью: пастухи побратались с волками. Плачевные последствия договора для Латвии уже налицо и неизбежно должны углубляться. Латвия обречена злополучным договором на полное внешнее одиночество, опасное для маленькой суверенной Латвии. Рухнули все надежды Латвии на экономическую поддержку вовне. Старые терпеливейшие кредиторы спешно стали взыскивать с нее долги из опасения коммунизации Латвии. Что договор поставил нас в хозяйственную зависимость от союзника, это ныне уже для всех очевидно. Как показало льняное дело, наш союзник отныне будет иметь легкую возможность диктовать цены нам на самые существенные предметы нашего производства и нашей торговли. Договор для нас тяжчайшее экономическое ярмо, а в руках соседа – *острый кнут-подгонялка для подъяремного союзника. В экономической нашей жизни – уныние, готовое обратиться в панику.* Даже лица, близкие к кругам правительства, породившего злополучный договор, стали размещать свои капиталы по заграничным банкам. (Дело Кенгиса). Ликут только наши и соседние марксисты. Пред самой ратификацией договора мне стали подавать надежды на возвращение из плена церковных ценностей, и кое-что стали возвращать. Но некоторые предметы громадной ценности задержались, несмотря на обещание их возвратить. Мне прислано письменное заверение, что задержавшиеся предметы будут высланы, как только установится санный путь. Обещание выполнено не было, так как я голосовал против договора. Явно диктаторские тенденции проявило марксистское правительство и в проведении преднамеченных им марксистских мероприятий. Оно демагогически провозгласило чистку ведомств и диктаторски

проводило ее. Но кого и как вычищало оно из ведомств? Из главного желе-знодорожного управления марксистская власть по руководству 36 параграфа изгнало директора эксплуатационного отдела господина Думписа, старого заслуженного и весьма ценного специалиста своего дела, пять лет с честью занимавшего свой пост. Целая конференция железнодорожников сочла своим долгом засвидетельствовать свое глубочайшее уважение к нему как к опытнейшему специалисту и корректнейшему начальнику. Вы слышали, как представители марксистского кабинета с этой кафедры мотивировали увольнение его по 36 параграфу. Министр путей сообщения, химик Кревс вам поведал, что директор Думпис, хотя в конечном итоге не отказывался проводить в жизнь предначертания неспециалиста министра, но в качестве специалиста позволил себе возражать против проектов дилетанта в желе-знодорожном деле, министра-химика. В частности, господин Думпис считал своим долгом возражать против ликвидации провинциальных отделов эксплуатационного управления, находя, что эти отделы нужны в интересах правильности и исправности службы, и на случай военных осложнений, внутренних смут, злонамеренных забастовок и тому подобному, эти отделы безусловно необходимы. Министр демократической страны считал возражение тягчайшим преступлением и директора, дерзнувшего свое суждение иметь по делу, ему близко знакомому и мало знакомому кандидату химии, представил к увольнению без

прошения по 36 параграфу, несмотря на то, что директор, предостерегши министра, изъявил готовность исполнить его распоряжения, конечно, с оставлением ответственности за последствия на господине министре. Думписа уволили. Министр свои проекты провел в жизнь и с этой кафедры хвастливо заявил, что увольнением Думписа он сберег казне ежегодных 504.000 лат, что пятилетнее пребывание Думписа в должности директора принесло государству убыток в 21/2 миллиона лат. Утверждение неосновательное до странности. Сокращение штатов никогда не состояло во власти директора, оно могло быть проведено господином министром и при

наличии Думписа на службе. Министр приписал Думпису вину, в которой он не только не виноват, но и не мог быть виноват. Министр, отмечая сбережения на сокращении служащих, забыл отметить ущерб, причиненный государству его мероприятием. Уже с этой кафедры отмечались неурядицы, порожденные сокращением числа служащих: поезда приходят на станции при глубоком сне переутомленных служащих, паровозы бегут по линиям без машинистов, пресса непрерывно оповещает нас о желе-знодорожных крушениях. Почему бы госпо-дину министру не сообщить нам во что государству и гражданам обошлись крушения, вызванные сокращением штатов железнодорожников? Но об этом он промолчал, ибо это говорило бы в пользу прогнанного директора. Данную господином *Кревсом мотивировку экстренной расправы с Думписом несколько расширил и углубил* господин *Бастьян* – этот универсальный специалист и по ж.-д. вопросам и финансовым и прочее и прочее. Он с присущим ему апломбом поведал нам, что Думписа было необходимо прогнать со службы за покровительство взяточникам. Думпис будто бы покровительствовал виндавскому[32] начальнику станции Зарину, вымогавшему взятки с бедных рыбаков. О взяточничестве Зарина Бастьян говорил, как о факте непререкаемом, якобы установленном неким «товарищем» господина Бастьяна по партии. Однако дело о взяточничестве Зарина было предметом обследования не только у товарищей, но и в независимом суде. Дело по обвинению господина Зарина во взяточничестве прошло все инстанции суда, и, как видно из имеющихся у меня документов, Зарин оправдан начисто и в окружном суде, и в палате, рассматривавшей дело по распоряжению Сената. Мало этого. Окружной суд приговорил лиц, обвинявших Зарина во взяточничестве, к тюремному заключению. Все это оглашено и в печати. Не странно ли после всего этого, что господин Бастьян с трибуны Сейма клеймит всесторонне реабилитированного человека позорным прозвищем взяточника. Надо добавить, что Зарин один из опытнейших, заслуженнейших начальников станций, с многолетним, безупречным служебным стажем.

Господин Кревс счел нужным нас уверять, что в увольнении господина Думписа политические мотивы роли не играли, но его выдал с головой господин *Бастьян*, заявивший с этой кафедры, что Думписа было необходимо прогнать со службы потому, что он принадлежал к «истиннорусским людям» и преследовал всех чиновников к «истиннорусским» людям не принадлежащих. В подтверждение своего утверждения господин Бастьян ни документов, ни фактов не привел. От господина Думписа мы имеем письменное заявление, что он никогда ни к каким политическим партиям не принадлежал. Конференция железнодорожников в постановлении своем свидетельствует, что «господин Думпис в своих отношениях к служащим всегда был равномерно справедлив, невзирая на их политические взгляды». Таким образом и из политической мотивировки увольнения Думписа по 36 параграфу должно отпасть именно то, на что с особою силою напирал господин Бастьян. Но основа этой политической мотивировки остается: Думпис прогнан со службы по политическим мотивам. Определенно известно, что Думпис не марксист и ни на какие сделки с воротилами марксизма не способен. И он, и Зарин – люди, государственно мыслящие в духе существующего латвийского демократического государственного строя. Им в значительной степени обязана забастовка своим провалом. Не в этих ли фактах кроется жестокая расправа и с тем, и с другим Я сравнительно долго задержался на этом вопиющем деле потому, что чистка эта знаменует освобождение ведомств от тех элементов, которые имели мужество возражать против марксизации государственного аппарата демократической Латвии и использования государственного аппарата для целей марксизма.

При ликвидации одной из должностей железнодорожных инспекторов был ликвидирован Чакур, честнейший и безупречнейший во всех отношениях специалист, но тоже не марксист. Господин Кревс не нашел возможным порочить господина Чакура как человека – службиста, но указал, что Чакур ликвидирован потому, что он человек богатый, домовладелец, а другой инспектор не имеет никакой

собственности, кроме своей рабочей силы. Оказывается, однако, что и оставленный на службе инспектор не является человеком неимущим. Невдалеке от дома г. *Чакура красуется прекрасный доходный дом его счастливого коллеги.* Но по странному свойству зрения господина Кревса, дом Чакура он разглядел в удвоенном виде, а дома его коллеги не разглядел и объявил несуществующим. Впрочем, с несомненностью ясно то одно, к чему мы и ведем свою речь: суровому вычищению из ведомств подвергались немарксисты. Чистка носила не иной, как чисто партийный характер. Марксистов не вычищали. Наконец, еще один демагогический конек марксистов – это монополия благоволения к меньшинствам, и особенно к русскому меньшинству, из срока в срок отдающему на выборах свои голоса за марксистских кандидатов, якобы отъявленнейших друзей и покровителей русских и всего русского. Вот здесь-то считаем уместным задать несколько вопросов и русским гражданам Латвии, и марксистам.

Кто требует сметения с лица земли железною метлою православных русских святынь? Наши марксисты. Процент сметенных с лица земли православных русских храмов у нас больше, чем у соседних марксистов. Кто требует зарезывания православных русских организаций ножом хирургическим? Наши марксисты. И в истекшем году хирургический нож применен к целому ряду православных русских приходов, *и напрасно* господин *Бастьян* пытался отвергнуть причастность марксистов к этого рода операциям. Мы располагаем и фактами, и ворохом документов, подтверждающих эти факты. Господин президент кабинета не решился отвергать наличия этого рода фактов. Он отнес их к разряду «мелочей». Хороши мелочи для маленькой Латвии – приходы с тысячами душ прихожан. Кто сделал попытку ограничить свободу богослужений православных, обеспеченную законами Латвии, и свободу церковного слова? Марксисты. Кто сделал попытку «обуздания» русского закономерно свободного печатанного слова? Марксисты. Кто покушался на выброску из пределов Латвии не только бездомных нансенистов, но и законных русских латвийских граждан? Марксисты. Кто обрек одну из

самых старых исторических русских средних школ на скитание бесприютное и унижительное из конца в конец нашей столицы, по изгнании ее из ее исторического пристанища, связанного с именем Ломоносова? Марксисты.

Кто голосовал в Сейме против русского кандидата в центральную землеустроительную комиссию и тем лишил русского крестьянина защитника его интересов в этом важнейшем для крестьян учреждении? Марксисты, не исключая и тех, которые в Сейм прошли русскими голосами.

Кто голосовал против русского представителя в малой думе Культурного фонда и тем ослабил защиту русских культурных интересов? Марксисты. При ком свершилась выброска единым росчерком пера со службы на латвийских железных дорогах десятков русских старых железнодорожных работников, только потому, что они русские нансеснисты и при том в некоторых случаях лишь потому, что их прошения о подданстве лежат без движения в Министерстве внутренних дел? При кабинете марксистов. Дано ли место русскому представителю в управлении государственного банка? Места были, но друзья марксисты забыли про русских. А в земельном банке? Места были, но марксисты, избранные в Сейм и поддержанные в Сейме русскими голосами, русских обошли. А в ипотечном банке? Та же картина. Когда марксистам указывают на этого порядка безобразные явления, они любят указывать на то, что и некоторые другие политические партии и группы относятся к русским в Латвии не лучше марксистов. Но, господа, есть разница между теми и вами: те никакими обещаниями русских не обольщали, те русскими голосами в Сейм и самоуправления не проходили, те не связаны прямыми обязательствами по отношению к русским, а вы? По крайней мере, шестеро из вас сидят здесь в Сейме только потому, что русские избиратели в простоте сердечной поверили вашим посулам и обещаниям, если не все вы, то, по крайней мере, шестеро из вас должны считать себя обязанными поддерживать интересы русских, но видели ли мы среди вас хотя бы эту благоприятную русским шестерку? Нет. Ваши выступления против русских всегда отличались сплоченным единством всей фракции.

Запомните раз навсегда господа споспешники марксистов, что они вас балуют вниманием только до той поры, когда им при вашем содействии удастся захватить всю власть над страной. Тогда ваша участь будет не лучше, а может быть хуже нашей.

Нам даны только две возможности: или единый противомарксистский фронт и победа над марксизмом, или гибель под кровавым игом марксизма. Красное море для нас мертвое море.

1928. № 750. С. 2.

Друзья ли?

Статья депутата Сейма архиепископа Иоанна

К предстоящим выборам в городские самоуправления

Настала полоса выборов, и опять пред русским избирателем соловьями заливаются красные искушители – марксисты всех толков и оттенков. Опять эти всем все обещающие и всех во всем обманывающие демагоги расточают и перед русскими избирателями самые несбыточные посулы. Не пора ли русским избирателям вникнуть, насколько русский избиратель может верить этим красным краснобаям? Битых девять лет морочат они русских избирателей изъяснениями в дружбе и дружескими посулами, но не пора ли русским дать себе ясный отчет в том, действительно ли марксисты друзья русских и как они выполняли свои обещания на деле, было ли у них хотя бы желание выполнять свои обещания? До 1927 года красные оболъстители любили изворачиваться ссылкою, что будто буржуазная власть не давала им проявить дружбу к русским и выполнить данные им обещания. 1927 год раз навсегда закрыл для красных эту лукавую лазейку. В течение всего 1927 года, как это общеизвестно, вся полнота власти была в руках наших марксистов, и они располагали всеми возможностями проявить свои истинные отношения к русским и исполнить свои обещания. Что же мы видели? На кресло президента в своем кабинете марксисты посадили как раз того из своих вождей[33], который с высокой трибуны во всеуслышание презрительно обозвал русских «азиатами». 1927 марксистский год с несомненностью показал, что в этом грубо и

презрительно брошенном прозвище отразились не только личные настроения «вождя», но и подлинные настроения призвавших его в «вожди» марксистов.

Откровенная ненависть к подлинным русским и ко всему подлинно–русскому «красною» нитью прошла чрез всю работу марксистского кабинета, поскольку она касалась русских. Дружественное отношение к русским и ко всему подлинно–русскому, так называемое русофильство, при господстве красных и в их публичных речах, и в их прессе расценивается как нечто позорное и позорящее, как нечто нетерпимое. Заслуженных крупных чиновников красные властители гнали со службы по 36 параграфу, между прочим, по признаку пристрастия к подлинно–русским людям. Меня – депутата, посланного в Сейм русскими избирателями, – всячески поносили за то, что я не только ныне, но и в прошлом считал своим долгом защищать права и интересы своих русских пасомых. Обрыскали все прежние места моего служения в России, собрали клочки старых газет, обрывки старых адресов, поднесенных мне моими сопастырями и пасомыми, для того, чтобы документально и фактически доказать как нечто с марксистской точки зрения позорное и нетерпимое, что я на всех местах моей прежней службы в Вильне, в Минске, в Одессе, на Дону и повсюду работал над сплочением, объединением и организацией моих русских пасомых, что я создавал блоки из русских национальных и религиозных организаций и, становясь сам во главу таких блоков, проводил в Государственные Думы всех созывов православных русских людей, способных отстаивать религиозные и национальные права моих русских пасомых. Эту мою работу, которую подлинно русские люди – мои сопастыри и пасомые – вменяли мне в высокую заслугу, восхваляя и в прессе, и в поднесенных мне многочисленных адресах, здравый смысл может трактовать не иначе, как честное исполнение долга.

На всех местах моего прежнего служения и моими сопастырями и моими пасомыми были подлинно русские люди – *миллионы русских крестьян и русских рабочих, и я был призван заботиться о них и заботился. Я должен был стоять и стоял*

за религиозные, национальные, экономические и прочие *интересы моих подлинно-русских пасомых*. Когда ныне наши марксисты такую мою деятельность наперекор оценке, данной ей моими подлинно русскими сопастырями и пасомыми, силятся представить зазорной и предосудительной и в то же время кричать о своей дружбе к «русским», невольно сам собою напрашивается вопрос, к каким русским питают дружбу наши марксисты, если дружбу к подлинным русским людям они считают зазорной и предосудительной? Не являются ли предметом их дружбы те подложно-русские люди из стана родственных им марксистов, которые под прикрытием громких русских имен: Троцких, Зиновьевых, Сталиных, Каменевых и прочих, и прочих, крича о дружбе к русскому народу и обманно втираясь в доверие к нему, исподволь работали над разложением подлинного русского народа и всего русского, исподволь подготавливали и подготовили подлинному русскому народу тот ад неописуемых унижений и мук, в котором он на виду у всего мира корчится ныне? Духовное родство наших марксистов с этими подложно-русскими людьми не подлежит никакому сомнению; одного поля ягоды, одного отца дети – марксисты те, марксисты эти. Непреодолимое тяготение наших марксистов к миру, созданному подложно-русскими Троцкими и Ко., ярко обнаружилось в 1927 году, когда были сделаны совершенно определенные попытки теснейшим образом сблизить и связать нас с детищем Троцких и Ко. Близкое сродство душ наших и соседних марксистов в 1927 году выявила и марксистская пресса. В официозах двух сродных станов наблюдалась трогательная общность вкусов и стремлений. Если это так, если наши марксисты, крича о своей дружбе к русским, разумеют подложно-русских людей, вроде Троцких, Зиновьевых и прочих, тогда, конечно, понятна их ожесточенная ненависть к подлинным русским людям и ко всем искренним друзьям подлинно- русских людей, тогда понятной становится и вся их политика по отношению к подлинным русским людям, состоящим гражданами Латвии и ко всему подлинно-русскому. Подлинные русские люди для наших марксистов, как об этом свидетельствует изречение виднейшего

лидера наших марксистов, «азиаты», поэтому и в настоящее время, когда в «Азии нашей столицы» (так, вероятно, будет назван нашими марксистами русский форштадтский квартал, если в городскую думу пройдет количество марксистов, достаточное для переименования) раздаются красные речи марксистов о превеликой дружбе к русским, нареченные «азиаты», то есть подлинно-русские люди, *должны понимать, что эти уверения к ним не имеют никакого отношения.* Вот и доказательство сему. Те же марксисты и как раз в ту же пору, когда они на Московском предместье столицы, захлебываясь от дружбы к «русским», сулят им молочные реки в кисельных берегах, послали на трибуну Сейма одного из виднейших своих лидеров для выражения крайнего недовольства марксистов по поводу назначения русского депутата товарищем министра земледелия. Коалиционному большинству Сейма это назначение казалось и кажется актом справедливости. Русские составляют 12 процентов населения Латвии, *их право на участие в управлении страной неоспоримо. Русские граждане Латвии – по преимуществу земледельцы, поэтому особенно целесообразным является предоставление русскому поста в министерстве земледелия.* Марксист с гордостью поведал с трибуны Сейма, что требование такого поста было обращено в свое время и к марксистскому кабинету, но марксистский кабинет такое требование отверг. Что для марксистов требование и права «азиатов»? Ведь это подлинно-русские люди, паче всего на свете клянущие и Маркса и марксистов как виновников безмерных унижений и страданий русского народа, они денно и нощно молят Бога о скорейшем конце марксизма, который приравнивают к чуме, холере, саранче и тому подобному. Подлинно русские люди должны запомнить, как марксисты в Сейме в лице своего вождя мотивируют свое недовольство введением русского депутата в состав правительства Латвии. Этот русский депутат («азиат») домогался поста в правительстве... Видите, как ослепляет марксистов неистовая ненависть к подлинно русским «азиатам»: русский депутат домогался того, на что он имел полное право, к чему обязывал его долг по отношению к его

«азиатским» избирателям, а марксист ставит ему это в упрек. Очевидно, наш марксист желал бы, чтобы и «азиатские» депутаты и все «азиаты» нашей страны (да и «азиаты» ли только?) были пред лицом марксистской власти таким же бессловесным и подъяремным «быдлом», в какое обратили народ соседние марксисты. Так что ли? Другое возражение: этот властолюбивый депутат будто бы не владеет государственным языком, *и опекаемым марксистами гражданам затруднительно будет сноситься с таким («азиатским») членом правительства. Это возражение не совсем верно с фактической стороны, ибо «азиат» этот понимает и некоторые «европейские» языки, в том числе и наш государственный язык.* Но помимо этого, это возражение звучит весьма странно именно в устах лидера марксистов. У всех еще в свежей памяти благоприятное для прав русского языка распоряжение марксистского министра. Или этот циркуляр был лишь демагогическим актом, рассчитанным на одурачиванье русских масс? Или, может быть, лидер марксистов вздумал демагогически выслужиться пред латышскими массами? Как бы то ни было, все-таки и демагогия, если она желает держаться элементарного приличия, должна, хотя в некоторой степени, подчиняться требованиям логики. Не забудьте, подлинно-русские люди, по марксистской терминологии – «азиаты», *что те же марксисты, которые послали на трибуну Сейма своего лидера и публично заявили, что они затрудняются с вашим представителем разговаривать на русском языке, с вами на митингах и на Московском предместье столицы, и в Латгалии, и всюду разговаривают не на государственном языке и от вас, когда им нужны ваши голоса, не требуют знания государственного языка, а на все лады «ломают» пред вами «русский» язык и сами себя норовят «обломать» на русский лад, прикинуться, если не русскими, то обрусевшими до последней степени и величают тогда они вас «товарищами русскими», а не «азиатами», как обзывают вас за глаза на непонятном для вас языке даже в самом высоком учреждении страны. Учтите, русские, это грубое двоедушие марксистов, а для того, чтобы понять, куда и к чему ведут народ марксисты,*

вспомните аналогичные двоедушные типы из недавнего прошлого, когда по лицу родной вам земли рыскали первейшие друзья русских, сердечнейшие благожелатели их вроде Троцких, Зиновьевых, прикрывшихся русскими именами, а некоторые и без такого внешнего прикрытия.

Эти подложно-русские люди обещали всем все, а дали что? Всем подлинно-русским и всему подлинно-русскому они уготовали небывалый позор унижений, разорения, посмеяния, разложения. На позор родной земли и родного народа учитесь оберегать хотя то небольшое родное, святое, что осталось у вас, что охранено законами и строем Латвии. Поддержать на выборах марксистов, – *это значит, поддержать ту язву, которая погубила тысячелетние достижения великого русского народа.* Напрасно некоторые дают обмануть себя баснями о безвредности и безобидности наших марксистов. Природа марксистов всюду и всегда одна и та же. Наши и соседние – *чада одного и того же Маркса, по русской поговорке – те же красные раки, только из другого мешка.* Наши размерами помельче соседних, количество их меньше и породы их послабее, но марксистская сущность их та же. Те же щи, да пожиже. В частности, их отношения к национальностям, как мне кажется, ровно ничем не отличаются от таковых же отношений соседних марксистов. Они не друзья, *и не могут быть друзьями, не только подлинным русским, но и подлинным латышам, и подлинным евреям, и подлинным немцам, и подлинным полякам.* Они такие же интернационалисты, как и те, такие же враги всех национальных идеалов и достижений, как и те. Ни один национально мыслящий гражданин, ни одна группировка граждан, чтущая национальные достижения своего народа, не может положиться на марксистов, если даже они, бия в перси, клянутся в дружбе и благожелательстве. Приведенные выше примеры подтверждают это, но таких примеров мы могли бы привести еще множество, и при надобности приведем. Вывод ясен: кто чтит свою нацию, ее достижения, *предания, идеалы, ее благо – тот не только не может, и не должен поддерживать марксистов, тот должен работать против марксистов.* Националист, кто бы он ни был,

отдавая свой голос за марксистов, сознательно или бессознательно предаёт свой народ и его подлинные интересы. Это должны помнить граждане, чтущие свою нацию, и на предстоящих столичных городских выборах. В особенности это должны помнить русские. Из всех русофобов марксисты самые ярые и непримиримые и на словах, *и на деле. Кому дороги русские права и русские интересы, не найдет защиты их у марксистов.* Подлинные русские люди так же, как и подлинные латыши, евреи, немцы и поляки должны голосовать за свои подлинно национальные списки.

ДЛЯ РУССКИХ ТАКИХ СПИСКОВ ДВА: №10 ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХ И № 17 ДЛЯ СТАРООБРЯДЦЕВ. ЗА ЭТИ ДВА СПИСКА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДАНЫ ВСЕ ПОДЛИННО РУССКИЕ ГОЛОСА.

Марксистам, плюнувшим в национальное лицо русских грубою презрительною кличкою – «азиаты», вы должны доказать, что и вы, невзирая на тяжёлые обстоятельства, не утратили чувства национального достоинства, опирающегося на достижения тысячелетней русской истории, признанного во всем культурном мире и дерзко оплевываемого только озорными марксистами.

Я не призываю отвечать плевком на плевки, пощечиною на пощечину, но вы должны дать почувствовать марксистам, что и униженные, и обиженные среди унижений и обид дерзают сознавать и свое человеческое, и национальное достоинство. Голосование русских за марксистские списки – *позор для русской национальной чести и достоинства, оно знаменовало бы рождение несвойственного характеру великого народа холопства и раболепства.*

Пред кем? Разве не марксисты являются могильщиками всех священнейших достижений подлинно русской силы и гения, подлинного русского народа?

1928. № 773. С. 1.

Речь архиепископа Иоанна

При составлении бюджета Министерства иностранных дел нам волей-неволей приходится затронуть несколько весьма

болезненных вопросов, из которых самый болезненный – вопрос о наших договорах с Советской Россией.

С теоретической точки зрения, абсолютно ясно, что никакое нормально функционирующее государство, ни одно государство, существующее на юридических и моральных основах, не имеет возможности вступить договорные отношения с государством, которое и теоретически и практически отклоняет все международные, правовые и моральные нормы, которые в других государствах считаются основой основ жизни и сожительства. Все те государства, которые вступили с Советской Россией в договорные отношения, рано или поздно пришли к выводу, что договор с советчиной является не только безнадежной, но и всесторонне вредной сделкой. Высокому собранию известны случаи, когда договоры с Советской Россией превратились в колоссальные политические скандалы. У нас самих в этом отношении тоже есть скандальные истории. Наш мирный договор с Советской Россией является ничем иным, как длительным международным политическим скандалом. Советская Россия заключила с нами мирный договор и этим добилась для себя экономических и политических привилегий, так как те ноши, которые на нас взвалил договор, мы несли и несем. Но большинство тех тяжестей, которые договор возложил на Советскую Россию, остались и остаются без носильщика. Нас СССР использовал и использует в таком объеме, какой предусмотрен в мирном договоре, но те ноши, которые СССР, согласно мирному договору, приходится нести в нашу пользу, как уже неоднократно сообщалось с этой кафедры, предоставляются только усмотрению СССР.

Нам не дают как контрагентам то, что нам причитается на основании договора, но только то, что захочет по известным ему соображениям наш большой контрагент.

Это все нам уже было известно, когда мы рассматривали дело о торговом договоре. Почему, зная все это, наше левое крыло так горячо выступало за торговый договор с Советской Россией? Это знает только само левое крыло. Остальные депутаты и не левые граждане об этой горячности в деле о договоре информированы окружным путем и

предположительно. Во всяком случае теперь, когда договор заключен, мы все ясно видим, что наш торговый договор для Латвии так же невыгоден, как и другие заключенные с Советской Россией на Западе и Востоке торговые договоры.

Все те широкие привилегии, которые наши марксисты дали советским марксистам по торговому договору, Советская Россия использует во всей широте и глубине. Все, что Латвия обещала Советской России, она дает. Но что дает Латвии Советская Россия согласно торговому договору? Мне определенно известно, что наш контрагент не считал нужным своевременно информировать наше правительство о своих сделках, которые считаются сделками с Латвией. Только несколько дней тому назад на основании запроса представителей нашего правительства было сообщено о некоторых товарных заказах и сделках, которые, как будто бы, произошли согласно торговому договору. Но имеет ли это сообщение связь с торговым договором – об этом нет ясных и определенных данных, проверить достоверность этого сообщения

невозможно, так как для такой проверки нет нужных данных. Советская Россия, несмотря на то, что договор заключен с латвийским правительством, не считала нужным держать латвийское правительство в курсе своих сделок. Что она сделала, то сделала по своему усмотрению без ведома Латвии. Такой образ действий не только не согласуется с требованиями обыкновенной политической вежливости, но и противоречит прямым интересам Латвии.

В торговых сделках с Советской Россией Латвии полагаются известные уступки. Каким же образом латвийское правительство должно вести расчет этим уступкам, если у него нет своевременных сведений о сделках, или, может быть, этим уступкам уже заранее предрешена та же судьба, которая постигла скидки на те торговые сделки, которые были совершены до торгового договора. По делу о вышеупомянутых уступках уже вручено 8 нот, но Латвия не только не получила ни одного сантима, но даже не получила ответа на многие ноты.

В последнем сообщении Советской России перечислены сделки, которые, будто бы, имеют связь с указанной в торговом

договоре общей суммой сделок в 17 миллионов лат. Действительно ли имеют эти сделки связь с торговым договором? Являются ли указанные в сообщении суммы суммами реального оборота? Проверить это нашему правительству не дано возможности, так как не во всех случаях указаны фирмы-участницы сделок. Но если указанная сумма соответствовала бы действительности, то бросается в глаза, что эта сумма ничтожна по сравнению с суммой, означенной в договоре. Первое полугодие договора приближается к концу. Ясно, что обещанные в договоре заказы Латвии в течение первого года далеко не достигнут упомянутой в торговом договоре нормы. Даже при наилучших обстоятельствах в течение первого года мы могли бы теперь надеяться лишь на небольшую часть обещанных заказов. Но мы все это хорошо знаем, когда мы имеем дело с Советской Россией, то нечего надеяться на лучшее, а нужно ожидать наихудшего. Такой урок нам преподавал наш мирный договор, такое поучение звучит во всех советских договорах с другими народами. Теперь уже можно определенно сказать, что торговый договор Латвии с СССР не будет выгоднее мирного договора, так как наш контрагент и во время действия торгового договора держится той же политики, которую он практиковал во время исполнения мирного договора. Из Латвии он выжал все, что ему причитается по договору, требуя себе таких привилегий, которые в торговом договоре не предусмотрены. Такая тенденция уже заметна в деле о кредитовании советских сделок, и, насколько можно судить по беседам с журналистами председателя Банка Латвии, эта тенденция даст желаемые ей привилегии. Но Латвии Советская Россия даст не то, что она обещала в договоре, но по своему желанию и доброй воле.

Народы и государства, в частности также и наш народ, и государство, должны понять, что представляет собою по существу договор с Совдепией. Злокачественный нарыв, легкомысленно привитый народу и государственному организму. Он высасывает у народа и государства все силы, ослабляет народ и государство духовно и экономически.

Здравый разум диктует то, что уже сделали государственные мужи Великобритании. Нарыв должен быть ликвидирован немедленно, пока его деятельность не успела подорвать и разрушить организм народа и государства.

1928. No 809. С. 2.

**Ответ архиепископа Иоанна марксистам
(речь, произнесенная в Сейме 21 марта)**

Бюджетные прения этого года проходят особенно страстно, под знаком небывалого озлобления оппозиции. Не странно ли? Правительственный аппарат все тот же и работа его все та же, что и в то время, когда у власти находилась нынешняя оппозиция, бюджет составлен еще правительством нынешней оппозиции, а оппозиция неистовствует и по поводу бюджета, и по поводу «аппарата». Очевидно, дело не в аппарате, и дело не в бюджете, а в озлоблении оппозиции, порожденном какими-то посторонними и бюджету, и аппарату обстоятельствами. Пора, ближайшая к бюджету, действительно дала несколько обстоятельств, способных вывести из равновесия нашу малокультурную оппозицию. Прежде всего *надо учесть ту непреодолимую жажду власти, которою страдают нынешние вожди оппозиции*. На некоторое время им удалось пробраться к власти, но неумелые руки не сумели удержать сладкое бремя власти. Досадно. Вот и вымещают свою досаду на бюджете, на аппарате, на министрах и даже на отдельных членах коалиции, в том числе и на мне, мнимом виновнике падения левой коалиции. Другое досадное обстоятельство – катастрофический провал марксистов на выборах в Латгалии. Здесь за марксистов сдано во много раз меньшее количество голосов, чем на предыдущих выборах.

Русское население Латгалии прозрело, опознало в марксистах духовную родню тех могильщиков Руси, которые довели ее до днешнего позорного состояния, и отдало свои голоса за свои русские списки и уже, конечно, никогда не вернется к марксистам, в течение девяти лет обманывавшим все заветные чаяния русских. Отныне «марксист» в латгальском русском лексиконе почти бранное слово.

Дикой злобы полны самые недра латвийского марксизма. Неудовлетворенность нынешними крайне неудачными вождями партии, использовавшими свое положение вождей для того, чтобы из пролетариев обратиться во владетельных буржуев, банковских директоров и людей с капиталом, так велико в пролетарских массах, что пролетарии Латгалии сочли невозможным дальнейшее поддержание политики разбогатевших вождей и обособились в особую партию латгальских марксистов.

Марксистская интеллигенция создала особую партию независимых марксистов, ставшую в резкую оппозицию к «вождям». Профсоюзники со свойственной им прямолинейностью вынесли резкую критику горе-вождей в массы, на митинги и на улицу. И в среде самих вождей идет ожесточенная грызня, вылившаяся даже на страницы «официоза» вождей.

Картина мрачная катастрофическая, способная вывести из равновесия и озлобить вождей. Нет ничего удивительного, что озлобленные катастрофами марксисты, по правилу – с больной головы на здоровую – выливают море желчи на головы министров, аппаратчиков и коалиционеров.

Позволю себе кратко коснуться того, что озлобленные своими неудачами марксисты наплели здесь про меня. Юный марксист сгоряча проболтался с кафедры о якобы состоявшемся решении фракции бойкотировать меня. Если такое постановление имело место, то трудно представить себе что-либо в политическом и бытовом смысле более нелепое.

Атеисты отдают приказ не приветствовать архиепископа. Но разве архиепископ когда требовал, чтобы атеисты его приветствовали? Разве он когда-либо искал общения с атеистами? Общение и близость с атеистами его могли бы только компрометировать среди верующих. По христианской терпимости он не имел возможности потребовать того, что ныне сделали марксисты, но ныне, когда марксисты объявили ему бойкот, он может только приветствовать этот шаг, ибо он вполне отвечает принципам, выраженным в первом псалме Давида.[34] Враги потрудились за архиепископа и для архиепископа.

Спасибо! С сеймовой кафедры пущена злостная инсинуация, будто мой перевод из Таганрога в Тверь был результатом требования моих прихожан, а для меня наказанием за что-то. Я принес сегодня с собою ворох документов, свидетельствующих об исключительно добром отношении ко мне моей Таганрогской паствы, а также указ Синода о моем переводе. Желающие могут ознакомиться.

Если бы марксисты были более просвещены по части российской географии, истории и статистики, то для них было бы ясно, что перевод из окраинного Таганрога в центральную Тверь, из молодой епископии в старинную славную епархию, из епископии с сотнею приходов с несколькимистами тысячами прихожан в епархию с двумя тысячами приходов и около двух миллионов прихожан, является крупнейшим служебным повышением.

И в дальнейшем моя служба шла только на повышение, при самых наилучших отношениях ко мне и духовных властей, и паствы.

Желающие благоволят удостовериться в этом из принесенных мною с собою официальных документов. Только в стане безбожных марксистов я не пользовался расположением, ибо я служитель Бога, а они противники Его.

Марксисты мне ставят в обвинение то, что я на местах моей российской службы неизменно был другом национально-мыслящих русских людей, организовывал их для защиты национальных прав и интересов.

Марксисты забывают, что на всех местах моей российской службы моими пасомыми были подлинно-русские люди и забота о них составляла мой священный архипастырский долг. Или марксисты хотели бы, чтобы я с высоты своего архипастырского поста протянул бы руку тем подложно-русским марксистам, которые прикрываясь различными чисто русскими псевдонимами вроде Троцкого (Бронштейна), Зиновьева (Апфельбаума), Сталина (Джугашвили) и тому подобными, вели под маскою благожелательства подлую работу разложения и денационализации русского народа? Результаты этой подлой работы ныне у всех налицо.

Может быть вам, господа марксисты, этакая работа по душе, но я всегда был и пребуду определенным противником таких ваших марксистских методов разложения национальных организмов. Я всегда стоял и стою за здоровый национализм латышский ли то, русский ли то, немецкий ли то, еврейский ли то, польский ли то.

Я ваш ярый противник здесь, в Латвии, между прочим и потому, что вы интернационалисты, озлобленные противники всего национального.

Я здесь, с этой кафедры, не имею возможности перечислить все те грубейшие оскорбления, которые вами нанесены национально-мыслящим и национально-действующим гражданам Латвии. Грубы вы были всегда и к национальному большинству Латвии – латышам, но особенно беспощадны были к национально мыслящим русским.

«Истинно русский» – *для вас бранное слово*. Ваш лидер с этой кафедры заявил, что только обскуранты могут считать русский язык языком культурным. Он же обратился к ищущим латвийского подданства русским с этой же кафедры с незабываемым и презрительным: «Пусть убираются они туда, откуда пришли или туда, где они желательны».

Разве не из уст матерых марксистов вырвались полные злобы слова о необходимости снести с лица земли некоторые храмы только потому, что они русские? Предвокзальная часовня снесена разве не по требованию марксистов? Позор этого деяния – ваш позор.

Русские поняли вас и, как показывают последние выборы, отвернулись от вас.

Я уповаю, что недалеко то время, когда и все нации, населяющие Латвию, поняв вас, отвернутся от вас по примеру русских.

Вы будете вычеркнуты из состава общественных сил Латвии как носители разлагающих начал. Без вас в контакте дружеской солидарности станут работать благородные силы всех национальностей над созиданием Латвии на основе здорового, друг к другу терпимого национализма.

В нынешнем кабинете мы видим первый опыт мирного и плодотворного сотрудничества наций Латвии. Если здоровое понимание национализма, породившее этот кабинет и настоящую коалицию, будет крепнуть, сгинут сами собой с лица нашей земли злобные враги всего национального – интернационалисты марксисты.

1928. No 810. С. 2.

Речь архиепископа Иоанна на заседании Сейма 26 марта

Террор социалистов против депутатов. – «Жаргон отбросов общества». – «Закон, карающий хулиганство, молчит». – Недвусмысленные угрозы. – Штурм на кафедре. – Тезисы чрезвычайки. – Родство со Стучкой. – «Есть лица, ответственные за деяния в сотрудничестве с кровавым Стучкой». – «Я стою марксистам поперек дороги». – Марксисты – первейшие недруги крестьян.

При появлении архиепископа Иоанна на ораторской трибуне большинство социалистов демонстративно встает и устремляется к дверям. Из их среды раздаются возгласы и бранные выкрики по адресу архиепископа, под которые архиепископ начинает свою речь. – Не успел я подняться на кафедру, – заявляет владыка после того, как шум несколько утих, – как с левых скамей по моему адресу, как всегда, раздались недопустимые возгласы и брань...» Председатель доктор П. Калнин[35] вдруг резко останавливает оратора, предлагая ему не вмешиваться в компетенцию председателя. Возгласов с мест, уверяет председатель, он не слышал. После совершенно неожиданного замечания председателя пораженный и удивленный архиепископ, собираясь с мыслями, несколько мгновений молчит. – Что, слов не хватает?[36] – снова несутся издевательские выкрики слева. – Нет, слов у меня хватает, – парирует Владыка, но бывают случаи, когда невольно становишься в тупик. Сегодняшнюю речь по бюджету министерства финансов я вынужден начать с протеста против той атмосферы террора, которую наши марксисты создают здесь в Сейме при выступлениях неугодных им депутатов, в частности при моих выступлениях. Террор разных видов всегда и всюду сопутствует марксистам всех названий. Но допустимо

ли, чтобы в парламенте демократической страны рычал дикий зверь, именуемый террором, и мешал свободной и мирной работе народных представителей? Как только неугодный марксистам депутат направляется к трибуне, на скамьях марксистов раздается напутственная брань и выкрики. Это, так сказать, артиллерийская подготовка похода. На всем протяжении речи неугодного марксистам депутата слова поношения и брани не прекращаются. Не все перлы марксистской невоспитанности попадают в стенограммы, но если собрать воедино хотя те слова, которые зафиксированы в стенограммах, из них можно составить лексикон жаргона отбросов общества. Слова эти таковы, что не все могут быть произнесены мною для возобновления их в вашей памяти, поэтому позволю себе повторить лишь некоторые, а прочие воскреснут в вашей памяти по ассоциации. «Шиббер, негодяй, фарисей, лицемер, Распутин, Иуда, сапоголиз» и прочее, прочее. Когда подобными прозвищами награждает гражданин гражданина в последнем кабаке, в самом низкопробном вертепе, закон карает за хулиганство. Когда же в высшем государственном учреждении лицо, носящее образ человека, обращает подобные слова по адресу народного избранника, исполняющего свой священный долг пред страной и народом, закон, карающий хулиганство, вынужденно молчит. Но молчанием закона не упраздняется та омерзительная в моральном отношении атмосфера, какая создается хулиганством. Спокойная деловая работа в такой атмосфере невозможна. Эта атмосфера терроризирует людей непривычных к ней, людей причастных к культуре, особенно людей нервных, и под влиянием этой атмосферы депутат, имеющий долг говорить, молчит. От этого рода непристойного террора не свободны и моменты голосования. Депутат стеснен и в речи, стеснен и в голосовании.

Но этого марксистам мало. Иногда ко всему этому присоединяются весьма недвусмысленные угрозы, сопровождаемые готовностью штурмовать депутата на кафедре. Марксисты могут считать свою цель достигнутой, если мерами такого террора им удастся одних депутатов заставить

не выступать по безгливости, а других смутить и сбить с позиции во время речи или голосования. Но должны ли мы, жертвы марксистского террора, мириться с таким грубо насильственным нарушением наших прав.

Но и этого мало. В самое последнее время марксисты измыслили еще новый способ терроризировать неугодных им депутатов. Они селятся провести в жизнь нашего парламента систему бойкотирования неугодных им депутатов. На одном из предыдущих заседаний представитель фракции марксистов с этой трибуны от имени своей фракции объявил мне бойкот, с призывом и прочих депутатов бойкотировать меня. Здесь мы имеем дело уже не только с террором, но и с попыткой пропагандировать террор с сеймовой трибуны по отношению к полноправному народному представителю, имеющему и долг, и право свободно защищать своих избирателей здесь в Сейме и свободно участвовать во всех его работах. Так как представителю фракции марксистов было позволено с этой кафедры в связи с бюджетными прениями мотивировать эту террористическую меру, клонящуюся к стеснению моей парламентской работы вообще и, в частности, работы по бюджету, то да будет и мне позволено в связи с бюджетными же прениями разобрать доводы марксистов.

Прежде всего в глаза бросается одно характерное обстоятельство. Когда я с этой кафедры выступал против торгового договора с СССР, я едва не подвергся штурму на кафедре. Так велико было возбуждение марксистов, так велико было желание прекратить мою речь, смять ее, помешать депутатам спокойно выслушать ее. При обсуждении бюджета Министерства иностран-ных дел я счел долгом указать высокому собранию, что уродливый торговый договор, навязанный нам марксистами, как мы в свое время и предполагали, не несет Латвии никаких выгод ни в политическом, ни в экономическом отношении. Опровергнуть сказанное мною марксисты не могли, но злобу затаили, и она не преминула вылиться наружу: на одном из ближайших же заседаний марксисты объявили мне бойкот с выражением удивления, что и другие сеймовые группы не бойкотируют меня.

Сначала бойкот был объявлен без мотивировки. Это и понятно. Единственный мотив его – раздражение. Мотивировка бойкота притянута за волосы потом. При ознакомлении с выдвинутыми против меня обвинительными тезисами меня прежде всего поразило удивительное сходство и тезисов, и всего обвинительного материала с аналогичными данными того обвинительного акта, который мне был предъявлен в 1919 году чекою. Можно ли считать это совпадение случайным?

Как там, так и здесь меня обвиняют в контрреволюционности и монархизме. Как там, так и здесь материал для этих обвинений почерпается из отдаленного прошлого, а не из моей жизни и работы – в первом случае в СССР, а во втором случае в Латвийской республике. Это вполне понятно. И в СССР, и в Латвии я в политическом смысле абсолютно лоялен. Грозные чины губчека и вчека при всем своем усердии и умелости по части разыскивания и истребления контрреволюции и монархизма после длительного и зоркого наблюдения за мною не смогли внести в мой обвинительный акт ни одного факта и ни одного документа, компрометирующего мою лояльность. Я не сомневаюсь, что и у наших марксистов розыскной аппарат поставлен хорошо, что и они проявили все усердие в слежке за мною, и все-таки марксистский оратор не смог представить ни одного документа и ни одного факта, компрометирующих мою лояльность по отношению к Латвии. Просвещенный юрист при таких обстоятельствах должен бы отказаться поддерживать обвинение против меня, но Бог не судил моим прокурорам быть людьми мало-мальски образованными, посему они и там, и здесь искусились покуситься на меня с негодными средствами в руках. Господа марксисты, подумали ли вы, что ставите вы мне в обвинение? Когда я, как и вы, был гражданином монархии, я, как и вы, обязался клятвой гражданской верности монархии. Данное мною клятвенно обязательство я считал для себя нерушимым и хранил абсолютную верность данной клятве до самого того момента, когда законный носитель власти освободил своих поданных от уз этой клятвы. Освобожденный от былых клятвенных уз, я совершенно добровольно и свободно

клятвенно обязался верностию Латвийской республике так же, как и вы. Своим клятвенным обещаниям я был верен в былом, верен и ныне. Что хотите сказать вы мне и всем гражданам Латвии, обвиняя меня за верное хранение клятвы? Не то ли, что можно клясться и нарушать клятву? Здесь может возникнуть предположение, что и клятву, данную Латвии, не все считают для себя обязательной, ибо где гарантия, что люди, лицемерно дававшие клятву на верность монархии, республике дали ее нелицемерно? Эти мои доводы поняли и надлежаще оценили в ВЧКА. Питаю надежду, что доступное разумению марксистов-чекистов доступно и вам.

Марксистский оратор сделал странную попытку возложить на меня моральную ответственность за деяния некоторых российских былых монархистов, мне лично абсолютно неизвестных и никогда не имевших ко мне никакого отношения, например, за убийство Иоллоса и Герценштейна[37], за еврейские погромы, за политику обрусения, даже за истязания революционеров и тому подобное. Становясь на путь такого рода обвинений, господа марксисты становятся на путь крайне неблагоприятный для них же самих. Если всех граждан, хранивших в свое время обязательную для них верность монархии, пока она была, вы находите возможным делать ответственными за деяния, совершенные отдельными монархистами или монархическими группировками, то не откажитесь и вы принять участие в ответственности за деяния марксистов и притом не каких-либо неведомых нам марксистов, а хотя бы тех марксистов, которые являются костью от ваших костей и плотию от вашей плоти. Ваш оратор с этой трибуны смог назвать только две жертвы монархического террора, но жертвам марксистского террора нет счету. В маленькой Латвии в короткий срок марксистской диктатуры кровь лилась рекой. «Мы были жестоки, нещадно жестоки, но в Латвии мы истребили всего лишь около тысячи человек. Несчастье наше было в том, что бароны и буржуи убежали, *и истреблять пришлось людей, лишь по ошибке объявленных буржуями*». Так пишет всем вам известный Петр Стучка, состоящий с вами не только в родстве по марксизму Латвии. Среди ваших «товарищей» есть люди,

активно помогавшие Стучке в то время, когда он свирепствовал здесь в Латвии. Я всю свою жизнь был активным противником всех видов террора и здесь в Сейме, когда вы проводили для устрашения граждан мирной Латвии закон о военно-полевых судах, я был против этого закона, но как отграничить вас от ваших товарищей террористов? Вы здесь цитировали как нечто непреложное старые статьи из старых времен монархии газет и на таком материале строили обвинения против меня, позвольте же и мне процитировать кое-что про вас из прессы Латвийской республики. Пред нами печатный, никем не опровергнутый список наших марксистов, активных сотрудников кровавого Стучки по Латвии. Здесь черным по белому напечатано: (Архиепископ показывает документ). Здесь напечатаны декреты, подписанные лицами из вашей среды. Все это дает право сказать, что среди вас, действительно, есть лица, непосредственно ответственные за деяния, свершенные вами в сотрудничестве с кровавым Стучкой. Но работа латвийских марксистов не ограничивается только пределами Латвии. На весь мир прославленный зверскою жестокостью Мартин Лацис разве не латвийский марксист? При его непосредственном участии решалась, между прочим, кровавая судьба латвийского героя Бредиса[38]. Знаменитейший из советских палачей Петр Мага[39] – латвийский марксист из Либавы[40]. Вы, господа либавские марксисты, не можете не знать его. Кто из вас не знает старого Кродера[41] – *руководителя латсекции в Москве, Данишевского – повелителя Главлеса, Мисиня – председателя Эмчеки, Петерсона[42] – коменданта Кремля, Вацетиса[43] – бывшего главноверха, Смилги[44] – члена реввоенсовета, братьев Эйдунов, Петерса[45], братьев Аустринь, сестер Аустринь, братьев Маршанов, Карклина[46] – председателя ревтрибунала, Адамсона – повелителя Бутырок, друга «Ильича» – Берзиня[47], правителя дел Вчка – Буке, Лапиня, Широно, Пугуля, Рыбы, Фридрихсона, Даугавета, Маргариты Лауберг, сестер и братьев Лацис – племянников знаменитого Мартина Лациса и прочие, прочие. Эти латвийские марксисты, все без изъятия, сделали в СССР большую карьеру и карьера всех их шла неизменно через Чека и Вчека. На их совести*

несчетное количество кровавых жертв из всех слоев общества. Когда вы с ними встречаетесь ныне или переписываетесь с ними, как величаете вы их? Товарищами? Здесь в Латвии вы на словах отмежевываетесь от них, но ваше тяготение к тому миру, в котором они вращаются ныне, не подлежит никакому сомнению. Когда в 1927 году *вы завладели властью в Латвии, вы дали нам неопровержимейшие доказательства* того, как сильно тяготеете на восток. Сколько старания и усилий вами было приложено к тому, чтобы связать Латвию с СССР торговым договором, оттолкнувшим от Латвии друзей и соседей, нанесшим Латвии громаднейший и политический, и экономический ущерб и не давшим Латвии ничего, кроме позора.

Вам этих уз было мало, и вы стали было уже налаживать еще и другие мосты через Зилупе. Лишь падение вашего кабинета избавило Латвию от дальнейшего губительного связывания Латвии с страной марксистской диктатуры. Но и с падением кабинета марксистов они силятся вести свою политику связывания нас с востоком чрез своих товарищей, всажённых марксистами на виднейшие посты в нашем государственном аппарате. Недавно председатель совета Банка Латвии через прессу поведал общественности, что Советы желают, чтобы Латвия кредитовала их заказы промышленным учреждениям Латвии. Так как договор такого кредитования не предусматривает, то просьба советов является просьбой о предоставлении им в дополнение к уже предоставленным привилегиям, ничем неоправдываемым, еще новых, уже прямо грозящих благополучию Латвии. Кому неизвестно отношение Советов к своим долгам? Разве и Латвии неизвестно, как относятся к своим экономического характера обязательствам, данным ей по мирному договору? Советы не желают исполнять принятые на себя обязательства и не исполняют. Не долг пока век торгового договора, но уже для всякого неодолимою страстью к Советам совершенно ясно, что Советы приняли на себя договорные обязательства не с тем, чтобы исполнять их. Они пообещали нам кое-что, чтобы с Латвии получить нечто и при том совершенно реальное.

То, чего они хотели, они уже и получили, а Латвия пока так же, как и по мирному договору, получила только обещания. Латвия платит реальными ценностями и политического и экономического свойства за пустые советские обещания. В государственном, да и в частном смысле – это непроходимая глупость. Это и политический и хозяйственный позор для Латвии, а может быть и гибель для Латвии. А все-таки, несмотря на все это, председатель совета Банка Латвии, судя по его беседе, склоняется к той мысли, что кредиты Советам надо бы предоставить. Советы с циничною откровенностью оповещают общественность, что они такие кредиты не намерены обеспечивать реальными гарантиями, но *господин Цельмс, по принципу наибольшего благоприятствования*, склонен, по-видимому, удовольствоваться и гарантиями формального характера. Что за беда, если Советы потом не уплатят и банк Латвии понесет убытки? Ведь в кассе банка будет лежать куча совдокументов. Нам к этому не привыкать стать. У нас уже годами лежит один такой документ – мирный договор. Номинальная ценность его равняется миллиардам, а реальная – грошам. Таким же, только более мелкого калибра, документом является торговый договор. Почему же не разрешить добрым товарищам господина Цельмса оставить нам на добрую память еще несколько таких документов? Лишь бы товарищи были довольны товарищами, а что в глаза и за глаза они будут вместе со всеми знающими про существование латвийско-советских оборотов обзывать нас дурнями, ничего не смыслящими ни в политике, ни в хозяйстве – это Цельмсу и товарищам нипочем. В прошлом году одно из стариннейших рижских кредитных учреждений попросило кредита у Банка Латвии. Несмотря на то, что репутация этого учреждения и в прошлом, и в настоящем безупречна, кредит был отпущен только в пределах реальных гарантий, а сверх того под формальные гарантии ни гроша. Это учреждение тоже русское, но эти русские – латвийские и притом Цельмсу не «товарищи». К ним принцип того наибольшего благоприятствования, который господин Цельмс готов применить к «товарищам», неприменим. Вот тут и разберитесь, кто нашим марксистам более свои:

граждане Латвии или советские товарищи? В данном случае надо принять еще во внимание и то, что предположенное благодеяние Советам невозможно примирить и с уставом Банка Латвии, в совете которого господин Целмс состоит председателем. Не ясно ли, что у наших марксистов с советскими есть что-то таинственное общее, что они ставят выше всего, что Латвия для наших марксистов, согласно изречению одного из виднейших наших марксистов, не цель, а средство. Я, очевидно, стою нашим марксистам поперек дороги, *и потому* они готовы чернить меня самыми бессмысленными обвинениями и утрашивать всеми жупелами.

Остановлю еще ваше внимание на некоторых из таких обвинений. Мое имя марксистский оратор пытался связать с делом обрусения литовцев, с еврейскими погромами, с борьбой против прогресса. Нелепость этой инсинуации поразительна. В Виленской духовной семинарии, где я, будто бы, занимался обрусением литовцев, за все время моего служения там не обучался решительно ни один литовец, и в тех епархиях, которые обслуживала эта семинария, не было ни единого литовского православного прихода. Ясно, что марксист оклеветал меня самым бесцеремонным образом. Мое отношение к евреям всегда и всюду было совершенно такое же, как и ныне здесь в Латвии и, в частности, в Сейме. Беспочвенность клеветнического выпада марксиста видна уже из того, что он не смог указать ни времени, ни места приписанных мне деяний. Клевета его повисла в воздухе. Беззастенчивой клеветой является и то, что я, будто бы, собственноручно расправлялся с революционерами. По невежеству своему недоучка-марксист не ведает, что даже по отношению к оскорбляющим нас хулиганам, мы, духовные лица, никогда не применяем тех способов физического воздействия, которые приняты среди мирян. Как я уже сказал, все выдвинутые против меня марксистами обвинения фигурировали и в обвинительном акте, предъявленном мне в 1919 году чекой. В течение шести месяцев губчека и вечека производили тщательнейшую проверку данных обвинительного акта. В вечека мое дело находилось непосредственно в руках грозного

Мартина Лациса. Осудивший латвийского героя Бредиса, конечно, не пощадил бы и меня, если бы к осуждению меня были бы хотя какие бы то ни было основания, ибо отношение Вчека к монархистам и контрреволюционерам общеизвестно. Все данные обвинения были тщательно проверены на местах. В Москве в качестве свидетелей по моему делу были привлечены, между прочим, и мои бывшие ученики и сослуживцы, в том числе известный вам всем марксист Юлий Кажмер, мой товарищ по учению и сослуживец по учительству. И после такой громоздкой и длительной разборки моего дела, Вечека с Дзержинским во главе оказалось во всех отношениях выше и культурнее наших марксистов.

Грозный ареопаг нашел, что и по Марксу верность данной присяге не есть преступление и то, что я, пока состоял гражданином монархии, был абсолютно верен монархии, каре не подлежит. Я принес сюда с собою заключительную формулу оправдательного вердикта Вечека, подписанную, между прочим, Мартином Лацисом и Буке, вам, несомненно, известными, ибо оба они латвийские марксисты. Может быть, хотя это пристыдит вас, что вы и в дикой злобе и вопиющей несправедливости превзошли чекистов. Полагаю, что и всем гражданам Латвии будет небесполезно узнать эту историю, в которой наши марксисты оказались нетерпимее и злее самых суровых чекистов. Эта история способна предостеречь граждан Латвии от неосмотрительного вверения власти нашим марксистам, объявившим мне бойкот и высказавшим желание удалить меня из пределов Латвии, за деяния, которые не воспрепятствовали Вечека оправдать меня и предоставить мне повсеместное свободное проживание в пределах СССР. Дайте им власть и наши окажутся хуже московских. По финансовому ведомству Вы, господа марксисты допустили к власти марксиста Цельмса и, как я это уже показал, – он более благоприятен московским товарищам, чем латвийским гражданам.

В другое финансовое учреждение – в Земельный банк марксистский кабинет посадил марксиста Бастьяна. Можно ли придумать что-либо более несообразное? В учреждение, имеющее свою задачу обслуживание крестьянских нужд,

посажен на влиятельнейший пост марксист. Разве не общеизвестно, что марксисты первейшие недруги крестьян-собственников? Разве не они в свое время восстали против отдачи крестьянам земли в собственность? Разве не этот же Бастьян, который сейчас заседает в Крестьянском банке, восставал здесь с сеймовой трибуны против государственной помощи крестьянам во время хозяйственного острого кризиса в 1927 году? Разве не этот же Бастьян накануне своего ухода с министерского поста, несмотря на сделанные ему предостережения, спустил наш ленок по дешевке, причинив маленькой крестьянской Латвии единовременный убыток на сотни миллионов рублей? А дело со спиртом разве Бастьян провел с прибылью для государства? А дело общества «Лини»? А дело с сахарным заводом? Я только напоминаю вам про эти дела господина Бастьяна, ибо они вам уже достаточно известны из прессы, а более подробно, по крайней мере, о некоторых из этих бастьяновских дел мы, вероятно, скоро услышим от прокурора. Место ли этому горе-финансисту при финансах, а особенно при финансах, предназначенных крестьянам?

Еще на одно дело я считаю своим долгом обратить внимание господина министра финансов. Судя по прессе, радетелями советских интересов подготавливается в связи с уродливым торговым договором еще одна новая привилегия для Советов. Дело идет о торгфлоте. В торговом договоре такой совторгфлот в Латвии не предусмотрен. Торгфлот мог быть учрежден в Латвии только при допущении вопиющих натяжек в толковании статей договора. Торгфлот хотят подвести под понятие акционерного общества. Если торгфлот советов в Латвии формально будет легализован в качестве акционерного общества, то по существу своему он все-таки будет лишь частью госторгфлота. А разве госторгфлот на месте в СССР является акционерным обществом? Это государственное предприятие. И какой бы вы ярлык к госторгфлоту в Латвии ни приклеивали, он по существу будет лишь частью госторгфлота всероссийского. Ярлыком никого не обманете.

Латвии разрешение у нас функционировать отделению госторгфлота ничего доброго не принесет, а зла много. Для

Советов не представится делом трудным подавить своим торгфлотом наш еще неокрепший торговый флот. Влияние советов в Латвии всесторонне усилится. Договорные транзитные привилегии будут бить по тем, кто ныне ведут с нами непосредственные или транзитные дела вне всяких привилегий. В виду этого будут терпеть ущерб и прямые наши финансовые интересы, ибо Советы нам будут платить пониженный тариф там, где с прочих мы имели бы возможность получать полный тариф. Словом, с какой бы стороны к делу ни подойдете торгфлот нам сулит только ущерб. Ущерб и нашему государству, и нашим судовладельцам, и нашему престижу и внутри страны и вовне. Своим гражданам открытие новых акционерных обществ не всегда разрешается, а всегда дается с великим трудом. Благоприятствование Советам основательно может показаться большим, чем своим. Надо бросить раз навсегда унижительную и разорительную угодливость пред советами. Ни до чего доброго она нас не доведет.

При наличии этих замечаний я считаю возможным голосовать за смету министерства. Замечания, сделанные марксистами относительно личности министра финансов я склонен считать характерными для марксистов инсинуациями. Они меня не смущают.

1928. No 816. С. 1–2.

Русская Пасха

Иностранцы, посещавшие былую Русь, нарочито стремились приноровить посещение Москвы к празднику Пасхи, чтобы побывать за светлую заутренею с ее единственным в мире ликующим малиновым звоном, неописуемой красоты богослужебным чином и несчетным числом молящихся, собиравшихся на своего рода религиозный парад для выявления во весь рост специфической, чисто-русской религиозности. Праздник поражал не только внешнею красотой и грандиозностью, но еще более духовным величием. Чувствовалось решительно по всему, что Русь великая, могучая, Святая Русь празднует всей душой, всем сердцем праздников праздник. Многочисленные и весьма поместительные храмы Москвы не в состоянии были вместить всех богомольцев.

Тысячные толпы стояли вокруг храмов, стояли чинно, жадно ловя каждый звук, долетающий из храма, и русское пасхальное ликование бурлило в них так же, как в храме. Вот из храма вышел на паперть служитель слова, командированный к «внешним». Вся многотысячная масса людей жадно впиалась в него и взором и слухом. Заговорил. «Христос воскресе». Из тысяч уст ответили воодушевленным: «Воистину воскресе». Проповедник продолжал: «Как невыразимо сладостно раздаются эти чудные для каждого христианина слова, все равно – будет ли то старец или дитя, богатый или бедный, многоученый или простой. Не умом, но сердцем, лучше – всем существом – каждый понимает всю силу этих восклицаний, как каждый ясно видит солнце, с лучами света от него исходящими и озаряющими всю поднебесную. Что солнце для вселенной, то воскресение Христово для нашей жизни. И как по закате солнца все погружается во мрак, так вся наша жизнь в своей глубочайшей основе, как и во всех проявлениях, омрачилась бы непроницаемой тьмой, если бы не озаряло нас солнце светлого Христова воскресения. Тщетна была бы вера наша, если бы Христос не воскрес. Не было бы веры в жизнь, радость, счастье, в истину, добро, справедливость... И глубокая скорбь без надежды на утешение разлилась бы над мрачною юдолью нашего земного странствования.

Бедный труженик, всю жизнь бьющийся, как рыба об лед, из-за куска хлеба, из-за насущного пропитания, не видящий просвета радости, в то время, как многие, предаваясь праздности, проводят все дни своей жизни в веселии, – чтобы мы сказали тебе в утешение?

Ты, обиженный богатыми славными мира сего, ты, многострадальный Иов, в ком колеблется вера в правду, в закон ввиду торжествующей неправды, что могло бы отереть тебе слезы от горькой обиды, суровой несправедливости? Вы, чье сердце поражается до глубины кровавыми, никогда незабываемыми утратами, вы, плачущие неутешно у гроба любимого существа, кто дерзнул бы сказать вам: “Не плачьте?”

Мы могли бы сказать вам: “Взирайте на Христа. Кто был безгрешнее и святее Его, чья жизнь непорочнее, кто больше Его

делал добра людям, кто возвещал более возвышенные и святые истины? Взгляните на Него”.

“Да, – сказали бы вы, – но чем окончилась эта святейшая жизнь? Не торжеством ли над нею неправды и зла, зависти и насилия? Не умер ли Он замученный на кресте, могила не поглотила ли Его, как и всех? О, мы с благоговением и трепетом внимали дивному повествованию об этой необыкновенной жизни, полной божественного света, и сердце наше разгоралось любовью и надеждою, но вот прошли дни и годы, столетия и тысячелетия, как все это произошло... На что здесь надеяться...”

И эта речь была бы правдива. Воистину мы были бы, по сильному выражению святого Павла, людьми погибшими, все бы погибло бы, погибла бы вера в жизнь, в правду, в добро, в истину, если бы Христос не воскрес...

Но... Христос воскрес, Христос воскрес, Христос воскрес. (Ликующие массы отвечают: воистину воскрес, воистину воскрес, воистину воскрес). Солнце правды взошло над миром, исчезни же мрак. Исчезни все, что может омрачать нашу жизнь. Исчезните вы, мрачные представители неправды и насилия, исчезните враги истины, исчезни сама смерть со своим ядовитым жалом, исчезните все слуги зла. Христос воскрес, да расточатся врази Его. Ныне вся исполнишася света, бытие наше исполнено глубокого смысла, сердце радостно трепещет новою жизнью, и радости нашей никто не может отнять у нас. Христос врагов победил, восторжествовал над всеми силами зла над всем, что может омрачить нашу жизнь, лишить нас радости, мира, веры, покоя, Христос смерть поправил.

Потеря рая и блаженства рая, проклятие и спасение, смерть и бессмертие, время и вечность, земля и небо, как все это давно и неразрывно сочеталось с воскресением Христа. Возведи очи твои и виждь: лучезарное солнце взошло, и нет цветочка, не обратившегося к Нему, нет росинки, не отразившей Его, нет существа, не вострепнувшего навстречу Ему, нет на земле христианского сердца, не озарившегося радостью воскресения.

Сердце трепещет этою радостью и, мнится, везде находит отзвук, и все люди, и небо, и воздух, земля и море, все твари – все звучит победным хором, все вторит нашей радости, все трепещет предчувствием новой лучшей блаженнейшей жизни.

Отдадимся же этой исключительной и единственной радости, обнимающей все, отдадимся ей беззаветно, без меры, без опасенья, и сколько бы мы ни радовались, источник ее будет бить неисощимым ключом, и самой вечности не исчерпать его. «Христос воскресе, Христос воскресе, Христос воскресе». После могучего: «Воистину воскресе», – тысячи уст потянулись к пастырю для троекратного пасхального лобзания, а затем и по всей толпе стал царить этот священный русский обычай – «христосованья». «Радостию друг друга обйдем; рцем: братие, простим вся воскресением», – в верующих воочию воплотился тот священный дух, которым дышит эта пасхальная песнь, и в храме, и вокруг храма, и по всему лицу Руси святой стерлись все мирские различия сословные, социальные, экономические и прочие, и прочие, и прочие, все стали братьями, одушевленными единым духом Христовым.

Власть этого пасхального христианского настроения на Руси так велика, что пред нею по швам становятся и чека и гпу, в водоворот пасхальных чувств, невзирая на колючие запретительные ограждения, вовлекаются и самые матерые коммунисты. Да, велика сила веры на Руси Святой. Неиссякаема. Непреоборима. В ней спасение Руси.

1928. No 831. С. 1.

Почему Владыка считает необходимым идти в Сейм

Беседа с архиепископом Иоанном

Вы спрашиваете, что заставляет меня участвовать в многомятежной общественно-политической жизни? И прямой закон, и традиции Церкви обязуют пастырей выступать на защиту пасомых, когда защита нужна. В силу этой обязанности предстательствовали за пасомых древние апологеты, рискуя и покоем, и благополучием, и жизнью. Отцы золотого века не только предстательствуют, они с неправедными вершителями судеб народных вступают в ожесточенную борьбу. Вспомните хотя бы святителей Златоуста[48] и Амвросия[49].

По мере христианизации государств исполнение этого долга облегчается. В православных Византии и Руси к голосу узаконенных заступников – народных пастырей – прислушиваются и при издании законов, и при их исполнении. Особенно ярко пастыри осуществляли этот свой долг в годы тяжких испытаний народных. При зверонравном Грозном святитель Филипп[50], в смутную пору патриарх Гермоген[51] головы свои сложили, защищая пасомых. Родина парламентаризма Англия, чтобы обеспечить пастырству широкую возможность в исполнении этого долга, первого из своих пастырей ввела в качестве неперменного члена верхней палаты.

Где это не сделано, пастырство ищет возможности защищать пасомых с парламентской трибуны, проходя в депутаты обычным путем выборов. Это мы видели и в дореволюционной Руси

Во исполнение этого пастырского долга и я по зову моих пасомых, пренебрегая всеми терниями пути, пошел в парламент.

Это было безусловно необходимо, ибо когда я прибыл в Латвию, не было здесь людей, более нуждающихся в защите и более беззащитных, чем мои пасомые.

Православные храмы насильственно разрушались, православные организации и учреждения насильственно удушались, имущества произвольно отнимались, наша Церковь, воюемая и подавляемая, состояла вне законов республики.

Православные состояли на положении пасынков отечества. Их обходили при наделе землею, при выдаче ссуд и пособий, при определении на службу и работу, а гнали со службы и работы по усмотрению десятками и сотнями. В национальной, религиозной, культурной и решительно во всех областях жизни православных безжалостно утесняли, на них клеветали и в прессе, и с высоких трибун. Православные чувствовали себя униженными, обиженными, обреченными и беззащитными.

Личных врагов я не имел, но при моем вступлении на путь парламентской защиты Церкви и пасомых, на меня ополчилась вся рать врагов православия в диком озлоблении. Без повода с

моей стороны меня осыпали площадною бранью, угрозами, на меня бессовестно клеветали и с трибун, и в печати меня подвергали беспримерному в истории парламентаризма организованному бойкоту. Цель всех этих специфически-марксистских приемов сводилась к устрашению меня, к сознанию с поста террором, к подрыву моих сил и силы моих выступлений. Но и при таких условиях работы выступления мои и в Сейме, и пред правительством были не безрезультатны.

Достигнуто узаконение нашей Церкви наравне с прочими исповеданиями (закон 8 октября 1926 года). Причиненные нам ранее обиды одни мирно ликвидированы, ликвидация прочих стала не безнадежна. Придушенным нашим организациям и учреждениям вновь обеспечено право существовать, и некоторые из них уже приступили к работе, например, духовная семинария уже сделала первый выпуск кандидатов священства. Для, казалось, безнадежно застрявших в СССР наших святынь и ценностей найден путь возврата, и значительное количество уже возвращено. Произвольным обидам положен конец.

В добром контакте с прочими православными депутатами и старообрядцами достигнуто то, что к голосу нашей пятерки стал внимателен и Сейм, и правительство. Во всех важных для нас сеймовых комиссиях и в правительстве мы имеем верных стражей наших интересов и прав, результаты этого общеизвестны.

Достигнуто, конечно, не все желанное, ибо наша парламентская сила далеко не соответствовала русской силе в населении. Вместо 12 голосов русская фракция располагала только пятью.

Остальные семь депутатов, прошедших русскими голосами, сидели на скамьях марксистов, не слагаясь в нарочитую русскую фракцию, вместе с марксистскою массою открыто противодействовали самым священным русским интересам и правам.

Когда русская фракция билась за неприкосновенность русских святынь, марксисты требовали сметения с лица земли русских святынь.

Русская фракция ратовала за права русской культуры и языка, а оратор марксистов уверял, что только обскуранты могут считать русский язык культурным языком и поносил русскую культуру.

Они противились проведению представителя фракции в думу Культурного фонда, они обращали русские школы в кочевые учебные заведения. Интересы русских крестьян, как и вообще крестьян, в марксистах имели ярых врагов. Возведение русского на пост товарища министра земледелия марксисты встретили воем и бранью. Подлинное отношение их к русским интересам и русским вообще, сказалось в изречении виднейшего марксиста: *«пусть они (русские) убираются туда, откуда пришли или туда, где они желательны»*.

Оно и не могло быть иначе: ведь наши марксисты «товарищи» и сродники могильщикам русской земли, а некоторые из них и сами служили в рядах этих «могильщиков».

Надо надеяться, что на предстоящих сеймовых выборах, как и на минувших земских, уже не станут голосовать за могильщиков Руси и русского народа, достаточно выявивших свое отношение к русским и в Латвии.

Если русские, голосуя за русские списки, проведут в Сейм хотя приблизительно то количество депутатов, какое могут провести, и достоинство и права русских граждан в Латвии будут обеспечены, несмотря на происки и злобу марксистов.

Программа списка No 23, который возглавляю я, опубликована. Я вошел в этот список по единогласному зову сил, объединившихся вокруг этого списка, и по зову пастырского долга – защищать унижаемых, обижаемых и состоящих под угрозой.

Каждый кандидат, кроме программы, должен принести с собою в Сейм еще благую волю откликаться и на все те подлинные нужды своих избирателей, которые поставит перед ними эта живая жизнь и живая сеймовая работа. Наличие этой благой воли у кандидатов списка No 23 несомненна.

Русская фракция опять имеет составиться из депутатов, прошедших по различным русским спискам. И это говорит за расширение обязательств депутата. Традицией для русских

депутатов стало сотрудничество с депутатами прочих меньшинств, и к этого рода расширениям программы кандидаты нашего списка подготовлены.

1928. № 995. С. 2.

Добрый ангел

Агафангел, митрополит Ярославский, старейший и возрастом, и архиерейским стажем русский архипастырь, первейший кандидат в заместители местоблюстителя Всероссийского патриаршего престола, в Бозе почил.

С 1897–1910 г. почивший работал на рижской кафедре, и работа его такова, что граждане суверенной Латвии не могут не приобщиться к скорби Руси.

По происхождению почивший – чистокровный русский, уроженец Тульских пределов, отпрыск старинного русского духовного рода (род. 1856 г.). Он весь русский – и по представительной осанистой наружности, и по складу души, и по укладу личной жизни, и по широкому, чисто русскому, размаху церковно-общественной работы. Он образец русского и православно-русского архипастыря.

В Ригу он прибыл в 1897 году и с первых же шагов определенно и твердо стал на тот путь, который был проторен и завещан ему доблестными русскими предшественниками по рижской кафедре – Иринархом, Филаретом, Платоном и прочими. Это – путь всемерной поддержки благородных устремлений раскрепощенных латышей и защиты их от сил, неблагоприятных нормальному развитию только что пробудившейся юной нации, все еще бедной, все еще забитой, одинокой, пренебрегаемой, пребывавшей на положении мало заметного «меньшинства» в громадном и сложном организме Руси. Агафангел, как и его предшественники, сразу решительно и бесповоротно отверг местный традиционный взгляд на латышей как на людей «низшей расы», способных только на роль «рабочего скота» или даже «рабочего орудия».

В латышах он признал и людей, и граждан, равноправных со всеми прочими насельниками Руси, а в юных устремлениях их прозорливо разглядел задатки для светлого будущего юного народа. Недруги латышей, естественно, стали врагами

архипастыря, но происки их не смутили его христианского сознания, и в решительный момент, когда латыши стали открыто заявлять о своих правах и чаяниях и между ними и противниками завязалась открытая борьба, Агафангел открыто и решительно стал за права меньшинственных народностей и на защиту борцов за эти права. Заступался он и сам лично, и через своих сопастырей, и через особую «спасательную комиссию», и через гуманных русских интеллигентов, и через прессу, и многие, многие ему обязаны спасением от суровейших бед. Суверенный латышский народ при учете сил, благоприятствовавших благим достижениям латышей, святителю Агафангелу должен отвести почетное место.

С широкою русскою терпимостью относился архипастырь и к меньшинственным исповеданиям. Он был убежденным сторонником вероисповедной свободы и широкого христианского общения между исповеданиями.

До конца дней своих он состоял во главе русской комиссии сближения церквей. Строго и истово православный, он за десять лет до Московского поместного собора 1917–18 годов на рижском епархиальном съезде прозорливо предвосхитил многие постановления сего собора.

Прозорливое предвидение грядущих неизбежных событий было одною из самых характерных черт церковной и общественной работы святителя. И в Риге, а особенно в Вильне, близорукие деятели в связи с этою чертою Агафангела чинили ему крупнейшие огорчения. Но история своим неотвратимым ходом доказала правоту политики Агафангела и в делах церковных, и в делах гражданских. Даже лица, разглагольствовавшие о церковной и политической «неблагонадежности» Агафангела, ныне вынуждены признать, что Агафангел был прозорливее их.

Авторитет его на Руси в последнее время стоял необычайно высоко. На него «взирали», и по нем равнялись даже его бывшие противники. Его желали видеть у кормила управления всею Русскою Церковью. Все это должно было служить почившему на склоне его жизни источником глубочайшего духовного удовлетворения. Он мог сказать про

себя вместе с апостолом Павлом: «Подвигом добрым подвизахся, веру соблюдох, течение скончах». Ныне, когда вся верующая Россия молитвенно поминает этого всегда безупречно-правильного русского человека, русского архиерея и русского деятеля, ставя почившего в образец для живущих, и мы, граждане суверенной Латвии, не можем не присоединиться к молитвенному поминовению того, кто в течение тринадцати лет был «добрым ангелом» (перевод имени Агафангел) – хранителем и для заветнейших чаяний Латвии, и для борцов за эти чаяния. Вернейшим другом и благожелателем Латвии он пребыл и вне Латвии и до конца.

От этого верного друга осталось нам завещание, завещанное не словами, а делами: относитесь к русскому меньшинству Латвии так, как относился к вам типичнейший представитель великодержавного русского народа, когда вы сами были одним из малейших «меньшинств» великой державной Руси.

1928 г. 28 октября. 1928. No 1005. С. 1.

Речь в Сейме архиепископа Иоанна

Господа народные избранники. Когда я жил на дальнем севере и мне по ревизии школ приходилось объезжать северные села, в первую мою поездку меня поразило невероятное множество собак, с диким лаем, воем и визгом бросившихся на мою подводу. Старик-возница, обратился ко мне: «Не смущайся, батюшка, это наше собачье царство тебя по-собачьему приветствует». После этого мудрого разъяснения, меня не смущает тот дикий гам, которым меня встречают при первом появлении на кафедре марксисты. Это они меня приветствуют по-марксистски. Перехожу к запросу. Я знаю коалиционные круги. Знаю, что среди них нет ни одного депутата, не осознавшего, каким великим и серьезным бедствием является безработица. Все они проникнуты ясным сознанием и сердечным желанием, что неотложно необходимо сделать все по нашим обстоятельствам и средствам возможное для предотвращения бедствия. Запросчикам не к чему было разъяснять нам то, что и без них все и чувствуют, и понимают.

Приходится лишь пожалеть, что уже три, весьма дорого стоящих государству, заседания парламента потрачены зря.

Целый ряд весьма важных именно для облегчения судебных безработных законов отодвинут запросом в долгий ящик, и ресурсы казны, которые могли пойти на безработных, затрачены на покрытие расходов по этим заседаниям, бесплодным заседаниям, зря. Вместе с сим не могу скрыть, что вы, господа запросчики, на протяжении всех этих трех заседаний вызывали во мне глубокую жалость. На улице вас секли резиновыми дубинками, а здесь вы подверглись жесточайшей моральной порке и справа и слева. Но, к сожалению, я не могу сказать, что вами порка не заслужена. Вы здесь кричали, что на улице вас пороли по методам царских жандармов. Это неверно. На улице пороли вас по вашим же методам. Ведь вы же, господа *марксисты, ввели в обиход Латвии эти резиновые дубинки*. Царские жандармы их не знали. Вы же на практике показали, как применять их к нарушителям общественного порядка. Ныне ваши же дубинки применены к вам тоже за нарушение общественного порядка. Что посеешь, то и пожнешь. И вы пожали то, что сами посеяли. Пеняйте сами на себя. Я, с своей стороны, вашим дубинкам не сочувствовал и тогда, когда вы ввели их в обиход, не сочувствую и теперь, когда они прогулялись по вашим же спинам. Это неудачное марксистское нововведение следовало бы раз навсегда сдать в «музей по марксизму». Теперь и вы согласны на это, господа марксисты? И тою моральною поркою, которая вам в этом высоком собрании выпала на долю в связи с запросом, вы обязаны только самим себе, вашей десятилетней тактике и практике и в Сейме, и вне его. В течение десяти лет и ваша тактика и практика, и вся ваша политика была сплошным и грубейшим оппортунизмом, преследовавшим самые неказистые цели, среди которых всегда на первом месте были выгоды вождей, засевающих в центральном комитете и сеймовой вашей фракции. Вы всюду и всегда, и пред пролетариатом, и пред демократически настроенными гражданами носились, как с писаной торбой, с Марксом. Но этот Маркс все время у вас был какой-то резиновый, гуттаперчевый Маркс.

Когда ваши узкогрупповые интересы того требовали, вы вздували его до громадных размеров и ставили пред пролетариатом в качестве идола, а пред демократическими кругами в качестве пугала. Поймав на идоле голоса марксистски настроенного пролетариата, а на пугале выторговав у демократических кругов предназначенные теплые места для себя и своих присных на государственной и общественной службе, вы преспокойно выпускали воздух из гуттаперчевого Маркса, клали пустую оболочку его в карман и присаживались к государственному и общественному пирогу мирным рядом с самыми заправскими капиталистами, буржуями, даже аристократами. Пролетариат на вашем гуттаперчевом Марксе вы обманывали, а демократические круги не то обманывали, не то шантажировали. На такой оппортунистической марксистской политике клика ваших вождей сумела составить себе *крупнейшее, по нашим условиям, благополучие*. Но обманом свет пройдешь, а назад не воротишься, ибо обман на местах вашей работы не может остаться не раскрытым. Стал постепенно раскрываться и ваш обман. Честно преданные Марксу люди стали отходить от вас и вправо, и влево. Вправо отошли от вас меньшевики, влево стали отходить независимовцы и «рабоче-крестьянские» группы. На минувших выборах, несмотря на вашу отчаянную самозащиту, несмотря на все ваши меры против протестантов, против которых вы не раз прибегали и к помощи так ожесточенно ныне поносимой вами полиции, порка вам задана была беспримерная. Одним махом вы потеряли 25 процентов былой вашей силы в парламенте. В парламент прошло восемь марксистов-протестантов, убежденных противников пользования оппортунистическим гуттаперчевым Марксом. С появлением в Сейме марксистов-протестантов вы попали в положение не только жалкое, но прямо-таки глупое.

Протестанты смело и открыто стали выступать и пред пролетариатом, и пред демократическими кругами не с оппортунистическим гуттаперчевым Марксом, а с Марксом подлинным. Вы со своим гуттаперчевым Марксом пустились вдогонку за протестантами. Те построили проект амнистии по

Марксу, и вы завопили: «И у нас проект амнистии по Марксу». Те скомандовали: «Лицом к безработным», и вы тотчас эхом повторили: «И мы лицом к безработным». Те решили вчинить запрос правительству по делу безработных, и вы «петушком, петушком» за ними: «и у нас запрос по делу безработных».

Но одно дело монолит, другое – гуттаперча. Разница ясна и для демократических кругов, и для пролетариата. Пред нами вот хотя бы два запроса: рабоче-крестьянский и ваш – гуттаперчевый. В рабоче-крестьянском запросе все ясно, определено и откровенно. Запросчики-марксисты недовольны демократическим строем Латвии, они и не думают лукавить и скрывать это. Представитель их с этой трибуны заявил: «Я... стою за рабочее государство СССР» (речь Ершова[52]) и это свое заявление напечатал в том же своем офицозе, который в день юбилея Латвии передовицу закончил словами: «Да здравствует советская Латвия». Лидер протестантов Л.Лайцен[53] открыто заговорил о неизбежности борьбы за баррикадами и стал гадать о возможном исходе этой борьбы.

Демократические круги Сейма в этом запросе видели ясно, с кем имеют дело, и на откровенность ответили такую же откровенностью: «Да здравствует Латвийская демократическая республика, долой коммунистов!». Голосовали, конечно, против этого запроса. Только гуттаперчевые марксисты-оппортунисты, как и полагалось *ожидать*, *сдвоедушничали* по правилу: со стаею лай, но хвостом виляй. Чтобы угодить марксистам-протестантам, они проголосовали вместе с ними за запрос, но вместе с тем, чтобы не восстановить против себя граждан демократических кругов, от которых зависят в данное время разные теплые места, заполученные оппортунистами, они сопроводили свое голосование рядом оговорок. «Ласковое-детя двух маток сосет». Этою политикою не удовлетворились ни марксисты-протестанты, ни демократы. Лайцен возмутился двуличием и двуязычием оппортунистов и поставил им вопрос ребром: «С кем вы будете на баррикадах, с буржуями или с коммунистами?» Более горячие протестанты в поведении оппортунистов усмотрели и «социал-зубатовщину»[54], и «социал-фашизм», и «социал-предательство». Отрицательно к

двуличию и двуязычию оппортунистов отнеслись и демократы, но решили дать оппортунистам выявить себя до конца. Один из лидеров оппортунизма, очевидно, все еще не теряя надежды угодить протестантам и удержать за собою пролетарские массы, провел параллель между положением нынешней Латвии и былой России и в пророческом пафосе возвестил, что управляемая имущими классами Латвия будет сметена с лица земли так же, как была сметена бывшая Россия. Официоз их стал вещать: «Борьба, которую рабочий класс всегда вел и будет вести против всякого капиталистического строя, при нынешних чрезвычайно бедственных обстоятельствах должна стать особенно необходимой и острой» («Социалдемократс», 1929, No 13). Ужи остались ужами, оппортунисты – оппортунистами. Извиваются. Говорят, да недоговаривают. Кто эти метельщики, которые сметут Латвию с лица земли? Каков тот строй, которого вы ждете по сметении демократической Латвии? (Депутат Майзель обращается к оратору с каким-то вопросом). На вопрос Майзеля отвечаю вопросом же:

«Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?
Ты не Бронштейну ли служила?
Советов луч тебя ласкал?
Зачем же ты им изменила?
Какой скандал, какой скандал...»

Таков голос прессы, вами не опровергнутый. Если это не так, опровергайте данные прессы, и ваше опровержение будет и ответом на мои искренне недоуменные вопросы.

Какая цель этих оппортунистических, двуязычных тирад с недомолвками? Опять: с одной стороны, угодить марксистскому пролетариату, а с другой – запугать круги демократических граждан? Но, господа оппортунисты, вы поняты на обоих фронтах. Вам не верят уже ни там, ни здесь.

Но эти жесты заслуживают того, чтобы на них остановить внимание по существу. Кому грозят? И кто грозит? Неимущие грозят имущим? Но кто в Латвии не знает, что настоящие-то

имущие в настоящее время сидят здесь уже не справа, а слева, на скамьях оппортунистов. Вы требуете от меня конкретных примеров, вот вам примеры.

Вам всем ведом тот ваш, лидер, который в прошлый строительный сезон воздвиг для себя на Задвинье столицы дорогой и роскошный особняк. Чтобы воздвигать для себя такие резиденции и достойно обитать в них, мало быть имущим, надо быть богатейшим капиталистом.

Вам ведом и другой ваш лидер, который в самом шикарном нашем курортном месте вызвал удивление и публики и прессы роскошью и богатством воздвигнутой им стильной дачи. Разве что-нибудь подобное под силу человеку, хотя бы просто богатому. Это каприз капиталиста. Я затрудняюсь допустить мысль, чтобы ваши присяжные экономисты затевали затеи не по средствам.

Еще вам нужны примеры? Конечно, вам не неведом и третий ваш лидер, доведший присужденный ему баронский мызный центр до такой комфортабельности и всестороннего благоустройства, что любо-дорого. Вы ведь знаете так же, как знаем и мы, что эти ваши лидеры ранее были людьми неимущими.

Многие ли из вас, господа оппортунисты, могут в настоящее время похвалиться пролетарским свидетельством: нет ни у меня, ни у жены ни движимого, ни недвижимого имущества.

Я не имею юридической возможности дать с этой трибуны данные о размерах ваших капиталов и подоходного налога, уплаченного вами за последний год, но вы сами такую возможность имеете. Ступайте сюда, на кафедру, и огласите хотя бы размеры ваших подоходных налогов. Может быть, это будет полезно и поучительно для пролетариата, для ваших избирателей.

Еще один вопрос: кто из вас довольствуется только своим депутатским постом и только богатым депутатским окладом? Из данных прессы и из официальных справочников я вижу, что многие из вас занимают по несколько жирных побочных постов, получают миллионные годовые оклады.

И у таких лиц хватает дерзновения становиться в позу неимущих и натравливать пролетариев на *мнимых имущих*? Или вы думаете, что такими лицемерными жестами и фразами вам удастся обмануть пролетариат? Прошлые выборы вам воочию показали, что пролетариат не слеп. В ваших избирательных списках наибольшему вычеркиванию подверглись именно наибольшие мастера на такие жесты. Некоторых таких мастеров пролетариат своими вычеркиваниями утопил безнадежно, а кое-кого вам пришлось, как своего рода утопленников, выуживать со дна ваших списков и чрез головы «товарищей» проволакивать в Сейм. Не называю имен, ибо имена эти общеизвестны.

По части буржуазных наклонностей и буржуазных капризов *какая сеймовая группа может спорить с вами?* Где, кроме вашей группы, вы найдете лиц, имеющих по резиденции и в столице, и на шикарном Взморье, и в не менее шикарном Царском лесу, и в деревенской глуши? Роскошно обставленные ваши резиденции не раз были предметом описания в повременных изданиях. Что ваши рауты всегда превосходили шиком рауты демократов, об этом данные вы можете найти в родной вам пролетарской прессе. А наряды ваших дам разве не превознесены на страницах повременных изданий? Дорогие меха ваших шуб и шапок мы все каждодневно созерцаем в вестибюле Сейма в эту студеную пору. Касаться ли еще ваших буржуазных капризов и шалостей? Какая группа может указать соперника тому вашему лидеру, который за породистую собаку и ее обучение выкинул десятки тысяч рублей? Или другому лидеру вашему, прославившемуся шиком по ресторанным счетам? Я говорю только о случаях, зафиксированных на страницах прессы. Все ли случаи зафиксированы?

Вы спрашиваете меня, какое все это имеет отношение к запросу по делу безработных? Если это вам непонятно без пояснений, поясню. Когда ваши «товарищи» захватывают для себя лично и для своих присных наряду с богато оплаченными основными постами еще по несколько побочных, неужели вы не понимаете, что этим безмерно сокращаются возможности для ищущих занятий, что этим умножаются кадры безработных? По

данным, сообщенным здесь депутатом Эглитом, в последней вашей демонстрации безработных принимало участие всего лишь несколько сот безработных. Вместо того, чтобы таскать их по улицам, вы сразу могли их удовлетворить работой, если бы понудили ваших многодолжностных товарищей и их присных отказаться от ненужных для них побочных постов. Ведь можно же безбедно прожить и на депутатский только оклад. Безработный стал бы всецело посвящать свои силы тому делу, которому вы в состоянии посвятить только свои досуги.

Бездомные безработные были введены под кров в весьма большом количестве, если бы вы решились отказаться от ваших буржуазных жилищных излишков. Когда у баронов отбирали их земельные излишки, то не имелось в виду снабжать ими депутатов, к тому же директорствующих еще в банках, у которых не хватает ни времени, ни охоты, ни умения лично возделывать землю, а имелось в виду снабжать безземельных землеробов.

Передайте же землю землеробам, а то получается впечатление, что земля отнята у баронов бывших, чтобы передать ее баронам красным. Поторопитесь с передачей, чтобы доказать вашу любовь к безработным и бездомным.

Или у вас не хватает логики, чтобы добрести до этих ясных и простых истин? Или вы логику для оппортуниста-«пролетария» считаете ненужною роскошью?

Но к этим же выводам вас должно бы привести, если не логика, то чувство стыда. Это чувство присуще даже высшим породам животных, посему едва ли и для оппортуниста-марксиста можно считать стыд излишнею роскошью?

После всего сказанного и к настоящему запросу, и к его авторам можно отнестись только отрицательно.

К правительству же, которое со всею серьезностью и сердечностью всегда относилось к бедствию безработицы и несчастным безработным, мы, несмотря на то, что некоторые низшие служащие министерства внутренних дел для водворения уличного порядка применили к некоторым марксистам марксистские дубинки по методу самих же марксистов, мы относимся с полным доверием и уважением.

Марксисты пожали, что сами посеяли.

1929. № 1019. С. 3.

Комментарии

1 Т. е. «Живой церкви» – так называлось одно из течений в обновленчестве. Довольно часто это название употреблялось в качестве наименования всего обновленческого движения в целом (поскольку это была первая по времени образования крупная их группа).

2 Так называемое «Завещание» Патриарха Тихона – опубликованное посмертно (15.07.1925) его воззвание к пастве, в котором содержалось признание советской власти, а также осуждались направленные против нее политические выступления зарубежных иерархов. В момент его опубликования и позже большинство находившихся в эмиграции епископов не признавало его принадлежности Патриарху. Вопрос о подлинности документа до сих пор остается открытым. (см. об этом подробнее: Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 125–129; Акты Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: Сб. в двух частях / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 757–768, в этом же издании воспроизведен и его текст – С. 361–363; другая публикация – Митрофанов Г., свящ. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб., 1995. С. 109–113, см. там же и «Послание председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей высокопреосвященного митрополита Антония к русской православной пастве за границей» – с. 115–117).

3 В то время, когда произносилась эта речь, движимое имущество рижских духовных училищ (в том числе и библиотеки), эвакуированные во время первой мировой войны, находились в России. Реевакуация произошла лишь в 1927 г., но библиотеки латвийское правительство Церкви и тогда не возвратило, они были переданы в Государственную библиотеку

(см. об этом: Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 21).

4 Стучка Петр Иванович (Петерис Янович) (1865–1932) – один из основателей Коммунистической партии Латвии. С декабря 1918 по январь 1920 – председатель советского правительства Латвии, с 1919 – постоянный представитель Коммунистической партии Латвии в Коминтерне. Занимал ряд видных постов в СССР.

5 Лацис Мартын Иванович (Мартиньш Янович – настоящее имя Ян Фридрихович Судрабс) (1888–1938) – видный деятель ЧК–ОГПУ. Возглавлял отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Летом 1918 года временно заменял Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК. Позже занимал другие высокие партийные и государственные должности. Расстрелян в 1938 г.

6 Очевидно, имеется в виду Данишевский Карл Юлий Христианович (1884–1941) – советский государственный и партийный деятель. В январе – мае 1919 – заместитель председателя советского правительства Латвии.

7 Мейеровиц Зигфрид (1887–1925) – латвийский государственный деятель, первый министр иностранных дел Латвийской республики, затем председатель кабинета министров. Погиб в автомобильной катастрофе.

8 Адолф Кливе и Карлис Улманис в данном случае упомянуты как единомышленники – лидеры Крестьянского союза (одним из лидеров этой же партии был и Зигфрид Мейеровиц). Незадолго до произнесения этой речи К. Ульманис возглавлял правительство Латвии.

8-а Очевидная опечатка. Речь определенно идет о социал-демократе Рудевице.

9 Гернгутеры – религиозно-общественное, протестантское движение в Прибалтике XVIII-XIX веков, проповедавшее трудолюбие, бережливость и демократизм. Наибольшего размаха движение получило в первой половине XIX века. Его корни восходят к последователям Чешских братьев. В XVIII веке движение получило распространение в Германии (отсюда и его

название, связанное с саксонским городом Гернгут), из Германии проникло в Прибалтику.

10 Шполянский Леонтий Васильевич – политический деятель, депутат 2-го, 3-го и 4-го Латвийского Сейма от «Русского объединенного списка волостных и общественных деятелей». Защищал интересы русского крестьянства Латгалии. Центрист.

11 Речь идет о З. Мейеровице

12 «...высокого святителя, оставившего по себе наилучшую память в Латвии» – архиепископ Иоанн имеет в виду митрополита Агафангела (Преображенского), с 1897 по 1910 занимавшего Рижскую кафедру. Однако в действительности Павел Агапитов (таково настоящее имя самозванца) за Агафангела (Преображенского) себя не выдавал, и, приписывая себе митрополичий сан, предъявлял документы, вероятно, в значительной мере свидетельствовавшие о его реальной биографии (хотя само имя Агафангел, очевидно, им было выбрано не случайно – с явным расчетом на возникавшую аналогию). См. о нем подробнее в NoNo 389 и 405 газеты «Слово» за 1927 г., а также документ, опубликованный в изд: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера): Письма и другие документы. Т. 3. Рига, 2011. [Seminarium hortus humanitatis: Альманах XXIV]. С. 88–90.

13 По законам Российской империи единственные сыновья в семьях на военную службу не призывались.

14 Современное название – Слока.

15 Речь в данном случае идет о заявленных в феврале 1927 года претензиях латвийского военного ведомства на владение даугавпилсским Борисоглебским собором (поскольку в дореволюционное время он являлся гарнизонной церковью). Более подробно об обстоятельствах этого дела см. ниже в заявлении архиепископа Иоанна «О двинской православной церкви», а также: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера)... Т. 3. С. 94–95 (в рапорте двинского Борисоглебского русско-латышского объединенного церковного совета).

16 Заявление это является ответом на письмо, опубликованное в том же номере газеты и предшествовавшее ему. Приводим полный его текст: «В № 459 газеты «Слово» архиепископ Иоанн в своей статье «Искусственная пролетаризация», между прочим указывает, что в Двинске военное ведомство оказывает энергичное давление на двинскую православную церковь, что будто бы получено уже распоряжение об уплате оброка и что будто бы имеются ясные указания о дальнейших намерениях военного ведомства в этих вопросах. Обстоятельства дела в действительности таковы: в 1920/21 годах военное ведомство приступило к восстановлению поврежденной снарядами во время войны гарнизонной церкви, выдав на это 40.000 латвийских рублей. За недостатком средств работы по восстановлению церкви были прерваны, и дальнейший ремонт церкви делал двинский православный приход. Военное ведомство никаких возражений против использования церкви двинским православным приходом не делало, хотя церковь с окружающими ее земельными угодьями принадлежит военному ведомству и считается гарнизонной церковью. В последнее время военное ведомство приступило к выяснению вопроса о дальнейшей судьбе церкви. До окончательного разрешения этого вопроса военный министр дал согласие оставить церковь православному приходу за вознаграждение в один лат в год, какой «оброк» был необходим, чтобы военное ведомство не потеряло права на собственность вследствие давности. Было дано распоряжение двинской группе военно-строительного управления вести с приходом переговоры относительно заключения соответствующего договора, на основании чего двинская группа послала приходу проект договора, против некоторых пунктов которого приход заявил возражение, предложив изменить указанные пункты таким образом, чтобы церковь была сдана в аренду на 99 лет, ремонт делался в зависимости от необходимости, не считая того, сколько раз должна ремонтироваться крыша и, в-третьих, чтобы военному ведомству было предоставлено право совершать православные богослужения только в дни военных праздников. На все эти предложения было выражено

принципиальное согласие, что может засвидетельствовать двинский православный благочинный Крампс, который это дело лично обсуждал с начальником строительного управления. Военное ведомство пошло даже дальше и высказало готовность передать бывшую гарнизонную церковь в собственность православного прихода вместе с земельной площадью. Но этот вопрос могло окончательно разрешить правительство, а не военное ведомство. Из всего этого видно, что во всех случаях военное ведомство выразило самую большую готовность идти навстречу двинскому православному приходу. То же самое можно сказать также и в других случаях, когда приходилось удовлетворять ту или иную просьбу православных. Например, когда православный Синод обратился в военное ведомство с просьбой выдать из либавского кафедрального собора разное имущество (люстры, аналой, мраморный престол), то военное ведомство эту просьбу также поддержало, и имущество было выдано. Начальник военно-строительного управления полковник Шнольковский».

17 Статья была напечатана в номере газеты, посвященном Дню русской культуры.

18 «Послание Восточных патриархов о Православной вере» – документ, составленный в Константинополе в сентябре 1723 года.

19 Антонин (Грановский) (1865–1927) – хиротонисан во епископы в 1903; с 1913 еп. Владикавказский и Моздокский. В 1917 уволен на покой. С 1922 в обновленческом расколе, один из главных идеологов обновленчества, до 1923 председатель обновленческого ВЦУ. Был возведен обновленцами в сан митрополита. В 1922 образовал собственную церковь, названную им «Союзом Церковного Возрождения».

20 Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936) – бывш. протоиерей, один из лидеров обновленческого движения, возглавлял «Живую церковь». Член обновленческих высших органов управления, «Первый протопресвитер всея Руси».

21 Вениамин (Муратовский) – до революции архиепископ Симбирский и Сызранский. Участник Поместного собора в Москве 1917–1918 гг. С 13 июля 1920 г. – архиепископ Рязанский

и Зарайский. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. В 1923 году дважды каялся перед Святейшим Патриархом Тихоном и дважды переходил обратно в обновленчество. Сменил ряд обновленческих кафедр. 19 мая 1927 года перемещен на Московскую обновленческую кафедру с наименованием «митрополита» Московского и Коломенского.

22 Платонов Николай Федорович (1889–1925) – выпускник С.-Петербургской духовной академии с 1914– 1915 г. – преподаватель С.-Петербургской духовной семинарии. С 1916 г. священник, затем настоятель петроградского Андреевского собора. В 1922–23 гг. уклонился в обновленческий раскол. 8 ноября 1925 г. хиротонисан во «епископа» Гдовского Ленинградской обновленческой епархии. С 1925 по 1929 г. состоял профессором Ленинградского богословского института по кафедре экзегетики Нового Завета. Впоследствии обновленческий «митрополит» Ленинградский.

23 Зарин Сергей Михайлович (1875–1936) – один из лидеров обновленческого движения. До революции – экстраординарный профессор С-Петербургской духовной академии. В 1922 присоединился к обновленческому движению, участник обновленческих соборов 1923 и 1925. С 1924 – член учебного комитета, профессор и проректор обновленческой Московской богословской академии.

24 Красоткин Павел – обновленческий «протопресвитер», член обновленческого ВЦУ.

25 Покровский Александр Иванович – выпускник Московской духовной академии. В 1900 г. защитил магистерскую диссертацию «Библейское учение о первобытной религии», в 1916 – докторскую «Соборы древней церкви первых трёх веков». В 1917–1918 – член Поместного собора Русской православной церкви. Уклонился в обновленческий раскол, участник обновленческих соборов 1923 и 1925 гг.

26 Донатизм – раскольническое движение, возникшее в Карфагенской церкви в IV в. Причиной раскола стала реакция части христиан на поведение клириков, которые во время гонений Диоклетиана пошли на сотрудничество с имперскими властями. Донатисты считали, что святость истинной церкви

зависит от совершенства ее служителей, готовых претерпеть мученичество за веру.

27 Донатизм – см. примечание 26.

28 «Кревияс (криевияс) циня» («Российская борьба») – латышская коммунистическая газета, выходившая в России в 1918–1930 гг.

29 Исправление внесено, поскольку, судя по смыслу, в газете допущена явная опечатка.

30 Не совсем точная цитата из трагедии А.Н. Майкова «Два мира».

31 Стихотворение А.Н. Майкова.

32 Согласно современной топонимике – вентспилскому.

33 Имеется в виду Маргерс Скуениекс, в декабре 1926 г. возглавивший Латвийское правительство. В январе 1928 года вышел в отставку. Вновь возглавлял правительство в 1931–1933 гг. Занимал также должности министра финансов и министра внутренних дел. После присоединения Латвии к СССР был арестован, в 1941 году расстрелян.

34 «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс. 1: 1–2).

35 Калнин (Калниньш) Паулс – депутат Сейма всех созывов. В 1925–1934 – председатель Сейма. Председатель ЛСДРП.

36 В данном месте в тексте исправлена явная опечатка. В газетном тексте: «Что, снова не хватает? – снова несутся...»

37 К. Илос и М.Герценштейн – депутаты I Думы от партии кадетов, оба еврейского происхождения. Были убиты черносотенцами.

38 Бредис Фридрих Андреевич (1888–1918) – участник Первой мировой войны, полковник, командир 1-го Усть-двинского латышского стрелкового полка. Герой рождественских боев, Георгиевский кавалер. За участие в антибольшевистской организации был приговорен к расстрелу в Москве. Посмертно в Латвии был награжден орденом Лачплесиса всех степеней.

39 В современных источниках фамилия чаще передается как Магго Петр Иванович (1879–1941) – родился в Двинском уезде в семье крестьянина. С октября 1919 – надзиратель внутренней тюрьмы ВЧК, с 1920 – ее начальник. Приводил в исполнение расстрельные приговоры.

40 Современное название – Лиепая.

41 Возможно, имеется ввиду Кродер Ян Петрович (1860–1938) – латышский революционер, член ВКП(б) с 1904 г.; участник гражданской войны. В 1919 г. был председателем уездного ревкома в Калачинске (Омская губерния). Есть сведения о том, что впоследствии он проживал в деревне Коломовка Чудовского района Ленинградской области, был членом колхоза «Стрелнекс» и казначеем Коломовского сельсовета. В 1938 г. арестован, 21 октября 1938 г. расстрелян в Ленинграде.

42 Имеется в виду Петерсон Рудольф Августович (1897–1937) – комендант Московского Кремля в 1920–1935 годах. В 1937 г. был арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР обвинен в принадлежности к контрреволюционной террористической организации, расстрелян.

43 Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) – полковник русской армии, в 1917 г. перешел на сторону Советской власти. С 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. – главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР. С августа 1919 по 1921 работал в Реввоенсовете Республики. С 1922 – профессор Военной академии. В 1937 арестован, обвинен в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации. 28 июля 1938 года расстрелян.

44 Смилга Ивар Тенисович (1892–1937) – член партии с 1907 г. В 1917 г. – член Кронштадтского комитета РСДРП(б), председатель областного Исполнительного Комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Участник гражданской войны, член РВС ряда фронтов. После гражданской войны на хозяйственной работе. Во внутрипартийной борьбе поддерживал Л.Д. Троцкого. В 1937 г. расстрелян.

45 Петерс Яков Христофорович (1886–1942) – профессиональный революционер с дореволюционным

партийным стажем (в 1904 вступил в Либавскую организацию Социал-демократии). После Октябрьской революции член коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель Революционного трибунала. В 1920–22 член Туркестанского бюро ЦК РКП (б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане. С 1923 член коллегии ОГПУ. С 1930 г. на партийной работе. В 1937 – арестован, 25 апреля 1938 года расстрелян.

46 Карклин Отто Янович (1884–1942) -- член партии с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг., арестант Рижской центральной тюрьмы. В 1916 г. был сослан в Верхоянск. С апреля 1918 – председатель Кассационного отдела при ВЦИК. С июня 1918 – заместитель председателя Ревтрибунала при ВЦИК. В 1923 – заместитель председателя Верховного Суда РСФСР. Позднее – на руководящей советской работе. В 1938 г. арестован. Умер в лагере.

47 Трудно сказать, кого именно в данном случае имеет в виду архиепископ Иоанн. В первые годы советской власти было несколько крупных партийных деятелей, носящих такую фамилию и занимавших высокие посты.

48 Иоанн Златоуст (между 344 и 354–407) – один из главных отцов церкви, с 398 епископ Константинополя; выдающийся проповедник, представитель греческого церковного красноречия. Известен также как обличитель общественной несправедливости, в результате восстановивший против себя влиятельные круги двора и высшего клира, отправленный в ссылку.

49 Святитель Амвросий, епископ Медиоланский (ок. 340–397) – выдающийся проповедник и гимнограф. Пользовался огромным авторитетом у народа и императоров, принимал деятельное участие в государственных делах.

50 Филипп (Колычев Федор Степанович) (1507–1569) – митрополит Московский. Решительно выступил против жестокостей и казней Ивана Грозного. Был задушен по приказу царя.

51 Гермоген (ок. 1530–1612) – в 1606–1612 Московский Патриарх. В эпоху смутного времени рассылал по городам грамоты с призывом к восстанию против польских

завоевателей. Был заключен в Чудов монастырь, где умер от голода.

52 Ершов Леонид Владимирович – депутат Сейма по списку независимых социалистов, коммунист. Был избран в Сейм в 1928 и 1931. Входил в рабоче- крестьянскую федерацию Сейма. Впоследствии бежал в СССР, где, по-видимому, был арестован.

53 Лайцен Линард Петрович (1883–1938) – латышский писатель, коммунист. В 1928 и 1931 году избирался депутатом Сейма Латвии от рабоче-крестьянского списка. С 1932 г. жил в СССР, был репрессирован.

54 Зубатовщина – получившее распространение в России в начале XX определение, связанное с именем чиновника департамента полиции Сергея Васильевича Зубатова, выступившего с инициативой создания подконтрольных охране рабочих организаций, ориентированных исключительно на экономические преобразования, с целью отвлечения рабочих от политической борьбы.

Сергей Мазур. Летопись жизни Архиепископа Иоанна Риижского

Латвийский период: 1915 – 1921 годы.

Хорошо известна традиция составления хронологических таблиц, которые служат дополнительной иллюстрацией к уже написанной биографии того или иного исторического деятеля. Существует и обратный подход – подробнейшие биографические росписи с указанием дат, имен, источников оказываются необходимым подспорьем для составления академической летописи жизни исторического героя.

В случае с архиепископом Рижским и Латвийским Иоанном как раз подходит второй вариант. Несмотря на то, что уже несколько популярных жизнеописаний предстоятеля Латвийской православной церкви увидели свет в разные годы как на русском, так и на латышском языках, все-таки, в этих книгах (Келер Людмила. “Никем не сломленный. Жизнь и мученическая смерть архиепископа Рижского Иоанна (Поммера)”. М., 1999 г., Калниньш Янис “Святой Иоанн Рижский”. Рига 2001 г. (на латышском языке) и игумен Феофан (Пожидаев) “Колокол на башне вечевой”. М., 2005) исторические картины, изображенные авторами, далеки от реальности.

Латвийский период архиепископа Иоанна занимает 13 лет – с 24 июля 1921 года, т.е. со дня его приезда в Ригу до ночи 12 октября 1934 года – дня его убийства.

Однако хронологическая таблица латвийского периода куда более шире. После убийства архиепископа Иоанна еще шло следствие, в прессе, прежде всего в газете “Сегодня” и “Сегодня вечером” при всех ограничениях свободы слова, при авторитарном режиме Карлиса Улманиса, в течение нескольких месяцев появлялись очень важные публикации, проливающие свет на личность, характер, трагические обстоятельства жизни и смерти предстоятеля Латвийской православной церкви. До появления архиепископа Иоанна (Поммера) в Риге завязался глубокий узел противоречий, который пришлось распутывать герою нашей летописи на протяжении нескольких лет.

Архиепископ Иоанн (Поммер) вел интенсивную общественную жизнь. Для того, чтобы получить представление

о его взглядах на происходящие события, оценить его деятельность, не обойтись без детального знания целого перечня ситуаций, с которыми он имел дело. Поэтому летопись жизни мы начинаем с 1915 года, т.е. со времени военной катастрофы Российской империи на фронтах Первой мировой войны и вынужденной эвакуации церковного имущества из Латвии. Много лет спустя возвращение колоколов и церковного имущества уже из новой России стало одной из первостепенных задач, которая решалась при участии дипломатов Латвийской республики, путем переговоров, бесконечной переписки, также этот вопрос широко освещался русской прессой того времени.

Другой многострадальной темой стала проблема кафедрального собора, включающая и вопросы собственности храма, его владения русским и латышским приходами, восстановления здания частично разрушенного войною, шум в прессе из-за колокольного звона и проч.

В длинном списке проблем можно назвать и другие вопросы, но ограничимся лишь тем, что перечислили выше. Какие бы ситуации мы не выбрали для рассмотрения, важно отметить их общественный характер, заинтересованность в их решении разных церковных сил, представителей общественности, политиков, чиновников и даже высших руководителей латвийского государства. Важно отметить нарастающий ком источников. Если в 1915, 1918 и 1920 годах мы сумели отметить лишь несколько источников, взятых или из публикаций газеты “Сегодня”, Латвийского государственного исторического архива, фонда 7469 или 7131, то по 1920 году их становится в десять раз больше, а в 1921 году их число еще увеличивается в несколько раз. Публикация в 38-м номере альманаха завершается ссылкой на заметку в газете “Рижский Курьер” о панихиде 31 июля 1921 года по погибшим воинам латвийской армии в Освободительной войне.

Также в летописи использованы источники, которые в разных номерах альманаха публиковались Юрием Львовичем Сидяковым. (Подробнее см. 14, 20, 24 и 37-е альманахи).

Многое из событий последнего года жизни архиепископа Иоанна (Поммера) становится понятным при обращении к

первым годам его пребывания в Латвии.

1915 год

Из списка латвийских церквей, колокола которых эвакуированы в 1915 году в Россию. (Название церкви, число колоколов, вес – пуд., фунт., куда эвакуированы и где находятся). Список передан 14 апреля 1927 года Г. Боркусевичу за подписью члена синода и секрета под No 783.

Рижского кафедрального собора – 12; 1429–34, Нижний Новгород. Большой колокол в селе Павлово.

Рижской Петро-Павловской церкви – 6; 445– 14, Нижний Новгород. Рижской Алексеевской церкви – 9; 400–05, Нижний Новгород. Рижского женского монастыря – 8; 234–2 – Новгород. Лоддигерской – 4; 49–05, Минск. Болдерайской – 5; 118–29, Тихвин. Толкенгофской – 6; 75–33, Ржев. Спасо-Преображенская церковь. Кюльцемской – 5; 52–8, Москва. Фраузенбургской (Салдус) – 3; 22–20, Псков. Митавского собора – 10; 288, Смоленск. Теперь по слухам в Москве. Один колокол в 25 пудов получен.

Липинишской – 4; 37–37, через Витебск в Москву или Смоленск. Гайнажской – 5; 74, Москва, артиллерийский склад. Буртенской – 5; 94, часть в селе Горбуновка Сызранского уезда Симбирской губернии. Граверской – 5; 19– 10, Витебск, Полоцкая духовная консистория... ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. No 252. Л. 1–2.

Из списка синода от 13 апреля 1927 г. латвийских церквей, имущество которых в 1915 году эвакуировано в Россию. (Название церкви, куда имущество эвакуировано или где по сведениям теперь находится).

Духовной Консистории, Училищного совета и Алексеевского монастыря, Архиерейского дома, Рижского кафедрального собора, Рижской Благовещенской церкви, Рижской Троице-Задвинской церкви, Рижской Михаило-Архангельской, Рижской Иоанно- Предтечинской, Рижской Покровской, Рижской Вознесенской, Рижской всехсвятской, Рижской Александро-Невской, Рижской Преображенской, Рижского женского монастыря – г. Новгород.

Митавского собора – г. Смоленск. Скрудалинской церкви – г. Москва. Ново-Спасский монастырь. Сисегальской церкви – Тверь. Женское епархиальное училище. Тальсенской – Псков. Ново-Вознесенская церковь (по неофициальным сведениям переведены в Новгород в десятинный монастырь).

Режицкого собора – г. Витебск. Петро-Павловская церковь, а часть в Москву. Эйхенангернской церкви – г. Новгород. Свято-Духовский монастырь. Саусенской церкви – г. Ленинград. Чрезвычайная комиссия. Мариенбургской церкви – г. Тамбов. Женский монастырь. Малупской церкви – г. Тамбов. Женский монастырь. Липинишской церкви – г. Витебск. Полоцкая духовная консистория. Лемзальской церкви – г. Новгород. Свято-Духовский монастырь...

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 251. Л. 1.

1918 год

22 октября. Из протокола № 19 заседания Рижского временного Епархиального Совета. Пункт 11. «Заслушано предложение Его Преосвященства на имя Совета от 8\21 октября 1918 г. за № 838 следующего содержания: «Епархия переживает историческое время. Необходимо озаботиться, чтобы события последнего времени нашли точное и живое изображение на память грядущим поколениям. Предлагая Совету предписать причтам, за ответственность благочинных, сделать следующее:

1) Занести в церковные летописи подробно и документально все, пережитое приходом, причтом и церковью за время войны, – до приближения к нам фронта и после, до прихода немцев, во время хозяйничанья (подробно) и после, отмечая все стадии и полосы событий;

2) за 1918 г. благочинные, не позже февраля 1919 г., имеют представить историю того, что было в благочинии в сем году, по связи с властвованием тевтонов и отношением их к православию...» Подписано Платоном, епископом Ревельским, протоиереем М. Блейсте, священником А. Лааре, В. Паклером и секретарем протодьяконом К. Дориным.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 63, Л. 2.

1919 год

23 ноября. Газета «Сегодня» (№ 57, с. 2) публикует заметку «Рижский кафедральный собор».

«Рижский кафедральный собор от неприятельских снарядов пострадал настолько, что совершение богослужения в настоящее время невозможно. Возбужден вопрос о сборе добровольных пожертвований среди православных рижан на ремонт упомянутого храма».

1920 год

28 января. Газета «Сегодня» (№ 22, с. 2) публикует статью «К отделению православной церкви в Латвии».

«Как нам передавали, на днях состоялось собрание православного духовенства под председательством Рижско-градского благочинного протоиерея Н. Тихомирова, на котором обсуждались вопросы, разосланные настоятелям православных церквей г. Риги церковным советом латышской Вознесенской церкви. Больше всего было уделено внимания присутствовавшим вопросу, стоявшему на повестке дня, об отделении латышской православной церкви от русской и о провозглашении ее самостоятельности и независимости от Российской православной церкви. Присутствовавший на этом собрании будущий латышский епископ, настоятель Вознесенской церкви, священник И. Борман заявил присутствовавшим, что он лично против отделения церквей, но он тут ничего не может сделать. Так как, по его словам, в Вознесенском приходе всю власть забрала в свои руки «кучка узурпаторов», которая созывает на 25–27 февраля с.г. «конгресс» из латышского православного духовенства и мирян Латвии, на котором будет провозглашена независимость латышской православной церкви. Получившие приглашение на этот «конгресс» русские священники постановили принять участие в нем и словами мира постараться воздействовать на своих латышских собратий, и не допустить их до разрыва с русской церковью. Если же их увещания окажутся бесплодными и латышская православная церковь объявит себя самостоятельной, то решено от дальнейшего участия воздержаться и присутствовать на конгрессе уже в качестве информационных участников. Кроме этого вопроса обсуждались

еще вопросы о переходе в ведение будущей латышской церкви: Рижского кафедрального собора, духовных зданий, монастырей, архиерейских дач, церковных капиталов и т.д., Решено было: отстаивать на предстоящем конгрессе кафедральный собор во что бы то ни стало за русским духовенством, т.к. собор принадлежит всему русскому населению г. Риги, а православных латышей здесь так мало, что им вполне достаточно и Вознесенской церкви. Есть еще на Красной Двине Преображенская церковь для православных латышей, которую священник Борман от имени Вознесенского церковного совета передал в ведение благочинному Тихомирову, так как они не в состоянии были охранять ее и причтовый дом от расхищения. Достойно еще внимания и то обстоятельство, что в разосланных Вознесенским приходским советом приглашениях участвовать на конгрессе упоминается только о священнике и одном мирянине, а о дьяконах и псаломщиках ни словом не упомянуто; по всей вероятности, в самостоятельной латышской церкви ни дьяконов, ни псаломщиков не будет. Вообще же священник Борман сомневается, чтобы из этого конгресса вышло что-либо существенное».

25–27 февраля. Поместный православный Собор в Латвии в Риге в зале заседаний Народного Совета.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 39. Л. 112–125.

Из материалов собора: «Реферировал Давис. Основные мысли его доклада сводятся к следующему. В комиссии докладчиков по данному вопросу было два различных противоположных мнения. Одно мнение – мнение меньшинства сводилось к тому, что ЛПЦ – вполне самостоятельна и никаких, даже идейных (духовных), связей с московским патриархатом поддерживать не желает. Другое же мнение – мнение большинства состояло в том, что ЛПЦ вполне самостоятельна и независима, но она поддерживает духовную, в смысле иерархическом, связь с московским патриархатом. Он, референт, стоит на точке зрения меньшинства. Реферат вызывает горячие прения, которые подчас принимают столь острый характер, что переходят в личные нападки. Первым оппонентом выступает г. Чакурс. Он опровергает утверждение

Дависа, что комиссия докладчиков приняла какие-то постановления, ставящая ЛПЦ в зависимость от московского патриархата. Церковь наша, говорит оппонент, вполне самостоятельна и независима; мы свободно будем избирать своих священников, свободно выбираем себе епископа и без попрошения на то разрешения извне – от лиц, находящихся вне пределов Латвии, будем управлять и заведовать своими церковными имуществами. Но сами по себе мы епископа создавать не можем; не можем мы также изготовлять миро и антиминсы и в этих видах, дабы не обращаться к другим более отдаленным самостоятельным ПЦ, нам надлежит сохранять духовную связь с московским патриархатом. Само собою разумеется, что через это мы не хотим стать в какую-либо зависимость от Москвы. Никаких предписаний и приказов и никакого вмешательства Москвы в нашу внутреннюю приходскую жизнь мы не потерпим, и я не верю, чтобы московский патриархат вообще сделал бы какие-либо попытки в этом направлении. Вот те положения, за которые голосовало большинство комиссии докладчиков. Протестую против тех слов г. Дависа, что большинство комиссии все свои упования возлагало на Москву и хотело остаться у нее как бы в зависимости. Священник Свинцов указывает на несправедливость упреков пастырям не латышского происхождения в том, что они якобы мало заботились о духовном и мирском благополучии латышей; он находит, что эти пастыри сделали многое, они были занозой в глазах местного господствующего сословия немецкого происхождения и епископ Иринарх был под конвоем даже выслан из Риги. Давис указывает, что мы не должны обращать своих взоров на Москву и не имеем права выдавать патриарху белого листа за нашими подписями, предоставляя ему предначертать нам на этом листе все, что ему будет угодно; нам надлежит самим определять свою жизнь, быть совершенно свободными. Вносится предложение о том, чтобы содержание реферата было передано и на русском языке, дабы и русские участники имели возможность принять активное участие в работе Собора. Предложение принимается. Платер высказывает по поводу

реферата мнение, что как только церковь становится независимой и свободной в своей внутренней организации, то она тем самым и юридически становится самостоятельной. Жизнь церкви невозможно сопоставить и сравнивать с политической жизнью, как это делает референт. Церковь стремится к братскому единению со всеми народами. Нам следовало бы из данного вопроса устранить все личное и политическое, руководствуясь единственно лишь духом христианства и став на духовную точку зрения.

Чакурс полагает, что вопроса не следует ставить так резко, как будто мы хотим быть зависимыми от Москвы. Но дело в том, что нам волей-неволей хотя бы в первое время, придется быть в какой-либо из крупных православных церквей; почему же мы в случаях необходимости (хиротония во епископа, миро, антиминсы) должны миновать московский патриархат? К тому же в России до сих пор находятся наши наиболее образованные пастыри – латыши. Референт поставил вопрос в неправильную плоскость. Мы свободны и хотим быть совершенно свободными от какого-то ни было вмешательства в нашу внутреннюю церковную жизнь. Давис в полной мере поддерживает положение своего доклада, в частности, и ту часть их, которая говорит о недостаточной заботливости священников по отношению к нуждам своих приходов. Берзинь говорит, что больно слушать упреки деятелям прошлого в том, что они якобы недостаточно заботились о своем духовном стаде: ведь и они, так же как и мы, были лишь рабами общих условий. Тем не менее было бы лучше и справедливее, чтобы на ниве духовного просвещения латышей работали бы сами латыши. Не будем так много спорить о зависимости или независимости, заканчивает оратор, обратимся лучше непосредственно к вопросам устройства своей церковной жизни.

Янсон указывает, что нам надлежит идти эволюционным путем, т.е. нам прежде всего необходимо иметь духовного главу, а за сим дальнейшее выяснится само собою. Хотя символ веры и говорит о единой христовой церкви, но мы можем быть в такой же мере самостоятельными, как Черногория, Сербия, Болгария и др. церкви.

Духовное единение мы можем поддерживать со всеми православными церквями и в молитвах своих поминать всех епископов и патриархов. Посылать же сейчас кого-либо из наших лучших братьев в Москву означало бы обречь его на смертную казнь, чему примером могут нам служить епископ Платон и о.о. Бежаницкий и Блейве. Большевики этого только и ждут...»

26 февраля. На послеобеденном заседании Поместного православного собора выступил член Всероссийского поместного собора в Москве учитель Петр Маршан: «Маршан, в качестве члена Всероссийского поместного собора в Москве, дает пояснения: на Московском Соборе в 1918 году по вопросу о строе духовного управления в Прибалтийском крае преобладало мнение, что здесь должны быть 3 епископа: епископ-викарий для латышей, такой же для эстов и архиепископ с кафедрой в Риге. Также и на Юрьевском епархиальном съезде в 1917 году было постановлено избрать 3 епископов. Оратор рекомендует просить епископа Иоанна (Поммера) как латыша по происхождению, занять епископскую кафедру в Латвии. Оратор уверяет, что епископ Иоанн (Поммер) истинный демократ и что, в случае избрания его во епископа Латвии, он согласится занять епископскую кафедру на своей родине, – пожертвует свои силы и знания Латвии».

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 39, Л. 118. (Маршан Петр – член Собора Православной РЦ в 1917– 1918 гг.)

25–27 февраля. На состоявшемся Соборе латвийского духовенства единогласно принято постановление пригласить архиепископа Иоанна возглавить Латвийскую православную церковь. Соответствующее прошение было послано и святейшему патриарху Московскому и всея России Тихону, который лишь в июле 1921 года «в виду неотступных просьб Латвийской церкви» отпустил архиепископа Иоанна к себе на родину в Латвию .

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 39. Л. 112–125.

28 февраля. Газета «Сегодня» (№ 48, с. 2) публикует статью «Поместный православный собор». «На заседании 26 февраля приверженцы Московской ориентации, со священником

Тихомировым во главе, не пожелали признать Собор таковым, считая его лишь совещанием без права окончательного решения; Собор, по их мнению, может быть созван лишь с разрешения епископа, какового нет. Однако собрание 56 против 25 голосов признало Собор правомочным вынести окончательные решения по всем вопросам и предложениям. Все остальное время было занято бесплодными дебатами по поводу реферата Дависа и предложения относительно самостоятельности православной церкви Латвии, в которых очевидный перевес принадлежал русским священникам Московской ориентации – Платору, Македонскому и Тихомирову, указавшим, что отделение церкви от Москвы внесет в церковь ересь. В заключении при голосовании предложение Дависа 52 против 32 голосов было отвергнуто, а 86 против 7 голосов принято предложение священника Платора: православная церковь Латвии самостоятельна и самоуправляющаяся, а в епархиальном отношении она поддерживает идейную связь со своей матерью Российской православной церковью (58 против 15 голосов) и таким образом, в каноническом отношении православная церковь Латвии подчиняется постановлениям Вселенского собора православной церкви. После такого результата председатель организационного комитета Собора и товарищ руководителя Собора И. Давис сложил свои полномочия и оставил Собор...».

Газета «Сегодня» (№ 50, 1920 года 2 марта, с. 3) о закрытии Рижского кафедрального собора: «В субботу, 28 февраля, по распоряжению министерства внутренних дел был закрыт Рижский православный кафедральный собор, о чем после всенощной было объявлено старосте собора А.И. Трофимову. В воскресенье богослужение не могло состояться. Мотивы закрытия собора неизвестны.

5 марта. Газета «Сегодня» (№ 53, с. 2) публикует статью «Самостоятельность православной церкви Латвии». «По делу о самостоятельности православной церкви Латвии и использовании кафедрального собора приходский совет Вознесенской церкви 3 марта с. г. принял следующую резолюцию: в виду того, что

1) маленькая горсточка русских в Риге присвоила себе собственность государства – Рижский кафедральный собор – организовала при нем русский приход из 180 членов, каковой приход при числе рижских жителей русской национальности и их церквей и приходов является совершенно лишним, и не разрешали в кафедральном соборе совершать богослужения православным-латышам, которых в Риге и окрестностях 20 тысяч и в распоряжении которых лишь одна Вознесенская церковь, на окраине города,

2) что согласно сообщениям русских газет, состоявшиеся под председательством протоиерея Н. Тихомирова собрания представителей Рижских русских приходов вели себя весьма враждебно и презрительно по отношению к Рижскому Вознесенскому приходу за его инициативу провозглашения самостоятельности и независимости церкви Латвии и

3) что представители Рижских русских приходов поступили анти-государственно, пользуясь на Поместном соборе парламентарно недопустимыми приемами против признания самостоятельности и независимости (автокефалии) православной церкви Латвии, – совет Рижского православного Вознесенского прихода, в согласии с постановлением сего прихода от 15 февраля с. г.:

а) не находит возможным дальнейшее поддержание взаимной связи с русскими приходами, не признающими автокефалию православной церкви Латвии и молящихся в своих богослужениях за российского патриарха и

б) постановил просить правительство Латвии о передаче Рижского кафедрального собора со всем его имуществом Рижскому Вознесенскому приходу».

9 апреля. Газета «Сегодня» (№ 80, с. 1) публикует статью «К вопросу о судьбе кафедрального собора». «Горе верующих». «Несмотря на троекратные просьбы приходского совета православного кафедрального собора, запечатанного распоряжением министра внутренних дел, по просьбе прихожан Вознесенского прихода впредь до решения прав на Соборе Учредительным собранием, религиозная потребность верующих русских на великий день Пасхи, по-видимому, удовлетворена не

будет. В данном случае мы не хотим поднимать принципиального вопроса о праве на собор и согласны с решением правительства отложить щекотливый спор на решение полновластного хозяина Латвии – Учредительного собрания, но мы не можем не отметить глубокой обиды, нанесенной Вознесенским приходом православных латышей, лишивших своих русских единоверцев права пользования храмом в священные дни, в дни Страстной недели и предстоящей Пасхи, когда религиозное чувство особенно ищет своего проявления в усиленной молитве. Для многих и многих людей, сейчас, когда жизнь превратилась в одну непрерывную страстную неделю, когда нет такой семьи, где не было бы убитых или умерших, когда многие разорены и выбиты из колеи – вера является единственным утешением, опорой и даже смыслом жизни. В такие дни всякое стеснение проявления веры чувствуется необыкновенно остро и ассоциируется как гонение, посягательство на веру и свободу совести, ограждаемую государствами всех стран. Заккрытие собора, – факт тяжелый сам по себе, – в дни предстоящей Пасхи усугубляется еще и рядом физических причин. За последнее время, все находившиеся в центральной части города православные церкви, перестали функционировать.

Пять домовых церквей упразднены, Алексеевская и Петропавловская церкви заняты иноверцами. Остается одна Александро-Невская церковь, которая может вместить не более 700 человек. Мы хотим надеяться и твердо верим, что правительство учтет мотивы, неоднократно приводимые и в докладах соборного прихода и, не решая вопроса о праве на собор вообще, найдет возможным открыть таковой хотя на пасхальные дни, чтимые всей Латвией, как христианским государством».

10 апреля. Синод Латвийской православной церкви посылает арх. Иоанну письмо о бедственном положении Латвийской православной церкви. Одновременно пишет письмо патриарху Тихону с просьбой не отказать в благословении отъезда архиепископа Иоанна в Латвию. «Все бы это было бы терпимо, если бы у нас был свой архипастырь, епископ, который

мог бы нас объединить, руководить нами и установить внутренний мир в Латвийской православной церкви».

ЛГИА.Ф.7131.Оп.1.№3.Л.12. (См. также XX номер Альманаха, предисловие Сидякова Ю.Л., с. 6)

25–26 августа. На собрании представителей Латвийских православных приходов, которое прошло в помещении средней школы по ул. Никольская 2 в переполненном зале при участии министра внутренних дел господина Берга и представителя департамента духовных дел Мюленбаха (*Muhlenbacha*) обратились от имени православных протоиерей И. Борман и благочинный протоиерей Николай Тихомиров, которые сказали, что ЛПЦ нужен епископ. Между прочим, обсуждался вопрос, на каком языке вести заседание. Священник Челпанов из Латгалии предложил вести заседания на русском языке.

С этим не согласился Платер, выступивший против разделения на собрании по языковому принципу. Говорить надо по-латышски, а только в случае необходимости можно и по-русски. Единогласно было принято предложение Платера.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 39. Л. 171–172.

27 августа. Газета «Сегодня» (№ 183, с. 3) публикует две статьи «К собранию представителей православных приходов в Латвии» и «На собрании представителей православных приходов в Латвии».

«На вечернем заседании, несмотря на протест представителя правительства, большинством голосов были допущены представители Алексеевского и Краснодарского приходов. Русские представители предложили вести заседание на русском языке, но в результате дебатов за латышскими и русскими языками признаны одинаковые права. Представитель Андреев потребовал снятия с порядка дня предложения о самостоятельности православной церкви Латвии, об отношении православной церкви к государству и другим исповеданиям Латвии, и об управлении церковью, однако некоторые представители эти пункты считают самыми важными. Вице-председатель Буцен резко критикует репрессивное отношение правительства к православию. В общем получается впечатление, что заседание превращается в арену

политической борьбы». «На собрании представителей православных приходов Латвии министр внутренних дел выступил с речью, в которой, между прочим, заявил, что, несмотря на отделение церкви от государства, первая не занимает враждебного положения против последнего. Много дела предстоит церкви по возобновлению и укреплению народного сознания и нравственности, что может быть достигнуто лишь сознательной работой в пользу государства страны. В заключение своей речи г. министр указал, что в дни заседания собранию разрешается совершение богослужений в кафедральном соборе. До выбора президиума председательствовал директор департамента духовных дел Мюхленбах, сообщивший, что Алексеевский православный приход уже не существует и его представители на собрании не пользуются правом голоса. В президиум единогласно выбраны: священник Грундул – председатель, Буцен и Смирнов – вице-председатель, Свемп...»

Август. Латвийское правительство признало синод главным органом управления православной церковью в Латвии.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 39. Л. 163. (См. также Альманах XIV «Прибытие в Латвию» Сидякова Ю.Л.).

23 декабря. Газета «Сегодня» (№ 283, с. 1) публикует статью «Еще раз о старом стиле». «В то время, как весь европейский христианский мир будет праздновать праздник Рождества по новому стилю, русское православное население будет праздновать его по старому стилю. Произойдет этот анахронизм исключительно, благодаря непостижимому упорству православного духовенства, не признающего нового, т.е. астрономического правильного стиля. В защиту этого старого рутинерства обыкновенно выдвигают не менее странное объяснение, что дескать, новый стиль, введен в России (может быть и выдуман?) большевиками, а потому православной церкви не гоже руководствоваться ленинским летоисчислением...»

28 декабря. Состоялось пленарное заседание синода ЛПЦ. Между прочим разбирался вопрос о приглашении епископа в Латвию. Член синода Упеслей сообщил, что представители

собрания 1-го прихода обратились к синоду с вопросом о необходимости приглашения в Латвию епископа. Через члена мирной делегации Таубе отправлено соответствующее письмо патриарху Тихону, который, все-таки, его не получил от Таубе, так как у последнего не было возможности передать данное письмо. Лишь повторно посланное письмо было получено патриархом. Последний раз синод обратился к патриарху через дипломатический корпус в Москве, так как латвийским кандидатом на место епископа является Иоанн Поммер, живущий в Пензе. Однако нет никаких сведений хочет ли он ехать в Латвию.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 64. Л. 63.

1921 год

10 января. Письмо архиепископу Иоанну от протоиерея Рижской Вознесенской церкви Иоанна Бормана с призывом как можно быстрее приехать в Латвию: «...Мы, нынешние приходские священники, без своего архипастыря никак не можем найти согласия и договориться между собой: нет у нас единства – каждый делает, что ему вздумается. Понятно, что такое бедственное состояние ведет нашу церковь к увяданию, к смерти... Конечно, священники русских приходов охотно желали бы видеть у нас русского епископа, однако и они понимают, что в нынешнее время епископу необходимо знать латышский язык; да и латвийское правительство может признать только такого архиерея – то есть основательно знающего язык нашего народа. Поэтому не следует думать, будто русские приходы будут косо, с недоверием смотреть на епископа из латышей. Я уверен, что и со стороны русских приходов вы встретите полное признание...»

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. Но 3. Л. 1–4. (Прот. Иоанн Борман (1858–1930) , автор ряда книг, в т.ч. «Св. истории).

3 февраля. В газете «Сегодня» (Но 28, с. 3) опубликована статья «Протест Вознесенского прихода». «Приход Рижской Вознесенской церкви на заседании от 1 февраля единогласно принял следующую резолюцию: В виду того, что, согласно газетным сообщениям, патриарх Тихон назначил нынешнего Варшавского архиепископа, Серафима, архиепископом

православной церкви в Латвии, совет прихода Рижской Вознесенской церкви, в согласии с постановлением съезда представителей православных приходов Латвии от 25–26 августа 1920 г. признал, 1) что ни один верховный пастырь другой церкви не имеет права назначить верховного пастыря для самостоятельной и независимой православной церкви Латвии, или вмешиваться в ее дела; 2) что верховный пастырь православной церкви Латвии избирается и назначается исключительно съездом представителей православных приходов Латвии; 3) что верховным пастырем православной церкви Латвии может быть только гражданин Латвии и, 4) что для выборов епископа православной церкви Латвии немедленно должен быть созван съезд представителей православных приходов Латвии».

17 февраля. Письмо архиепископу Иоанну от уполномоченного Латвии по делам беженцам в РСФСР Эр. Штипсена с просьбой после письма синода выразить намерения по поводу возвращения в Латвию. Письмо уполномоченного по делам беженцам Латвии в РСФСР Эр. Штипсена архиепископу Иоанну: «Сим извещаю Вас о том, что синод Латвийской православной церкви высказал пожелание о Вашем возвращении в Латвию. Прошу сообщить нам точные сведения о Ваших намерениях для последующего сообщения в Ригу».

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. Но 3. Л. 5. (См. подробнее XIV Альманах, часть II «Прибытие в Латвию»).

10 марта. Под номером 100355 в департаменте Духовных дел зарегистрировано дело, связанное с просьбой католической церкви передать им в собственность, находящуюся в Креславке (г. Краслава) «каплицу Егория», которая принадлежит православным. Синод 11 марта 1921 года на своем заседании рассмотрел это дело.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 3. (Прим. Креслав-ка – ныне Краслава, получивший статус города в 1923 году).

11 марта. Газета «Сегодня» (Но 58, с. 4) опубликовала «Обращение православного синода Латвии к правительству и гражданам».

Общественные деятели в большинстве своем не останавливаются на вопросах религиозных верований. Теории современности умалчивают о человеческой религии, а если руководители политики иногда и интересуются тем или иным вероучением, то чаще всего из соображений либо внутренней, либо внешней политики, либо из других, ничего общего с вероучением не имеющих побуждений. Такое направление общественной мысли привело в Латвии с одной стороны к понижению интереса к вопросам религии, вообще, а с другой стороны – к сугубому попечительству государственной власти о церкви римско- католической. Миллионы народных средств уже потрачены во славу интересов католичества в Латвии, но домогательства местных князей католической церкви на этом не останавливаются.

Их руки тянутся к чужим святыням, и к не принадлежащим к чужим святыням и к не принадлежащим им имуществам. И в этом направлении их зоркий глаз, прежде всего, облюбовал достояние вдовствующей православной церкви. Не только глухие углы Латгалии стонут под натиском Рима, но и в прекрасной столице Латвии мы присутствуем при вопиющих посягательствах на достояние православных христиан. В 1918 году мученически погибший епископ Платон, движимый истинным духом христианской взаимности, дал свое согласие на устройство в рижском архиерейском доме временных курсов католической конфирмации, но впоследствии (после изгнания большевиков) местное католическое духовенство вероломно попрало заветы любви, присвоило себе ключи архиерейского дома, приделало ко входам новые замки, а за сим поселило, как в архиерейском доме, так и в кельях бывшего Алексеевского монастыря жильцов. Алексеевская церковь обращена в костел, а на братское представление синода представители католичества отвечают требованием о формальной передаче им государственной властью сих чтимых православным населением обителей. Как в сем случае, так и в ряде других завоевательных устремлений идеологи Рима не останавливаются ни перед элементарными понятиями христианской морали, ни перед бесспорными имущественными

правами православной церкви. Печется ли правительственная власть о мире между христианскими общинами? Мы до сего времени не располагаем достаточными к тому данными, но уже в течение года висящий на входах рижского кафедрального собора правительственный замок говорит сам за себя. И потому по вопросу об архиерейском доме и Алексеевском монастыре у нас нет спокойной уверенности: не исключена возможность, что достояние православных христиан станет жертвой вящей славы папского престола, что правда евангельская потонет в игрище политической суеты. Опомнитесь правители! Еще не поздно исправить невольные, быть может, заблуждения. Дайте достойный ответ насильникам христианского общежития. В нас сильна уверенность, что широкие слои верующих католиков в самой резкой форме осудят захватническую политику своих верхов, ибо они располагают достаточным количеством храмов, где без укоров совести могут возносить свои молитвы к Всевышнему; молитва же насильника в глазах жертвы не угодна пресвятой Деве. А все вы, исповедующие Христа, оцените по совести посягательства непрошенных опекунов и юридически неправомочных «наследников». Вспомните, как на полях битвы вы были вместе с православными плечом к плечу за справедливость и лучшее будущее. Не давайте осрамить страны нашей. Имеющие уши, да слышат!

Синод ЛПЦ, все рижские русские и латышские православные приходы, бес-партийная фракция Учредительного собрания, фракция русского национально-демократического союза Учредительного собрания, союз православных приходов».

21 марта. В Синоде рассматривалось прошение от Совета прихода Вознесенской церкви. Решено: вести переговоры с правительством, чтобы 2 раза в месяц и по всем праздникам по новому стилю кафедральный собор передавать для нужд прихода церкви Вознесения, а в другие дни и на праздники по старому стилю для русского прихода.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 5. (Прим. в Вознесенской церкви богослужение ведется на латышском языке).

23 марта. Единогласно синод решил подать в министерство внутренних дел просьбу о передачи в распоряжение синода кафедрального собора в связи с решением от 21 марта 1921 года. Также синод заслушал пояснения Т. Буцена о его разговоре с помощником министра внутренних дел, который сказал, что в ближайшее время необходимо подать статуты о епископе с его отношением к власти.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 6. (Прим. Т. Буцен (1869 – 1942 гг., член Синода ЛПЦ).

Газета «Сегодня» (№ 68, с. 4) публикует заметку «Кафедральный собор». «Кафедральный собор передан в ведение православного синода, который решит, каким целям собор впредь должен служить. Кандидатами на собор являются латышский приход церкви Вознесения и бывший русский приход кафедрального собора».

31 марта. Газета «Сегодня» (№ 71, с. 4) публикует заметку «Кафедральный собор». «Спор относительно кафедрального собора разрешен следующим образом: воскресные службы будут совершаться в одно воскресенье для русского прихода, в другое – для латышского. Первое богослужение для русского прихода состоится в воскресенье 3 апреля».

2 апреля. Ответ архиепископа Иоанна уполномоченному по делам беженцам Латвии в РСФСР со словами признательности. Архиепископ Иоанн назвал 3 условия возвращения его в Латвию:

«1, если кафедра православного епископа в Латвии канонически и фактически свободна;

2, если выраженное синодом пожелание и приглашение можно рассматривать как приглашение и пожелание всех латвийских православных приходов;

3, если моему возвращению в Латвию для занятия епископской кафедры не будут возведены непреодолимые преграды здесь, в России, как это было до сих пор».

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 3. Л. 6. (См. подробнее XIV Альманах, часть II «Прибытие в Латвию»).

13 апреля. Состоялось заседание синода, в котором приняли участие И. Борман, А. Македонский, Я. Свемп, П.

Смирнов. В частности, синод обратил внимание на то, что еще до сих пор не получен из России от патриарха и архиепископа Иоанна ответ на просьбу, чтобы архиепископ Иоанн прибыл в Латвию и занял место Владыки. Синод решил еще раз обратиться к ним с просьбой дать ясный ответ на их запрос и попросить священника И. Бормана составить письмо архиепископу Иоанну и священника А. Македонского – письмо патриарху и представить их синоду на следующем заседании. На том же заседании Синода был поставлен вопрос о подготовке помещения для нужд канцелярии епископа. Синод решил: для этой цели освободить квартиру № 2 по улице М. Пилс 13, которую взял нынешний управляющий священник о. Я. Свемп. Для нужд епископского хора Синод решил освободить квартиру № 3 в том же доме.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 10.

14 апреля. Письмо от имени члена св. синода митрополита Евсевия, делопроизводителя Н. Нумерова Преосвященному Иоанну, архиепископу Пензенскому и Саранскому с постановлением синода: «В виду выраженного представителями клира и мирян Латвийской православной церкви желания иметь на Рижской архиерейской кафедре Ваше Преосвященство, назначить Вас архиепископом Рижским с подчинением Вашему заведованию всех православных приходов и учреждений, находящихся в пределах Латвии, о чем уведомить Ваше Преосвященство».

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 3. Л. 9.

Газета «Сегодня» (№ 83, с. 3) публикует заметку «Синод православной церкви».

«Синод православной церкви обратился к департаменту духовных дел с просьбой заботиться о выдаче из хранилища государственной казны икон и других церковных принадлежностей, отнятых в большевистское время».

21 апреля. Письмо членов синода ЛПЦ И. Бормана, А. Македонского, Т. Буцена, П. Смирнова, Н. Шалина, А. Лисмана к архиепископу Иоанну со словами благодарности за его решение вернуться в Латвию. *ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 3. Л. 7–8.*

2 мая. В Алексеевском монастыре появился чиновник министерства внутренних дел для перенятия монастыря в руки заведующего, назначенного правительством.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 21.

9 мая. На заседании синода был составлен ответ Управлению Рижских городских предприятий о том, что кафедральный собор не находился в распоряжении синода и поэтому нет оснований для оплаты счета за электричество в сумме 460 рублей с 1 декабря по 31 декабря 1920 года.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 16.

11 мая. На заседании синода Т. Буцен сообщил, что правительство вычеркнуло из бюджета статью на 100000 рублей, которые выданы были для департамента духовных дел. Обсуждая последствия этого прискорбного сообщения, синод решил подать правительству мотивированную докладную записку о тяжелом материальном положении православной церкви и обратить внимание на многие услуги церкви для государства, просить о материальной поддержке.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 16.

20 мая. На заседании синода обсуждался вопрос о содержании кафедрального собора. Учитывая то, что правительство передало кафедральный собор не в распоряжение прихода, а в распоряжение синода, принято решение временно перенять движимое и недвижимое имущество кафедрального собора от представителя прихода и составить о. Я. Свемпу и Платеру акт приема.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. Но 65. Л. 18.

21 мая. Иеромонах Иерофей Ушаков, временно откомандированный при Покровской церкви города Пензы, написал прошение архиепископу Иоанну с просьбой принять его в один из монастырей Латвии.

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1 Но 35. Л. 1.

1 июня. Состоялось заседание синода, на котором настоятельница Алексеевского монастыря (имеется в виду иг. Евгения) сделала устное сообщение о том, что 2 мая 1921 года в монастырь явился чиновник министерства внутренних дел для перенятия собственности в руки заведующего, назначенного

правительством. Синод принял решение заявить протест против такого своеволия и подать соответствующее заявление в юридическую комиссию Учредительного собрания.

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 16.

1 июня иеродиакон Вьясского Владимирско- Богородицкого мужского монастыря Пензенской епархии Сионий написал письмо архиепископу Иоанну с просьбой принять его на жительство в один из монастырей Латвии.

131

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 26. Л. 1.

6 июня. В журнале регистрации синода запись № 436: «Члены св. синода митроп. Евлогия с препровождающим послания патриарха о назначении епископом Латвийской церкви архиепископа Иоанна».

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 324, Л. 36.

16 июня. Письмо от члена св. синода митрополита Евсевия преосвященному Иоанну, архиепископу Пензенскому и Саранскому с постановлением из 3 пунктов: «1) признать деятельность вашего преосвященства по управлению Пензенскою епархией в переживаемое смутное время заслуживающею полного одобрения, 2) признать желательным и дальнейшее пребывание ваше на Пензенской кафедре, но в виду решительного заявления Вашего о невозможности оставаться на сей кафедре назначить Вас архиепископом Рижским...»

ЛГИА Ф. 7131. Оп. 1. № 3. Л. 11.

27 июня. На заседании синода настоятельница Рижского женского монастыря иг. Евгения сообщила, что 27 июня произведена передача здания монастыря правительственным чиновникам. В связи с этим, она предлагает синоду обратиться к правительству с просьбой выхлопотать самые маленькие помещения № 5 и № 15 с сараем и погребом, которые оставить монастырю: здание № 5 школе и для нужд приюта, а здание № 15, в котором находится свечная фабрика – свечной фабрике.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 26. (Прим. Игуменья Евгения Постовая (1864 – 1948 гг.).

28 июня. Департамент духовных дел отправил письмо синоду ЛПЦ со штампом Временного правительства, министерства внутренних дел о «Временных правилах ЛПЦ, владыка – епископ» с просьбой после внесенных исправлений прислать письмо в департамент духовных дел:

1. Владыка-епископ – представитель ЛПЦ, его высочайший уездатель, святитель и молитвенник. Владыку-епископа выбирает Поместный Собор, если его представляют не меньше половины советов приходов. Выбранным владыкой-епископом считается тот, за кого проголосовало не менее $\frac{3}{4}$ участников Собора. Примечание: Собор по своему усмотрению может выбрать несколько епископов, при чем одного из них Собор назначает владыкой, а остальные остаются викарными епископами.

2. Собор выбирает владыку из кандидатов, которые знают местные обстоятельства – владеют государственным языком и являются латвийскими гражданами.

3. Акт о выборе владыки-епископа синод подает на утверждение латвийскому правительству.

4. Выбранный владыка-епископ принимает в управление ЛПЦ, давая торжественную клятву верности латвийской республике.

5. О выбранном на соборе и утвержденным владыкой-епископе провозглашает Правительственный вестник (Valdības Vēstnesis).

6. Владыка-епископ, как заместитель апостола принимает каноническую власть над латвийскими православными приходами, руководит жизнью приходов в соответствии с канонами и для распространения религиозно-нравственной жизнью.

7. Руководящий церковью владыка-епископ, как постоянный и независимый владыка ЛПЦ не зависим ни от какой иерархической персоны и вместе с синодом ответственен только перед Собором.

8. Кафедра владыки-епископа находится в столице Латвии – Риге.

9. Владыка-епископ содержится на средства ЛПЦ, размер содержания определяет синод и утверждает Собор.

10. Владыка-епископ остается на своем месте до своей смерти, но в случае долгой болезни, возраста, неспособности или каких-то других обстоятельств владыку-епископа переизбирает Собор. Директор департамента духовных дел просит в письме в случае согласия с временными правилами, выслать их обратно уже исправленными. (Перевод с латышского языка).

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 93. Л. 3.

29 июня. Синод на своем заседании решил обратиться к патриарху Тихону с просьбой прислать в Латвию миро с крестом.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 27.

4 июля. На заседании синода в связи с полученным сообщением министра внутренних дел о согласии с решением синода принять епископа с соответствующими для него почестями, решено: послать членов синода к границе Латвии. Благочинным, а также желающим принять участие в церемонии священникам, проживающим недалеко от железной дороги, дожидаться владыки на станциях. В Риге всем приходам с крестным ходом дожидаться у вокзала, от которого епископа нужно будет проводить до кафедрального собора.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 28.

4 июля в Латвийский православный синод подала прошение настоятельница Свято-Троице Сергиева женского монастыря игуменья Евгения:

«Имея сведения из департамента духовных дел о притязании католиков на захват монастыря, покорнейше прошу синод стать на защиту православного Свято-Троице-Сергиева монастыря».

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 109. Л. 113.

5 июля. Письмо в канцелярию министра внутренних дел о выполнении распоряжения от 25 мая № 238992. Синод выслал отчет об использовании государственной поддержки православной церкви в размере 500 000 рублей.

ЛГИА 7469. Оп. 1. № 111. Л. 57.

6 июля. Патриарх Тихон и состоящие при нем органы управления признали за полезное выдать архиепископу Иоанну документ, предоставляющий ему и возглавляемой им церкви предусмотренную в канонах самостоятельность и независимость следующего содержания: «Преосвященному Иоанну архиепископу Рижскому. По благословению святейшего патриарха, священный синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии имели суждение о даровании православной церкви в Латвии самостоятельности в делах церковно- административных, церковно-просветительских и церковно-гражданских. Постановлено: принимая во внимание, что православная церковь в Латвии находится в пределах самостоятельного государства, предоставить названной церкви пользоваться самостоятельностью во всех делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, церковно-просветительных и церковно-гражданских, о чем уведомить ваше преосвященство. Июль 6\19 1921 года, No 1026. Подлинное за надлежащими подписями». «Вера и жизнь» 1923 год, No 8\9, с. 4–5.

Письмо семьи Алашеевых архиепископу Иоанну: «Посылаю Вам еще 63.000 за проданные мною вещи: зеркало стенное – 30.000, будильник – 20.000, дорожку – 8.000 и ножницы маленькие – 5.000. Остальные вещи не продаются, вообще все стало дешево, и никто ничего не покупает».

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. No 26. Л. 11.

19 июля. Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон «в виду неотступных просьб Латвийской церкви» нашел возможным отпустить архиепископа Иоанна в Латвию.

21 июля. Из неподписанного (скорее всего письмо принадлежит игуменье Евгении) письма от 22 июля 1921 года: «21 июля около 6 часов вечера в ограду монастыря пришли для осмотра монастыря и соборного храма два ксендза в штатских костюмах. Один из них был ксендз Кублинский. После того, как мною ксендз Кублинский был опознан, они очень смутились, и они оба быстро ушли, не осмотрев соборного храма. Ксендз Кублинский заявил, что они не претендуют на чужую собственность и просили это передать другим».

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 109. Л. 44.

Архиепископу Иоанну из Берлина отправил письмо с членом-казначеем латвийского синода Вл.Я. Упеслеем, архиепископ Евлогий. В том числе в нем отмечено: «Собираемся мы и свои ничтожные лепты выделить на голодающих в России...»

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 26. Л. 14.

23 июля. Газета «Сегодня» № 164, с. 3 в разделе «Хроника» о «Приезде и торжественной встрече Владыки»: «Вчера в 3 часа дня православный синод получил из министерства иностранных дел телеграфное извещение, что давно ожидаемый в Риге архиепископ Иоанн (Поммер) уже переехал границу Латвии. По просьбе синода владыка немного задержался в Крейцбурге для отдыха и духовного назидания местной православной паствы с таким расчетом, чтобы в воскресенье 24 июля в 8 часов 15 минут утра прибыть в Ригу. Навстречу владыке выехали в особом салоне-вагоне, любезно предоставленном железной дорогой, члены синода священники Я. Свемп и Т. Буцен, с протодьяконом К. Дориным и представителем рижского латышского Вознесенского прихода И. Чакуром и родной брат владыки учитель г. Поммер...

23 июля газета «Рижский Курьер» (№ 169, с. 3) пишет о прибытии 24 июля в Ригу арх. Иоанна.

23 июля митрополит Антоний написал письмо архиепископу Иоанну: «Высшим Русским Церковным Управлением за границей получен от святейшего патриарха Московского Тихона указ № 424 от 26 марта – 8 апреля 1921 года, из которого явствует, что его святейшеством признано сие Управление как законный орган, ведающий делами Российской церкви за границей... Высшее Русское Церковное Управление за границей просит вас не отказать, с своей стороны сообщить ваш отзыв, изложив ваши воззрения на сей предмет в связи со всеми обстоятельствами местной обстановки».

ЛГИА Ф. 7469. Оп. 1. № 26. Л. 4–5.

24 июля. Газета «Сегодня» (№ 165, с. 3) печатает статью «К прибытию арх. Иоанна».

«Наконец-то, после продолжительных мытарств, православная паства Латвии, состоящая из латышей и русских, получит своего нового архипастыря. Архиепископ Иоанн будет поминаться в православных церквях, как «архиепископ Рижский и всея Латвии». Он воспитанник Рижской духовной семинарии и, как другие латыши, получившие там свое образование, принимал деятельное участие в национальном возрождении своего народа еще задолго до начала войны. После его избрания на кафедру на прошлогоднем съезде православного духовенства и мирян шла деятельная переписка между православным синодом и департаментом духовных дел, с одной стороны, и латвийским представительством в Москве – с другой.

Православный синод, получив в свое ведение православный собор, выработал нормы служения в нем для удовлетворения духовных потребностей, как латышской, так и русской части православной паствы. Арх. Иоанн подписал выработанные синодом условия при принятии присяги в Москве на гражданство Латвийской республики. Этим, как бы заранее устранено возникновение предлогов для возможных трений между единоверцами обоих народов. Православных латышей статистика насчитывает около 100 000, а число русских правосл. граждан Латвии достигает 75 000 человек...»

Газета «Сегодня» 26 июля 1921 года (№ 166 с. 1) напечатала статью «Архиепископ в подвале».

«...После молебна, паства высыпала на улицу, чтобы провожать арх. в предложенные ему синодом покои, в доме на Замковой улице № 13, находящимся как раз против архиерейского дома...»

Газета «Рижский Курьер» (№ 170, с. 3). «В воскресенье утром из Москвы с Режицким поездом прибыл в Ригу в салон-вагоне латвийского посольства православный епископ Иоанн (в миру Поммер). Несмотря на то, что весть о прибытии столь давно ожидаемого архипастыря в Риге была получена очень поздно – встретить его собралось очень много народу. У часовни двинского вокзала стали прибывшие с разных частей города крестные ходы, а на перроне – духовенство, депутации и

кафедральный хор под управлением г. Михельсона. По прибытии поезда в салон-вагон вошли настоятель Вознесенского латышского прихода о. Борман, благочинный о. Тихомиров и делегации от православных приходов. Когда владыка вышел из вагона и впервые благословил народ – хор стройно пропел «Ис полла эсти, деспота». При пении на латышском языке «Достойно есть» – торжественное шествие тронулось с перрона через вокзал к часовне, сопровождаемое многочисленной публикой. Впечатление получилось очень сильное... Из собора владыка не вышел, но остался жить в одном из подвальных помещений церкви, весьма бедно меблированной. Здесь же русская делегация поднесла ему традиционный «хлеб-соль». Распростившись со своей пензенской паствой, преосв. Иоанн долгое время проживал в Москве, не имея возможности прибыть в Латвию, так как советская власть медлила с выдачей бумаг владыке. Только энергичное вмешательство Латвийского посольства в Москве дало возможность преосв. Иоанну наконец выехать на родину. То же посольство предоставило ему место в своем салоне-вагоне и дало с собой одного из своих представителей, который сопровождал его до самой Риги...»

26 июля. Статья в ежедневной газете «Сегодня» (№ 166, с. 1) «Архиепископ в подвале». «В исторический для латышей Ольгин день состоялся въезд первого православного «архиепископа всея Латвии» в столицу новой свободной Латвии... К сожалению, представители правительства не приняли в соображение этой знаменательной для латышского национального самолюбия даты. Ибо, кроме городского главы г. Андерсона, никто из правительства встретить нового православного архиерея не вышел... Зато простонародье с необыкновенным радушием встретило архиепископа Иоанна, которым по праву может гордиться латышский народ!.. Каково же было удивление толпы, когда архиерей от предложения синода отказался и спустился в сырой подвал Собора... заявив: «... предпочитаю остановиться в собственном подвале, пока правительство не найдет нужным вернуть мне мое законное достоинство, архиерейский дом и Алексеевский монастырь»».

В газете «Сегодня» (№ 166, с. 4) помещена заметка «Проектируемое удаление часовни». «По предложению члена комиссии А. Вецкална городской отдел строительства постановил предложить Городской Управе принять меры для удаления православной часовни, построенной на площади против станции Рига 1 в память избавления Александра 3 у ст. Борки в 1888 г. Городская Управа поручила отделу строительства совместно с городским юрисконсультom выяснить вопрос, имеет ли город право на удаление этого памятника».

Состоялось первое, после возвращения архиепископа Иоанна в Латвию, заседание синода с его участием. В заседании приняли также участие: протоиерей И. Борман, священник А. Македонский, священник Я. Свемп, Т. Буцен, Н. Шалин и П. Смирнов. Вел заседание архиепископ Иоанн, предложивший разработать правила для миссионерской деятельности в деревне.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 33.

26 июля. Короткая заметка в газете «Латвияс саргс» («Latvijas Sargs» («Страж Латвии»)) № 165 о прибытии в Ригу архиепископа Иоанна.

28 июля. Газета «Лиепаяс авизе» («Liepājas avīze») в статье «Латвийская православная церковь принимает архиепископа в Риге» (№ 78) рассказывает читателям о приезде арх. Иоанна в Ригу и его поселении в погребке кафедрального собора.

Газета «Рижский Курьер» (№ 177, 1921 г. 2 августа, с. 3) сообщает, что 28 июля в Дуббельнской церкви св. Владимира был престольный праздник.

За обедней священник А. Македонский был посвящен в протоиереи и протоиерей о. Лисман награжден камилавкой. Божественную литургию совершил прибывший из Риги арх. Иоанн. По окончании литургии владыка обратился к молящимся со словом на слова пророка: «Сокрушенная трость – не изотрется, и лен курящийся – не погаснет».

Газета «Сегодня» публикует статью «Попранное право». «Неисповедимой волей судеб и дипломатии черного Иисусова воинства, иезуитов, случилось так, что православный архиепископ и глава православной церкви всей Латвии не

попал в собственный дом, неожиданно захлопнутым дверью перед его лицом. И оттого, что аристократическому католическому «бискупу» в шуршащих шелковых рясах понадобились покои русского архиепископа, православный архиепископ в ветхой и потрепанной одежде и грубых солдатских сапогах вынужден был поселиться в сырой и тесной конурке соборного подвала рядом со сторожем в ожидании, пока будет восстановлено поправное право. Оставляя до поры до времени за собой право вернуться к методам иезуитов и, в частности, способам ликвидации ими «схизмы» в Латвии, мы, будучи вполне согласны с архиепископом Поммером, что вопрос об Алексеевской церкви должен быть пересмотрен вновь, сейчас ограничиваемся лишь приведением доводов, восстановленных нами в августе 1919 года, когда по проискам иезуитов правительством был впервые поставлен на повестку дня вопрос о судьбе Алексеевской церкви, тем более, что эти аргументы не утратили своего значения и теперь. Доводы эти двоякого рода. В 1582 году по завоевании поляками г. Риги на месте нынешнего православного Алексеевского монастыря был построен небольшой деревянный костел во имя Марии Магдалины. Костел просуществовал до 1660 года, когда он был отнят новыми завоевателями Риги шведами, превратившими костел в лютеранскую кирху. В 1710 году по завоевании Риги Петром I на месте этой кирхи была построена военная церковь во имя Алексея Божьего человека, считавшегося крепостной гарнизонной церковью. С перенесением крепости в Усть-Двинск, Алексеевская церковь была заново перестроена бывшим губернатором Риги кн. Долгоруковым и передана православным жителям Риги. С этого времени церковь стала считаться приходской. В 1836 году при арх. Иринархе была сделана пристройка к церкви архиерейского дома на месте стоявшего до этих пор городского аптечного дома, снесенного Городской Управой по просьбе Иринарха. С постройкой архиерейского дома при Алексеевской церкви рижские православные епископы, как монахи, нуждались в ежедневной церковной службе, а так как наличный штат церкви тогдашнего времени физически не мог отправить все ежедневные богослужения, то в

1896 г. рижский архиепископ Арсений вошел с ходатайством в синод преобразовать церковь в монастырь и разрешить поселиться при церкви монашествующим. Синод согласился и указом от 21 марта 1896 года повелел быть рижской приходской церкви монастырем 2 класса с полагающимся штатом монашествующих. Однако прихожане сохранили все свои требы в Алексеевской церкви. Цифры посещаемости, доводов и записей убедительно говорят об интенсивной приходской жизни Алексеевской церкви. В феврале 1918 г. германские оккупационные власти заняли церковь для германских солдат-католиков, а когда в декабре того же года немцы решили эвакуировать Ригу, военный ксендз, настоятель временно занятого Алексеевского монастыря, 28 декабря прислал одному из местных священников хранящиеся теперь в делах официальное письмо с извещением, что ключи от церкви и самую церковь он передаст православному духовенству. Однако, стремительное наступление большевиков на Ригу помешало официальной передаче церкви православному Алексеевскому приходу. Пользуясь замешательством, ксендз соседнего с Алексеевской церковью костела самовольно и самочинно захватил монастырь и не допустил больше православных в исторически принадлежащую им церковь. Вот история «прав» католиков на церковь».

29 июля. На заседании синода, которое вел архиепископ Иоанн, его участники предложили выразить благодарность патриарху Тихону за епископа. Предложение было принято единогласно. Также синод обсудил предложение департамента духовных дел о просьбе католиков передать им во владение Илукстский женский монастырь.

ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. № 65. Л. 34.

Газета «Сегодня» (№ 169, с. 2) публикует статью «Архиепископ Иоанн». «Архиепископ Иоанн заявил посетившему его представителю печати по поводу речи, произнесенной им в кафедральном соборе, вызвавшей упрёки в части печати, следующее: «Еще в мою бытность в Москве, до отъезда в Ригу, я в латвийском посольстве принес присягу верности, и мне кажется, что уже одно это свидетельствует о

том, что я признаю Латвию как государство». Если бы у меня были какие-либо сомнения, я бы не стал латвийским гражданином и не согласился бы жертвовать своими силами для дела, которое мне неясно. Как уроженец Латвии, я не переставал любить родину. У меня было постоянное искреннее желание служить своей родине и работать на ее благо, – не от меня зависело, что у меня не было возможности уже раньше посвятить ей свои силы. Обстоятельства были таковы, что православный священнослужитель-латыш, достигший высшего духовного сана, мог работать в России где угодно, только не в Латвии. Когда я, будучи сам латышом и обращаясь на латышском языке к латышам, говорю о родине, которая мне мила и дорога, и призываю паству к работе на благо родины, то, по моему мнению, понятно каждому, чей ум не омрачен чувствами ненависти или недоброжелательства, что я говорил о Латвии, т.к. родиной латыша является ведь Латвия. Я думаю причиной недоразумения ни в коем случае не послужили ни моя речь в соборе, ни мое поведение или другие какие-либо факты и обстоятельства, в связи с которыми некоторые лица высказались в резкой форме обо мне или о тех национальных и исповедных группах, представителем коих я тут являюсь». Относительно отобранного недавно у православного прихода имущества архиепископ полагает, что лично к нему эта оскорбительная мера, несомненно, отнестись не может и, если бы она даже была направлена против него, то он не чувствует себя ею задетым. «Я родился в демократической среде и не привык к роскошному образу жизни. Мне все равно, жить ли в бедной хижине, уютном помещении или даже во дворце, я – человек труда и согласен постоянно жить на положении труженика. Лично для себя я не буду добиваться ни у правительства, ни у своей паствы богатого дома или роскошной обстановки. Если бы это потребовалось для государственно-экономического блага Латвии, я согласен всю жизнь провести в подвале, где я в данный момент нахожусь. Мой духовный труд связан с мирскими обстоятельствами и целями, из которых я выше всего ценю благополучие своей родины». Затем владыка заявил, что совершать богослужения он будет постоянно в

кафедральном соборе, но службы будут им совершаться и в других храмах. Высшее духовное лицо православных приходов Латвии поселился в крохотной подвальной комнатке под собором. Холодный, спертый воздух встречает спустившегося по узкой лестнице уже в коридоре. В комнатке находится кушетка, служащая и кроватью, стол, несколько стульев и другие мелкие вещи. В комнатку не проникает ни один солнечный луч».

Тот же номер газеты «Сегодня» (№ 169, с. 3) сообщает: «Архиепископ Иоанн посетил президента Учредительного собрания Яниса Чаксте. Беседа продолжалась 1 1/2 часа и носила весьма сердечный характер. О результатах беседы архиепископ сообщил на заседании синода. В течение беседы архиепископу было обещано, что постановление относительно передачи архиерейского дома будет подвергнуто пересмотру. высокопреосвященнейшего Иоанна посетили члены английского посольства».

31 июля. Газета «Рижский Курьер» (№ 176, 1921 год 1 августа, с. 2) сообщает, что в «...воскресенье на кладбище Вознесенского православного латышского прихода панихиду по убиенным и скончавшимся воинам латвийским и по всем в Бозе почившим отцам, братьям и сестрам нашим. В своем обращении к народу владыка приглашает свято чтить память почивших и не забывать того, что они своими трудами, ранами и смертью дали нам свободную Латвию, которую мы должны любить и интересы которой нам следует защищать прежде всего. Отдельная панихида была отслужена у могилы первого латвийского военного министра Ивана Залита. На панихидах присутствовало много молящихся, в том числе генерал Гоппер и военный министр Земгал. По окончании богослужения архипастырю в школе Вознесенского прихода был предложен чай, на котором присутствовало до 50 приглашенных гостей и видных прихожан».

Июль. Без даты – Письмо от пензенского почитателя Ф. Голышева: «10 декабря сдал в Латвийскую миссию 750000 тысяч Вам принадлежащих денег, из каких 300000 тысяч собраны были от Ваших почитателей, 200000 тысяч получено от

отца Ерастия, 60000 тысяч от М.Н. Алашеевой и 190000 мною
выручено от продажи Ваших денег».

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 35. Л. 80.

(продолжение следует).

Авторский коллектив

Сергей Мазур – преподаватель истории частной школы “Innova”.

Юрий Сидяков – доктор филологии, доцент отделения русистики и славистики Латвийского университета.

Игорь Суриков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ (г. Москва).

Виктор Сушкевич – магистр искусств, председатель секции скульпторов.

Юрий Касянич – поэт, переводчик, прозаик.

Сергей Цоя – магистр истории, член редколлегии альманаха “Русский мир и Латвия”.